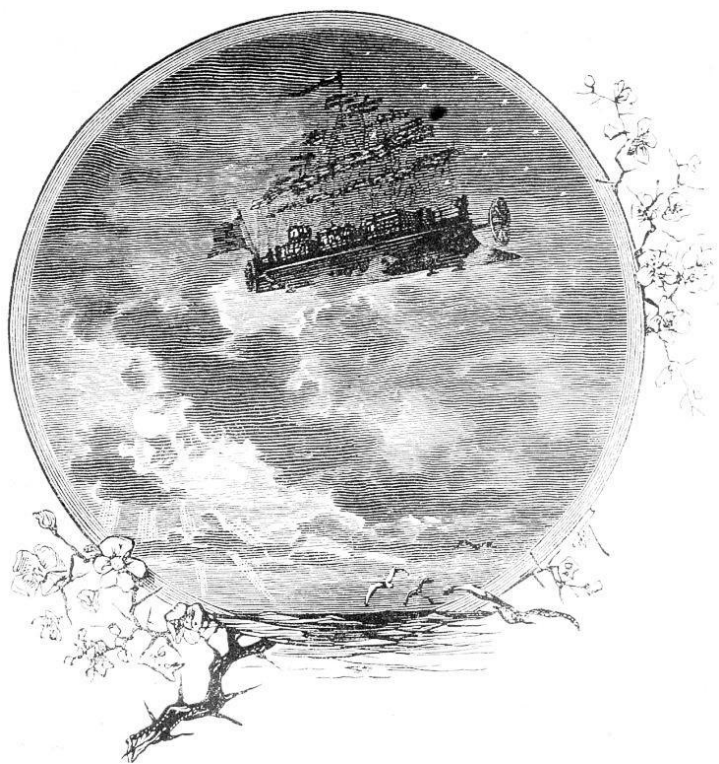

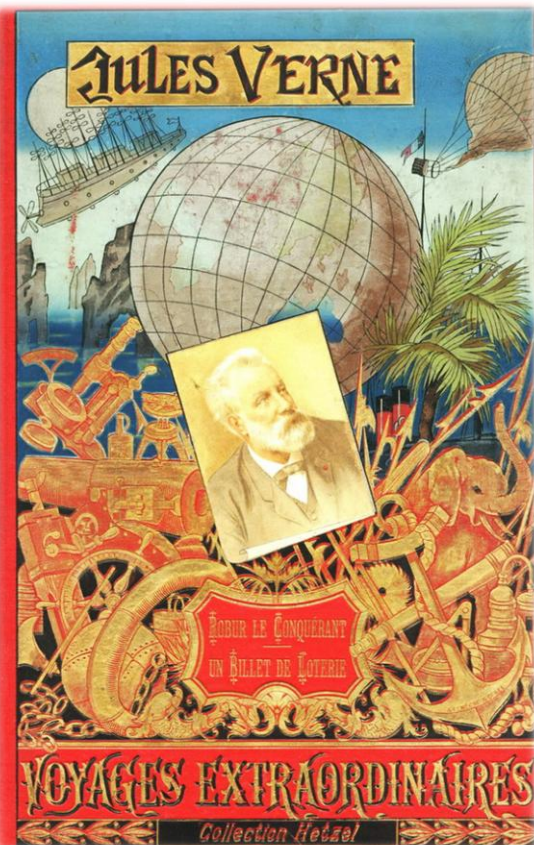
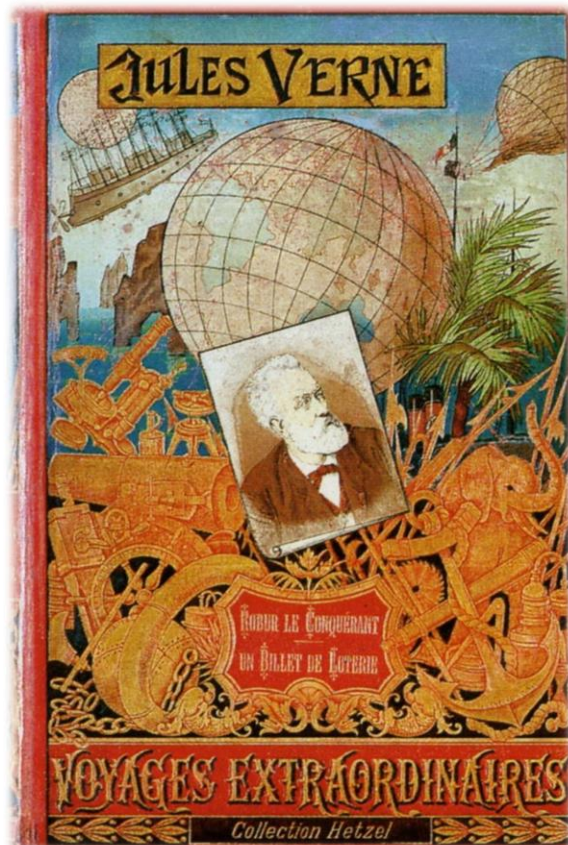
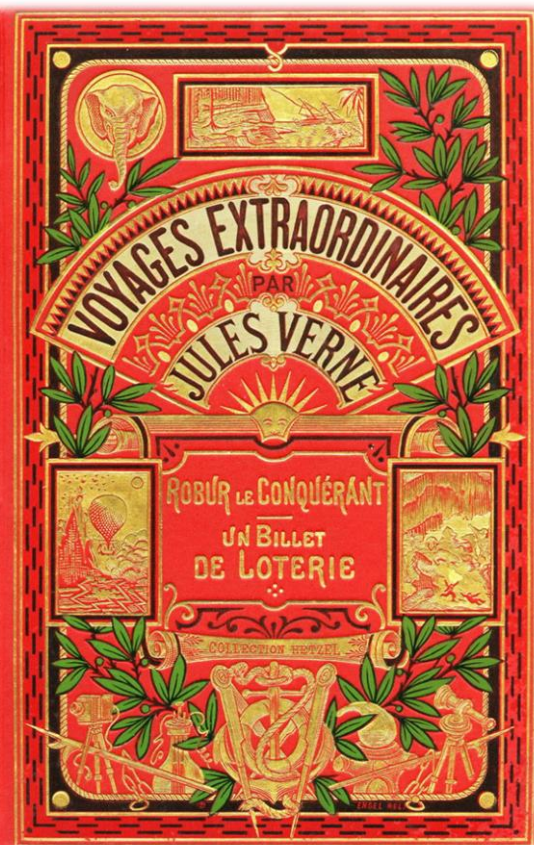
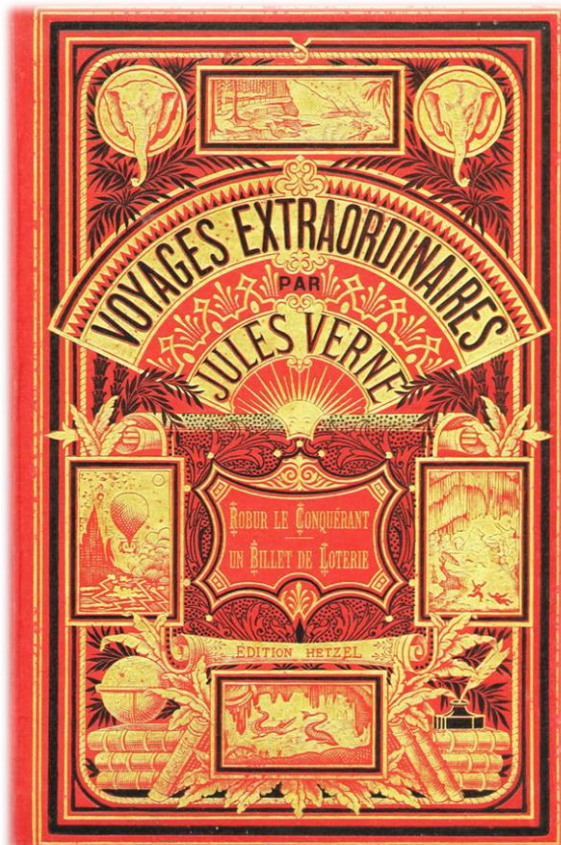

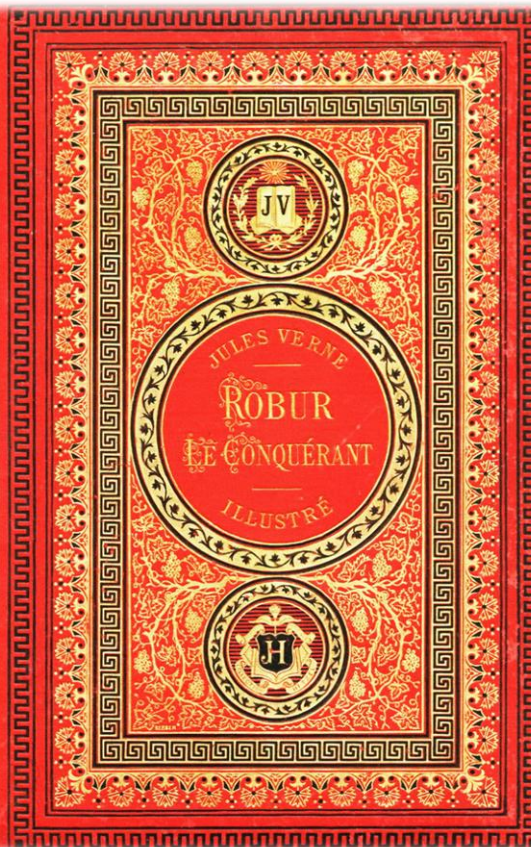
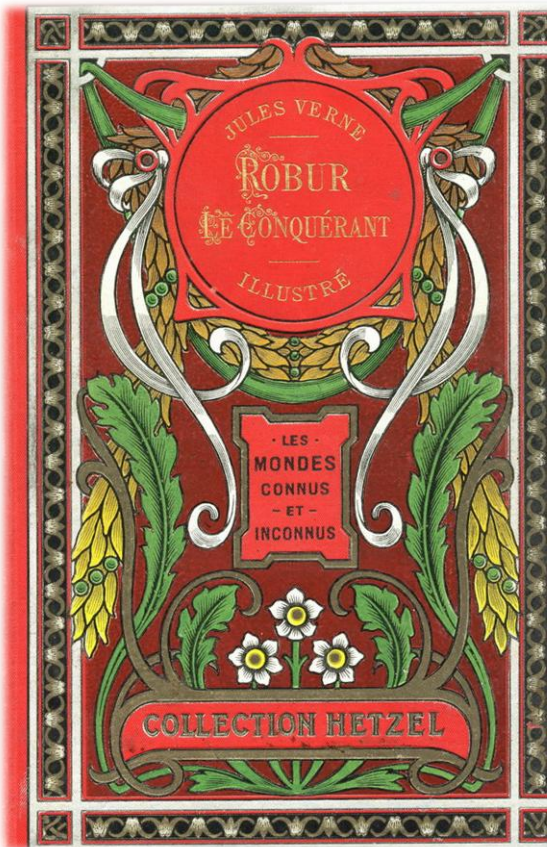
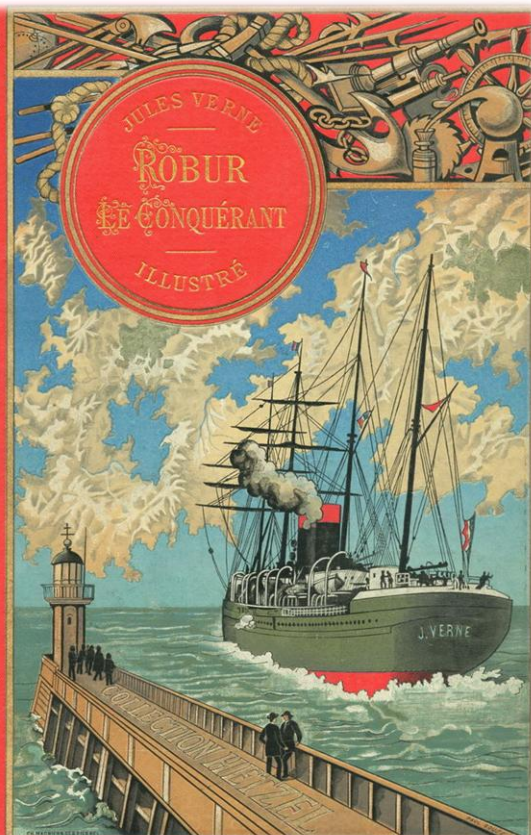
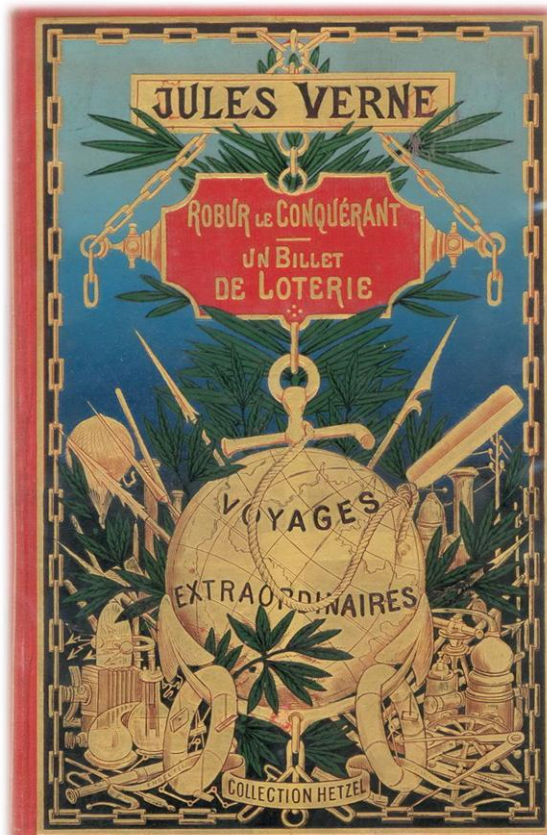
Жюль Верн

Робур-Завоеватель

*Перевод Елизаветы Михайловны Шишмаревой,
Якова Залмановича Лесюка
Иллюстрации Леона Бенета
Комментарии Евгения Борисова.*

JULES VERNE

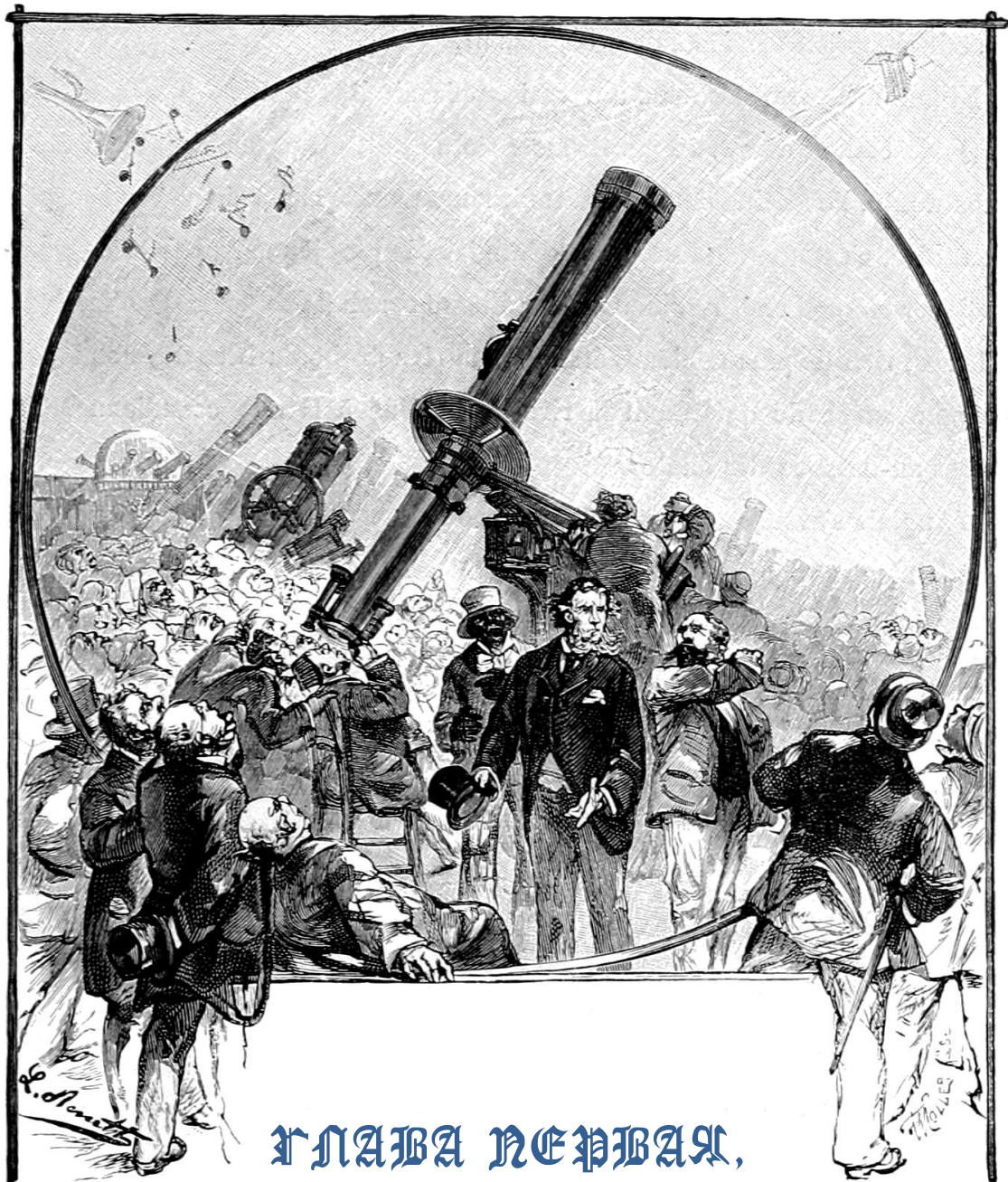
ROBUR

LE

CONQUÉRANT

J. HETZEL EDITEUR

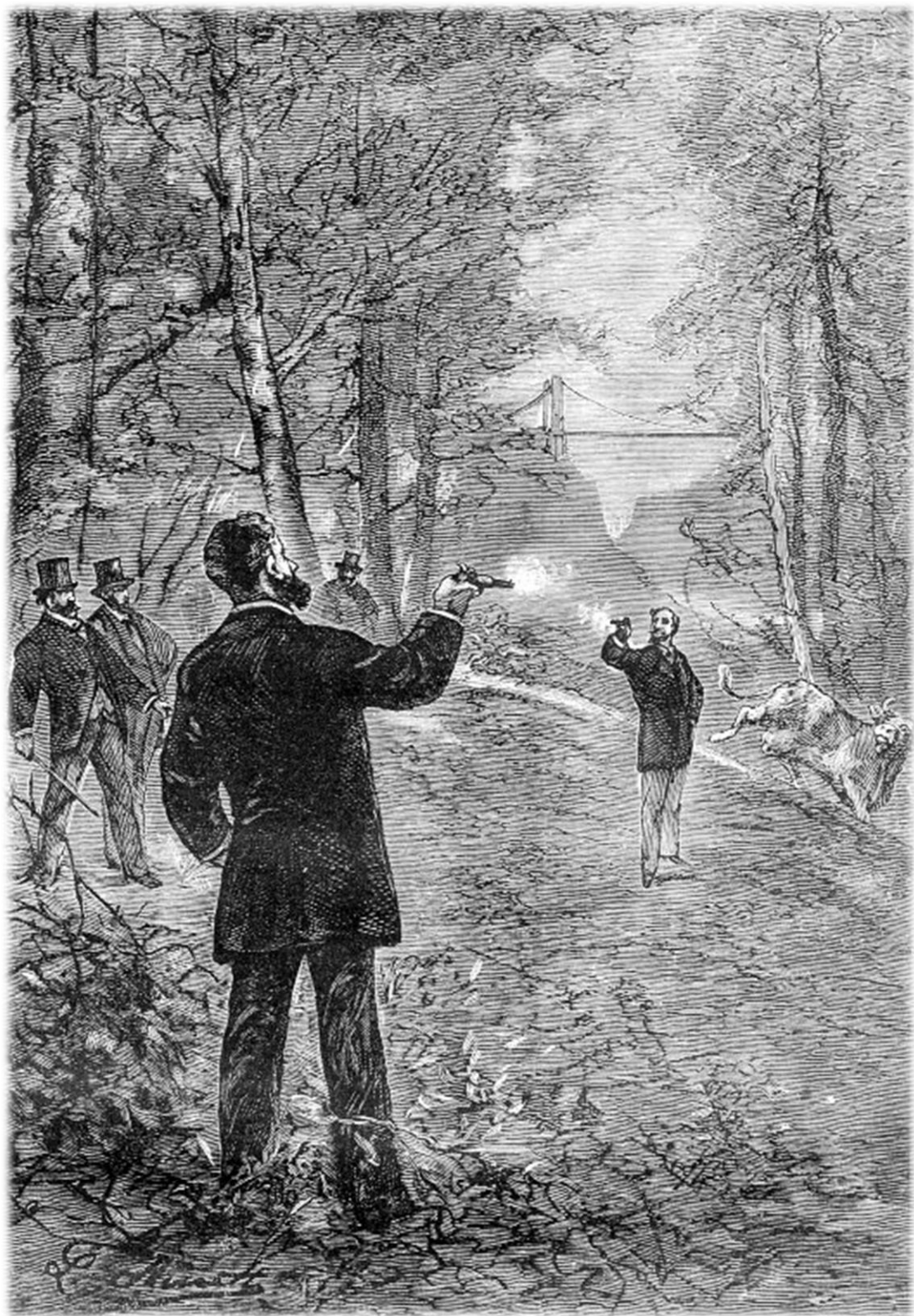

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой мир ученых и мир невежд в
равной мере приведены в замешательство

аф!.. Паф!..

— Два пистолетных выстрела
прозвучали почти одновременно.
Одна из пуль угодила в спину коровы,

«Ни один из противников не пострадал»

которая паслась шагах в пятидесяти от места дуэли. А ведь она не имела никакого отношения к ссоре.

Ни один из противников не пострадал.

Но кто же были эти два джентльмена? Никто не знает. А между тем именно здесь, казалось бы, весьма уместно сообщить их имена потомству. Можно с достоверностью утверждать лишь одно: старший из них был англичанин, младший — американец. Что касается места, где бессловесной твари довелось в последний раз отведать травы, то указать его ничего не стоит. Случилось это на правом берегу Ниагары, по соседству с висячим мостом, который соединяет американский берег реки с канадским, в трех милях ниже водопадов.

Англичанин приблизился к американцу.

— Я по-прежнему утверждаю, что то был гимн «Рул Британия»! — заявил он.

— Нет! «Янки Дудл»! — возразил его противник.

Ссора грозила вспыхнуть с новой силой, но тут — несомненно в интересах охраны скота — вмешался один из секундантов.

— Помирился на том, что мы слышали «Рул Дудл» и «Янки Британия», — воскликнул он, — и пойдем завтракать!

Ко всеобщему удовлетворению, компромисс между национальными гимнами Соединенных Штатов Америки и Великобритании был достигнут. Американцы и англичане перешли на левый берег Ниагары и направились завтракать в гостиницу Гоат-Айленд, расположенную на холме между двумя

водопадами. Не станем мешать им наслаждаться традиционными блюдами — вареными яйцами, ветчиной и холодным ростбифом, приправленным острыми пикулями, которые они запивали потоками чая, способными соперничать даже с прославленными водопадами. Впрочем, мало вероятно, чтобы в нашем повествовании еще раз зашла речь об этих людях.

Кто же все-таки был прав: англичанин или американец? Ответить на этот вопрос нелегко. Бесспорно одно: поединок между ними свидетельствовал о том, до какой степени были возбуждены умы не только в Новом, но и в Старом Свете тем необъяснимым явлением, которое вот уже целый месяц приводило всех в замешательство.

«...*Os sublime dedit coelumque tueri*»¹, — сказал Овидий к вящей славе рода человеческого.

И в самом деле, со времени своего появления на земле люди никогда еще так упорно не смотрели на небо.

Как раз накануне ночью неведомая небесная труба наполнила медными звуками воздушное пространства над той частью Канады, что расположена между озерами Эри и Онтарио. Одним в этих звуках почудилась мелодия «Янки Дудл», другим — «Рул Британия». Вот почему и возникла описанная нами ссора между англосаксами, мирно закончившаяся завтраком в Гоат-Айленде. Впрочем,

¹ ...Высоко поднятая голова, чтобы видеть небо (лат.).

это, возможно, и не был национальный гимн. Несомненно лишь одно — загадочные звуки доносились на землю с небес.

Уж не затрубил ли какой-либо ангел или архангел в небесную трубу?.. Или какие-нибудь веселые воздухоплаватели играли на этом звучном инструменте, которому всеобщая молва создала столь громкую известность?

Нет! В небе не было ни воздушного шара, ни воздухоплавателей. В верхних слоях атмосферы возникло необычайное явление, происхождение и природу которого никто не мог определить. Нынче его отмечали над Америкой, через двое суток — над Европой, спустя неделю — в Азии, над Небесной империей. Решительно, если труба, возвещавшая о нем, не была трубою Страшного суда, то что ж это было такое?

Вот почему все государства земного шара — и монархия и республики — охватила сильнейшая тревога, которую необходимо было рассеять. Представьте себе, что в вашем доме возник какой-то странный и необъяснимый шум. Ведь вы безусловно попытаетесь как можно быстрее отыскать его причину и, если ваши старания ни к чему не приведут, покинете этот дом, чтобы переехать в другой. Не правда ли? Но на сей раз домом был весь земной шар! Покинуть его и переселиться на Луну, Марс, Венеру, Юпитер или какую-нибудь иную планету солнечной системы было совершенно невозможно. Поэтому следовало определить, что же

все-таки происходило, — причем отнюдь не в беспредельной пустоте, а в пределах земной атмосферы, которая простирается всего лишь на два лье вокруг нашей планеты. В самом деле, без воздуха не может быть и шума, однако шум был — все та же пресловутая труба, — следовательно, загадочное явление совершалось в воздушной среде, плотность которой постепенно уменьшается по мере удаления от Земли.

Нечего и говорить, что тысячи газетных листков занялись этим делом, судили о нем вкривь и вкось, проясняли или затемняли его, сообщали истинные или ложные факты, пугали или успокаивали своих читателей — и все для увеличения тиража, — словом, всячески будоражили публику, и так уже потерявшую покой. Политика сразу же была забыта, кстати сказать, от этого ничего не изменилось. Однако что же все-таки произошло?

Запросили мнение обсерваторий всего мира. Если они не смогут ответить, тогда зачем вообще нужны обсерватории? Если астрономы, которые запросто обращаются со звездами, отстоящими от них за сто тысяч миллиардов лье, не способны понять природу космического явления, происходящего всего лишь в нескольких километрах, тогда зачем вообще нужны астрономы?

Сколько телескопов, подзорных труб, зрительных стекол, биноклей, очков, лорнетов устремлялось к небу в эти чудесные летние ночи, сколько глаз припадало к окулярам оптических приборов всех

видов и размеров, — сосчитать невозможно! Но уж никак не меньше нескольких сотен тысяч, другими словами — в десять, в двадцать раз больше, чем можно увидеть звезд на небосводе невооруженным глазом. Нет! Никогда еще солнечное затмение, наблюдаемое одновременно из всех пунктов земного шара, не привлекало такого количества зрителей.

Обсерватории ответили, но недостаточно ясно. Каждая придерживалась собственного, отличного от других, мнения. И это привело к тому, что в конце апреля и начале мая в мире ученых вспыхнула настоящая междоусобная война.

Парижская обсерватория проявила особую сдержанность. Ни одно из ее отделений ничего толком не сказала. В отделении математической астрономии не снизили до наблюдений; в отделении меридиональных измерений ничего не обнаружили; в отделении физических наблюдений ничего не заметили; в отделении геодезии ничего не открыли; в отделении метеорологии ничего не увидели; наконец, в отделении подсчетов попросту ничего не разглядели. Признание по крайней мере было чистосердечным. То же чистосердечие проявили обсерватория Монсури и магнитная станция парка Сен-Мор. То же почтение к истине в Бюро долгот. Словом, французы откровенно гордились своей откровенностью.

Провинция высказалась несколько определеннее. Там признавали, что в ночь с 6 на 7 мая в небе появился свет электрического происхождения,

который был виден не больше двадцати секунд. В Пик-дю-Миди свет этот был замечен между девятью и десятью часами вечера. В метеорологической обсерватории Пюи-де-Дом его наблюдали между часом и двумя ночи; в Мон-Ванту, в Провансе, — между двумя и тремя часами утра; в Ницце — между тремя и четырьмя часами; наконец, в Альпах, между Аннеси, Бурже и Женевским озером, — в ту минуту, когда заря позолотила небосклон.

Очевидно, было бы неправильно отвергать все эти наблюдения целиком. Не оставалось ни малейшего сомнения, что свет последовательно видели в разных местах на протяжении нескольких часов. Таким образом, либо его излучали различные источники, двигавшиеся в земной атмосфере, либо он был обязан своим происхождением одному источнику, который перемещался со скоростью около двухсот километров в час.

Однако наблюдалось ли хоть раз что-либо необычное в атмосфере при дневном освещении?

Никогда!

Не раздавались ли по крайней мере в воздушных сферах звуки трубы?

Нет! Призыва трубы ни разу не слышали между восходом и закатом солнца.

В Соединенном королевстве все пребывали в полной растерянности. Обсерватории никак не могли договориться. Гринвич не соглашался с Оксфордом, хотя обе обсерватории настаивали на том, что «ничего не произошло».

— Оптический обман! — утверждал Гринвич.

— Акустический обман! — возражал Оксфорд.

Вокруг этого и велись споры. Но в одном они сходились: все это обман!

Дискуссия среди берлинских и венских астрономов грозила привести к международным осложнениям. Но Россия устами директора Пулковской обсерватории разъяснила, что обе стороны правы: все определяла точка зрения, от которой они отправлялись, пытаясь выяснить природу загадочного явления, невозможного в теории, но оказавшегося возможным в действительности.

В Швейцарии — в обсерватории Саутис, в кантоне Аппенцель, в Риги, в Гэбрис, на наблюдательных пунктах Сен-Готарда, Сен-Бернара, Юльера, Снмплона, Цюриха, Зомблика в Тирольских Альпах — везде сохраняли крайнюю сдержанность, столкнувшись с фактом, которого дотоле еще никто и никогда не наблюдал. И это было вполне разумно.

Зато в Италии — на метеорологических станциях Везувия, в наблюдательном пункте Этны, помещавшемся в старинной Каза-Инглезе, на Монте-Каво — астрономы, не задумываясь, подтверждали материальность пресловутого явления, ибо им довелось однажды наблюдать его: днем — в виде завитка тумана, ночью — в виде падающей звезды. Но об истинной природе загадочного тела они не имели ни малейшего представления.

По правде говоря, тайна эта начинала мало-помалу надоедать людям науки, однако она продолжала возбуждать и даже пугать людей простых и неученых, которые в силу одного из самых мудрых законов природы составляли, составляют и будут составлять громадное большинство человечества. Астрономы и метеорологи уже готовы были забросить эту проблему, как вдруг в ночь с 26 на 27 апреля, в обсерватории Кантокейно в норвежской провинции Финмаркен, и в ночь с 28 на 29, в обсерватории Ис-фьорд на Шпицбергене, норвежцы, с одной стороны, и шведы, с другой, заметили сходное явление: при свете северного сияния в небе показалось неведомое воздушное чудище, напоминавшее огромную птицу. Строение его определить было невозможно, однако и те и другие утверждали, что оно излучало в пространство какие-то частицы, которые взрывались, точно снаряды.

В Европе никто не усомнился в правильности этого наблюдения обсерваторий в Финмаркене и на Шпицбергене. Но самым поразительным во всем этом было то, что шведы и норвежцы могли, оказывается, хоть в чем-нибудь согласиться друг с другом!

Зато их мнимое открытие было встречено общим смехом во всех обсерваториях Южной Америки — в Бразилии, в Перу и на Ла-Плате, так же как и в обсерваториях Австралии — в Сиднее, Аделаиде и

Мельбурне. А как известно, смех южан — самый заразительный.

Короче говоря, лишь один руководитель метеорологической станции недвусмысленно высказал свое мнение, не страшась иронических нападок, которые оно могло вызвать. То был китаец, директор обсерватории Цзи-Ка-Вей. Обсерватория эта возвышалась в десяти лье от моря посреди обширной равнины, и перед нею открывался безграничный горизонт, словно омытый прозрачным воздухом.

— Весьма возможно, — заявил он, — что небесное тело, о котором идет речь, — всего-навсего движущийся аппарат, летательная машина.

Какая неуместная шутка!

Если уж в Старом Свете велись столь ожесточенные споры, легко себе представить, как разгорелись страсти в Новом Свете, особенно в той его обширной части, которую занимают Соединенные Штаты Америки.

Известно, что, выбирая свой путь, янки долго не раздумывает: как правило, он сразу находит ту единственную дорогу, которая ведет прямо к цели. Вот почему американские астрономы без обиняков высказали все, что они думали друг о друге. И если под конец они не начали швыряться подозрными трубами, то лишь потому, что разбитые оптические приборы пришлось бы чинить именно тогда, когда они были особенно необходимы.

В этом, столь спорном вопросе Вашингтонская обсерватория в округе Колумбия и Кембриджская обсерватория в штате Массачусетс выступили против обсерваторий Дармут-Колледжа в Коннектикуте и Анн-Арбор в Мичигане. Спор у них шел не о природе небесного тела, а о том, когда именно оно было обнаружено: все обсерватории утверждали, будто заметили его в одну и ту же ночь, один и тот же час, одну и ту же минуту и одну и ту же секунду, хотя траектория этого загадочного тела пролегла на незначительной высоте над горизонтом. Но от Коннектикута до Мичигана и от Массачусетса до Колумбии расстояние так велико, что наблюдать какое-нибудь явление во всех этих пунктах одновременно попросту невозможно.

Обсерватория Дадли в Олбани, штат Нью-Йорк, и обсерватория военной академии Вест-Пойнт указали на неправоту своих коллег, приведя данные относительно восхождения по прямой и склонения названного тела.

Но позднее стало известно, что обсерватории эти ошиблись, приняв за таинственное тело обыкновенный болид, пронесшийся через средние слои атмосферы. Болид этот не мог, понятно, быть телом, о котором шла речь. Да и как мог бы вышеназванный болид играть на трубе?

Что касается знаменитой трубы, то скептики тщетно пытались причислить ее оглушительные звуки к разряду акустических обманов. Уши свидетелей в этом случае ошибались не больше, чем

их глаза: одни на самом деле слышали, другие на самом деле видели. Ночь с 12 на 13 мая была особенно темной; и вот этой ночью наблюдателям Йельского колледжа, при высшей школе в Шеффилде, удалось записать несколько тактов музыкальной фразы в ре-мажоре, которая совершенно точно воспроизводила размер, мелодию и ритм припева «Походной песни».

— Отлично! — обрадовались шутники. — Значит, в заоблачных высотах играет французский оркестр!

Но ведь шутка — не ответ. Именно на это и указала основанная компанией «Атлантик Айрон Уоркс» Бостонская обсерватория, мнения которой по вопросам астрономии и метеорологии мало-помалу приобретали в ученном мире силу закона.

Тогда в спор вступила обсерватория в Цинциннати, построенная в 1870 году на горе Лукаут на средства щедрого г-на Килгора; она снискала себе широкую известность микрометрическими измерениями двойных звезд. Директор этой обсерватории с похвальной откровенностью заявил, что несомненно существует какое-то материальное тело, некий движущийся предмет, который показывается через довольно короткие промежутки времени в различных точках атмосферы; но о природе, размерах, скорости и траектории этого загадочного тела ничего определенного сказать нельзя.

Примерно в то же время весьма распространенная газета «Нью-Йорк геральд»

получила от одного из своих подписчиков следующее анонимное послание:

«В наши дни еще не забыто соперничество, которое несколько лет назад столкнуло между собой двух наследников бегумы Раджинахра: француза — доктора Саразена, из Франсевилля, и немца — инженера герра Шульце, из Штальштадта, городов, расположенных в южной части Орегона в Соединенных Штатах Америки².

Надо полагать, не забыто также, что герр Шульце, задумав уничтожить Франсевилль, изготовил гигантский снаряд, который должен был, обрушившись на французский город, одним ударом смести его с лица земли.

И уж никто, наверно, не забыл, что этот снаряд, начальная скорость которого при вылете из жерла чудовищной пушки была плохо рассчитана, умчался в пространство с быстротой, в шестнадцать раз превышающей обычную скорость снарядов, то есть делая по сто пятьдесят лье в час. Поэтому он так и не упал на землю, а, превратившись в своего рода болид, до сих пор вращается и будет вечно вращаться вокруг земного шара.

Разве нельзя допустить, что этот снаряд и есть то самое загадочное тело, реальность которого отрицать невозможно?»

² Речь идет о героях романа Жюль Верна «Пятьсот миллионов бегумы».

До чего он остроумен этот подписчик «Нью-Йорк геральда»! Но как быть с трубой?.. Ведь в снаряде герра Шульце никакой трубы и в помине не было!

Выходит, что все объяснения равным счетом ничего не объясняли, а все наблюдатели наблюдали из рук вон плохо.

Правда, оставалась еще гипотеза, выдвинутая директором обсерватории Цзи-Ка-Вей. Но ведь то было мнение какого-то китайца!..

Не думайте, однако, что обитателям Старого и Нового Света в конце концов надоело ломать голову над этой загадкой. Ничего подобного! Люди спорили до хрипоты, но ни к чему не приходили. И все же наступила короткая передышка. Прошло несколько дней, а занимавший всех предмет — болид или иное тело — ни разу не появлялся и в воздухе не раздавалось пения трубы. Не упало ли таинственное тело в таком месте земного шара, где было бы трудно отыскать его след, — например, в море? Не покоилось ли оно на дне Атлантического, Тихого или Индийского океана? Как разрешить все эти сомнения?

Но именно тогда — между вторым и девятым июня — произошло несколько новых событий, объяснить которые одним только космическим явлением было уже невозможно.

На протяжении этой недели обитатели Гамбурга — на вершине башни святого Михаила, а турки — на самом высоком минарете Ая-Софии, жители Руана — на конце металлического шпиля кафедрального

собора, а жители Страсбурга — на верхушке Мюнстерского собора, американцы — на голове статуи Свободы, в устье Гудзона, и на верхушке памятника Вашингтону в Бостоне, китайцы — на вершине храма Пятисот Духов в Кантоне, индусы — на шестнадцатом этаже пирамидальной башни храма Танджура, обитатели града святого Петра — на куполе одноименного собора в Риме, а англичане — на куполе собора св.Павла в Лондоне, египтяне — на вершине большой пирамиды Гиза, парижане — на громоотводе трехсотметровой железной башни, сооруженной для Международной выставки 1889 года, — все они видели флаг, развевавшийся на каждом из названных сооружений, на которые так трудно взобраться.

Флаг этот представлял собою черное полотнище, усеянное звездами с изображением золотого солнца посредине.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой члены Уэлдонского ученого общества спорят, но не приходят к согласию

— **А** первый, кто посмеет утверждать обратное...
— Вот как!.. Конечно, посмеют, если только сочтут нужным!

— И вопреки вашим угрозам!..

— Следите за своими выражениями, Бэт Файн!

— И вы тоже, дядюшка Прудент!

— Я настаиваю, что винт должен помещаться сзади!

— И мы также!.. Мы также!.. — подхватили пятьдесят голосов, слившихся в общий гул.

— Нет!.. Он должен быть спереди! — вскричал Фил Эванс.

— Спереди! — столь же яростно подхватили пятьдесят других голосов.

— Никогда мы не договоримся!

— Никогда!.. Никогда!

— Для чего же тогда спорить?

— Но это не спор!.. Это — дискуссия!

Однако кто поверил бы, что это дискуссия, слыша резкие возражения, грубые выпады и вопли, наполнявшие зал заседаний вот уже добрых четверть часа?

Надо сказать, что зал этот был самым просторным в Уэлдонском ученом обществе, как именовали знаменитый клуб, который помещался на Уолнет-стрит, в Филадельфии, столице штата Пенсильвания, входящего в состав Американской Федерации.

Накануне город избирал человека на должность фонарщика, зажигающего на улицах газовые фонари; по этому поводу происходили многолюдные манифестации и бурные митинги, враждующие партии даже вступали в рукопашную. Это вызвало всеобщее возбуждение, которое еще не улеглось и, возможно, было причиной сильнейшего волнения, владевшего в тот вечер членами Уэлдонского ученого общества. А ведь в клубе шло всего-навсего очередное заседание сторонников воздушных шаров, на котором обсуждался все еще животрепещущий, даже в описываемое время, вопрос о возможности управления аэростатами.

Все это происходило в одном из городов Соединенных Штатов Америки, быстрое развитие которого было еще более разительным, нежели развитие Нью-Йорка, Чикаго, Цинциннати и Сан-Франциско; в городе, который не был при этом ни портом, ни центром угольной или нефтяной промышленности, ни вообще промышленным

центром, ни даже конечным пунктом сети железных дорог; городе, более крупном, чем Берлин, Манчестер, Эдинбург, Ливерпуль, Вена, Петербург, Дублин, и в парке которого свободно разместились бы все семь парков столицы Англии; городе, насчитывающем в наши дни около миллиона двухсот тысяч жителей и сльвущем четвертым в мире — после Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Филадельфия, с ее огромными домами и великолепными общественными зданиями, может быть смело названа городом сплошного мрамора. Самый значительный из колледжей Нового Света — колледж Джирарда — находится в Филадельфии. И самый большой в мире железный мост — мост через реку Скулкилл — находится в Филадельфии. И самый замечательный франкмасонский храм — Храм Масонов — находится в Филадельфии. И, наконец, самый известный клуб поклонников воздухоплавания также находится в Филадельфии. Если бы читатель захотел посетить его в тот вечер, 12 июня, он, пожалуй, получил бы немалое удовольствие.

В этом огромном зале — под верховной властью председателя, которому деятельно помогали секретарь и казначей, — волновались, бесновались, жестикулировали, кричали, спорили, ссорились с цилиндрами на голове не менее ста горячих приверженцев воздушных шаров. Среди них не было ни одного инженера по профессии; здесь собрались просто любители всего, что относится к

воздухоплаванию, но любители одержимые, а главное — злейшие враги тех, кто противопоставлял воздушным шарам «аппараты тяжелее воздуха» — летательные машины, воздушные корабли и прочее. Возможно этим почтенным людям и предстояло когда-нибудь открыть способ управления аэростатами, но в тот вечер их председателю нелегко было управлять ими самими!

Этот знаменитый председатель был широко известен всей Филадельфии под именем дядюшки Прудента. Прудент³ была его фамилия, а что до прозвища «дядюшка», то оно никого не удивляло в Америке, где можно называться дядюшкой, не имея ни племянников, ни племянниц. В этой стране говорят «дядюшка» подобно тому, как в других странах говорят «папаша» людям, у которых детей и в помине не было.

Дядюшка Прудент слыл важной персоной и, вопреки своей фамилии, пользовался репутацией человека отважного. Он был весьма богат, что, как известно, никому не вредит, даже в Соединенных Штатах. И как мог он не разбогатеть, если владел большей частью акций компании Ниагарских водопадов. Незадолго до того в Буффало было основано промышленное общество по эксплуатации энергии водопадов. Великолепное предприятие! Семь с половиной тысяч кубических метров воды, которые Ниагарский водопад обрушивает каждую секунду,

³ Благоразумный, осторожный (англ.).

создают мощность в семь миллионов лошадиных сил. Эта гигантская энергия, питавшая все заводы, расположенные на пятьсот километров вокруг, ежегодно приносила полтора миллиарда франков дохода, солидная доля которого попадала в кассы акционерного общества и, в частности, в карманы дядюшки Прудента. Кстати, он был холост и жил скромно, довольствуясь всего лишь одним слугой — лакеем Фриколлином, который, надо сказать, был недостоин чести находиться в услужении у столь отважного человека. Но в жизни нередко встречаются подобные несообразности.

В том, что дядюшка Прудент, будучи богат, имел друзей, нет, разумеется, ничего удивительного; но он состоял председателем клуба, а потому у него были и враги — и между ними все те, кто завидовал его положению. В числе наиболее ожесточенных противников дядюшки Прудента нельзя не упомянуть секретаря Уэлдонского ученого общества.

Секретаря авали Фил Эванс; он также был человеком весьма богатым, ибо стоял во главе «Уолтон Уотч компании — большого завода по изготовлению часов, ежедневно производившего пятьсот часовых механизмов, не уступавших по своим качествам лучшим швейцарским образцам. Так что Фила Эванса можно было бы счесть одним из самых счастливых людей в Соединенных Штатах, да и во всем мире, если бы его не раздражало положение, какое занял в клубе дядюшка Прудент. Обоим им было по сорок пять лет, оба отличались

завидным здоровьем, оба славились своим бесстрашием, оба не допускали и мысли о том, чтобы променять надежные преимущества холостяцкой жизни на сомнительные преимущества жизни семейной. Два эти человека, казалось, были рождены для того, чтобы понимать друг друга с полуслова, а между тем они никак не находили общего языка. Надо добавить, что оба обладали необычайной силой воли, но при этом дядюшка Прудент отличался крайней горячностью, а Фил Эванс — редким хладнокровием.

Чем же объясняется, что Фил Эванс не был избран председателем клуба? Голоса между ним и дядюшкой Прудентом разделились точно поровну. Двадцать раз повторяли голосование, и двадцать раз ни один из кандидатов не собрал нужного большинства. Это нелепое положение грозило затянуться до смерти одного из претендентов.

И тогда один из членов Уэлдонского ученого общества предложил выход из создавшегося затруднения. Это был казначей клуба Джем Сип — убежденный вегетарианец, страстный любитель овощей и ярый враг мясной пищи и спиртных напитков, можно сказать, полубрамин, полумусульманин, достойный соперник Ньюмэна, Питмэна, Уорда, Дэви, которые прославили секту этих безобидных сумасбродов.

В этих трудных обстоятельствах Джема Сипа поддержал другой член клуба, Уильям Т.Форбс, управляющий большим заводом, где производили

патоку, обрабатывая тряпье серной кислотой, что позволяло получать сахар из старого белья. Он был человек весьма солидный, этот Уильям Т.Форбс, отец двух очаровательных старых дев, мисс Доротеи, по прозвищу Долл, и мисс Марты, по прозвищу Мэт, которые задавали тон в лучшем обществе Филадельфии.

Выслушав предложение Джема Сипа, поддержанное Уильямом Т.Форбсом и некоторыми другими, собрание решило избрать председателя клуба, прибегнув к методу «средней линии».

По правде говоря, этот способ стоило бы применять во всех случаях, когда необходимо избрать достойнейшего кандидата, и немало вполне разумных американцев уже подумывали о том, чтобы прибегнуть к нему во время выборов президента Соединенных Штатов.

На двух досках ослепительной белизны начертили две черные линии абсолютно одинаковой длины, выверенные с такой точностью, как будто речь шла об измерении основания первого треугольника для целей тригонометрической съемки. Затем обе доски установили посреди зала заседаний, и каждый из соперников, вооружившись тонкой иглой, направился к отведенной ему доске. Того из претендентов, кому удалось бы вонзить свою иглу ближе к середине черной линии, и должны были провозгласить председателем Уэлдонского ученого общества.

Нечего и говорить, что втыкать иглу следовало с размаху, не примериваясь и не прилаживаясь заранее, рассчитывая лишь на верность глаза. Все дело заключалось в том, чтобы, как говорится в народе, иметь «наметанный глаз».

Дядюшка Прудент и Фил Эванс вонзили свои иглы в одну и ту же секунду. Затем произвели измерение, чтобы определить, чья игла оказалась ближе к цели.

О чудо! Оба соперника обладали столь совершенным глазомером, что их иглы, казалось, впились в самую середину черты. А если это и не была абсолютная математическая середина линии, то измерение не обнаружило сколько-нибудь заметной неточности, и величина отклонения у обоих кандидатов представлялась одинаковой.

Это вызвало замешательство среди собравшихся.

По счастью, один из членов клуба, Трак Милнор, настоял на том, чтобы измерение произвели вторично. Он предложил применить для этого линейку, градуированную микрометрической машиной г-на Перро, которая позволяет делить миллиметр на полторы тысячи частей. С помощью этой линейки, на которую острием алмаза нанесены тысячекратные доли миллиметра, и сделали новое измерение; затем под микроскопом были прочтены окончательные результаты.

Дядюшка Прудент отклонился от середины линии меньше чем на четыре тысячных миллиметра, Фил Эванс — на шесть тысячных.

*«Дядюшка Прудент и Фил Эванс
вонзили свои иглы в одну и ту же секунду»*

Поэтому Фил Эванс и стал всего только секретарем Уэддонского ученого общества, в то время как дядюшка Прудент был провозглашен его председателем.

Расстояния в две тысячных доли миллиметра оказалось достаточно, чтобы Фил Эванс проникся к дядюшке Пруденту враждой, которая хоть и оставалась скрытой, но не была от этого менее свирепой.

К этому времени в деле создания управляемых воздушных шаров наметился некоторый прогресс, чему немало способствовали многочисленные опыты, предпринятые в последней четверти девятнадцатого столетия. Гондолы, снабженные гребными винтами и подвешенные к аэростатам удлиненной формы, которыми пользовались Анри Жиффар в 1852 году, Дюпюи де Лом в 1872 году, братья Тиссандье в 1883 году и капитаны Кребс и Ренар в 1884 году, привели к определенным результатам, и их следовало принять во внимание. Маневрируя с помощью винтов в среде более тяжелой, чем сам аэростат, искусно лавируя по ветру, воздухоплавателям удавалось порою возвращаться к месту, откуда начался полет, даже вопреки неблагоприятному направлению ветра, что позволяло именовать их воздушные шары управляемыми; однако им удавалось этого добиться лишь при исключительно благоприятных обстоятельствах. В просторных крытых помещениях испытания шли превосходно! В безветренной атмосфере — очень хорошо! При слабом ветре, от

пяти до шести метров в секунду, — еще куда ни шло! Но в сущности никаких практических результатов достигнуто не было. При ветре, приводящем в движение мельницы, скорость которого равна восьми метрам в секунду, эти махины оставались почти неподвижными; при свежем бризе — десять метров в секунду — их уже относило назад; в бурю — при скорости ветра в двадцать пять — тридцать метров в секунду — их швыряло бы, как перышко; при ураганном ветре — сорок пять метров в секунду — им угрожала бы опасность разлететься на куски; наконец, под действием циклона, скорость которого превышает сто метров в секунду, — от них бы не осталось и следа!

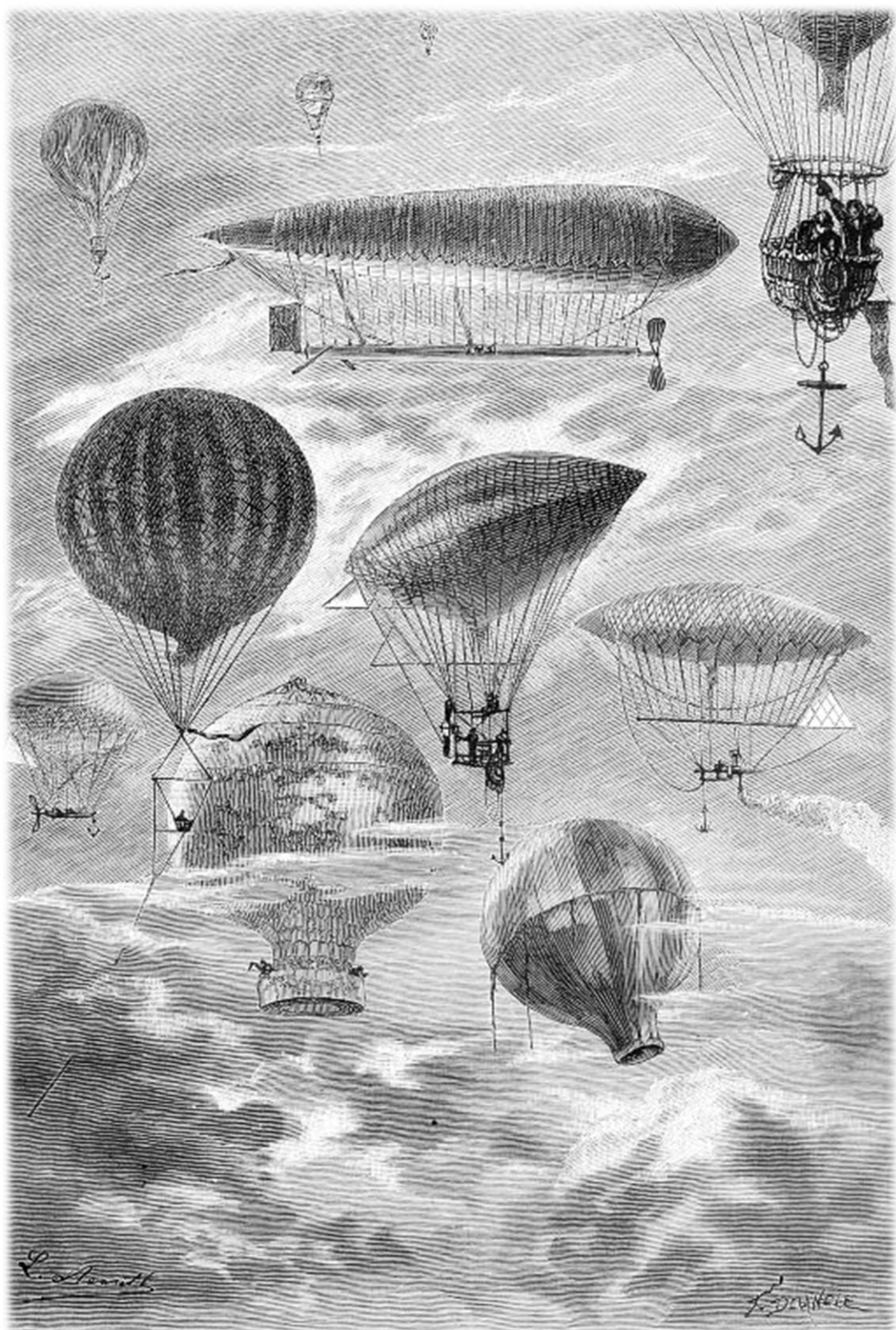
Таким образом, хотя после нашумевших опытов капитанов Кребса и Ренара управляемые аэростаты, без сомнения, несколько увеличили свою скорость, ее все же едва хватало на то, чтобы противостоять обыкновенному бризу. Этим и объясняется, почему до сих пор не удалось использовать аэростаты для воздушного сообщения.

Между тем в деле совершенствования двигателей были достигнуты значительно более быстрые успехи, чем в разрешении проблемы создания управляемых воздушных шаров, то есть шаров, обладающих собственной, независимой от силы ветра, скоростью. Паровые машины, введенные Анри Жиффаром, и мускульная сила людей, использованная Дюпюи де Ломом, постепенно уступили место электрическим двигателям. Примененные братьями Тиссандье

батареи, работавшие на двухромисто-кислом калии, сообщали аэростату скорость, равную четырем метрам в секунду, а динамоэлектрические машины капитанов Кребса и Ренара мощностью в двенадцать лошадиных сил довели ее до шести с половиной метров в секунду.

В поисках наиболее совершенного двигателя инженеры и электрики стремились по возможности приблизиться к заветному идеалу, который можно было бы назвать — «лошадиная сила в футляре карманных часов». И наступил день, когда мощность батареи, устройство которой капитаны Кребс и Ренар хранили в тайне, была превзойдена, и пришедшие им на смену воздухоплаватели получили в свое распоряжение двигатели, вес которых неуклонно уменьшался при одновременном увеличении мощности.

В этом было много ободряющего для людей, страстно веривших в славное будущее воздушных шаров. А между тем сколько здравомыслящих умов отвергали самую возможность управлять аэростатами! И действительно, хотя аэростат и держится в воздухе, который служит ему достаточно надежной опорой, зато он полностью зависит от любого каприза атмосферы. Как же может в этих условиях воздушный шар, огромная масса которого представляет такую удобную мишень для воздушных течений, бороться даже с умеренным ветром, каким бы мощным двигателем он ни обладал?

Разновидности воздушных шаров

В этом и была главная трудность проблемы; но ее надеялись разрешить, применяя аэростаты огромных размеров.

И вот, в ходе борьбы изобретателей за создание мощного и легкого двигателя, оказалось, что американцы больше других приблизились к заветной цели. У некоего, до тех пор никому не известного химика из Бостона был куплен патент на изобретенную им динамо-электрическую машину, основанную на применении батареи новой системы, устройство которой держалось пока в секрете. Тщательно произведенные расчеты и вычерченные с предельной точностью диаграммы доказывали, что такой двигатель, приводящий в действие винт надлежащих размеров, может сообщить воздушному шару скорость от восемнадцати до двадцати метров в секунду.

По правде говоря, это было бы замечательно!

— И вовсе недорого, — прибавил дядюшка Прудент, вручая изобретателю в обмен на должным образом составленную расписку последнюю пачку денег из тех ста тысяч долларов, которыми было оплачено изобретение.

Уэлдонское ученое общество немедленно приступило к делу. Когда речь идет об опыте, который может иметь какое-нибудь практическое применение, американцы охотно вкладывают деньги. Средства стекались так быстро, что не пришлось даже учреждать акционерное общество. Триста тысяч долларов (что соответствует полутора

миллионам франков) по первому зову наполнили кассы клуба. Работы велись под наблюдением наиболее прославленного воздухоплавателя Соединенных Штатов Гарри У.Тиндера, сотни раз поднимавшегося в воздух и обессмертившего свое имя тремя необыкновенными полетами. В первом полете он достиг высоты двенадцати тысяч метров — то есть поднялся выше, чем Гей-Люссак, Коксвелл, Сивель, Кроче-Спинелли, Тиссандье и Глейшер; во время второго он пролетел над всей Америкой от Нью-Йорка до Сан-Франциско, превысив на несколько сот лье рекорды, установленные Надаром, Годаром и многими другими воздухоплавателями, не говоря уже о рекорде Джона Уайза, который преодолел расстояние в тысячу сто пятьдесят миль — от Сан-Луи до графства Джефферсон; что же касается третьего полета Гарри У.Тиндера, то он закончился ужасным падением с высоты тысячи пятисот футов, причем воздухоплаватель отделался простым вывихом правой кисти, в то время как гораздо менее удачливый Пилатр де Розье, упав с высоты всего лишь семисот футов, разбился насмерть.

К тому времени, когда начинается наше повествование, уже можно было утверждать, что дела Уэлдонского ученого общества идут на лад. На верфи Тэрнера, в Филадельфии, заканчивался огромный аэростат, прочность которого должны были вскоре испытать, нагнетая в него воздух под сильным давлением. Он больше всех

Третий полет Гарри У.Тиндера «закончился ужасным падением с высоты тысячи пятисот футов»

существовавших дотоле воздушных шаров заслуживал наименование аэростата-исполина.

Действительно, каков был объем «Гиганта» Надара? Шесть тысяч кубических метров. А сколько газа вмещал воздушный шар Джона Уайза? Двадцать тысяч кубических метров. Какой объем имел аэростат Жиффара, демонстрировавшийся на Всемирной выставке 1878 года? Двадцать пять тысяч кубических метров, при диаметре в тридцать шесть метров. Сопоставьте же эти три аэростата с воздушной машиной Уэлдонского ученого общества, объем которой составлял сорок тысяч кубических метров, и вы согласитесь сами, что дядюшка Прудент и его коллеги имели некоторые основания надуваться от гордости.

Этот воздушный шар не предназначался для изучения верхних слоев атмосферы и, видимо, поэтому не именовался «Эксцельсиором»⁴; кстати сказать, не слишком ли злоупотребляют этим названием граждане Америки? Аэростат назывался просто «Go ahead», что означает — «Вперед!», и ему оставалось только оправдать свое название, безотказно подчиняясь воле своего командира.

К тому времени динамо-электрическая машина была почти полностью закончена в точном соответствии с патентом, приобретенным Уэлдонским ученым обществом. И члены клуба

⁴ «Еще выше» (лат.).

надеялись, что не позднее чем через шесть недель их аэростат начнет свой полет.

Однако, как уже заметил читатель, пока удалось преодолеть далеко не все трудности, связанные с сооружением аэростата. Сколько заседаний прошло в жарких дискуссиях об устройстве винта! При этом спорили не о его форме или размерах, а лишь о том, помещать ли винт в задней части гондолы, как у братьев Тиссандье, или в передней, как сделали капитаны Кребс и Ренар. Надо ли говорить, что в пылу обсуждения противники пускали в ход даже кулаки? Оба предложения завоевали равное число сторонников. Дядюшка Прудент, мнение которого становилось решающим, поскольку голоса разделились, несомненно был последователем профессора Буридана и до сих пор еще не сказал своего веского слова.

Однако, если невозможно столкнуться, значит невозможно и установить винт! Подобное положение могло длиться бесконечно, разве что вмешалось бы правительство. Но, как известно, власти в Соединенных Штатах избегают вторгаться в частные дела, которые их не касаются. И они совершенно правы.

Вот почему заседание 12 июня угрожало затянуться до бесконечности или, хуже того, закончиться общей потасовкой. И тогда на смену проклятиям пришли бы кулаки, на смену кулакам — трости, на смену тростям — револьверы... Но вдруг в

восемь часов тридцать семь минут вечера все неожиданно изменилось.

Привратник Уэлдонского ученого общества, подобно полисмену среди бушующего митинга, спокойно и невозмутимо приблизился к столу председателя, вручил ему чью-то визитную карточку и замер в ожидании распоряжений дядюшки Прудента.

Дядюшка Прудент пустил в ход паровую сирену, служившую ему председательским колокольчиком, ибо даже звон кремлевских колоколов потонул бы в царившем вокруг шуме!.. Однако шум все возрастал. Тогда председатель снял цилиндр, и с помощью этой крайней меры ему удалось добиться относительной тишины.

— Важное сообщение! — провозгласил дядюшка Прудент, доставая из табакерки, с которой он никогда не расставался, огромную понюшку табака.

— Говорите! Говорите! — хором закричали девяносто девять человек, мнения которых неожиданно совпали.

— Дражайшие коллеги, какой-то чужестранец просит допустить его в зал заседаний.

— Ни за что! — в один голос ответили присутствующие.

— Он, кажется, желает нас убедить, — продолжал дядюшка Прудент, — что верить в управляемые воздушные шары — значит верить в самую нелепую из химер.

Заявление это было встречено грозным ропотом.

— Впустить его!.. Впустить!

— Как зовут этого странного посетителя? — заинтересовался секретарь Фил Эванс.

— Робур⁵, — отвечал дядюшка Прудент.

— Робур!.. Робур!.. Робур!.. — завопило собрание.

Это необычное имя быстро привело к установлению тишины, и произошло это, видимо, потому, что члены Уэлдонского ученого общества рассчитывали выместить на его обладателе все свое раздражение.

Итак, буря на мгновение стихла, по крайней мере так казалось. Впрочем, могла ли она на самом деле стихнуть в стране, которая ежемесячно посылает в Европу на крыльях урагана по две-три знатных бури.

⁵ Сила (лат.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой новое действующее лицо не
нуждается в том, чтобы его представили,
ибо делает это само

— **Р**ождаене Соединенных Штатов
Америки, меня зовут Робур. И я
достоин этого имени. Мне сорок лет,
хотя на вид не дать и тридцати. У меня завидное
здоровье, могучее телосложение, богатырская
мускулатура и великолепный желудок, которому мог
бы позавидовать даже страус. Таковы мои
физические данные.

Его слушали. Самые заядлые крикуны и те в
первое мгновение оторопели от этой неожиданной
речи «pro facie sua»⁶. Кто этот человек? Безумец или
мистификатор? Как бы то ни было, он внушал
почтение и подавлял. В зале, где только что бушевал
ураган, теперь не слышалось и вздоха. Затишье
после бури.

Следует заметить, что Робур выглядел именно
таким, каким он себя обрисовал. На трибуне стоял
человек среднего роста, с сильным торсом,

⁶ О себе самом (лат.).

«— ...меня зовут Робур»

напоминавшим правильную трапецию, в которой большим основанием служила линия плеч. Над этой линией возвышалась мощная шея, увенчанная огромной шаровидной головой. Голову какого животного напомнила бы она стороннику теории схождения зоологических видов? Голову быка, но освещенную разумом. Глаза его при первом же возражении готовы были вспыхнуть яростным огнем, решительно сдвинутые брови говорили о необыкновенной энергии. Короткие, слегка выющиеся волосы, с металлическим отливом, походили на ворох железных стружек. Могучая грудь равномерно вздымалась и опускалась, словно кузнечные мехи. Его бицепсы, кулаки, икры и ступни были под стать туловищу.

У него не было ни усов, ни бакенбардов — лишь широкая бородка, как у моряков, подстриженная на американский лад и не скрывавшая очертаний его челюстей, мышцы которых свидетельствовали об огромной силе. Кто-то подсчитал — чего только не подсчитывают! — что давление челюстей обыкновенного крокодила достигает четырехсот атмосфер, в то время как давление челюстей крупной охотничьей собаки не превышает и сотни. Выведена даже такая курьезная формула: каждому килограмму живого веса собаки соответствует восемь килограммов «челюстной силы», а каждому килограмму живого веса крокодила — двенадцать килограммов этой силы. Так вот, килограмму живого веса вышеназванного Робура должно было

соответствовать не меньше десяти килограммов «челюстной силы». Следовательно, он занимал среднее положение между собакой и крокодилом.

Из какой страны появился этот примечательный человек — определить было нелегко. Во всяком случае, он бегло изъяснялся по-английски, и речь его не отличалась тягучим произношением, характерным для янки — жителей Новой Англии.

Тем временем Робур продолжал:

— А теперь, достопочтенные граждане, — о моем духовном облике. Перед вами инженер, нравственные качества которого не уступают физическим. Я ничего и никого не боюсь и обладаю сильной волей, которая еще ни разу не подчинилась воле другого. Если я задамся какой-либо целью, то даже объединенные усилия всей Америки, всего мира не помешают мне достигнуть ее. Если мною овладевает какая-нибудь идея, я требую, чтобы все ее разделяли, и не терплю, когда мне прекословят. Я уделяю так много внимания всем этим подробностям, достопочтенные граждане, ибо считаю необходимым, чтобы вы лучше познакомились со мною. Быть может, вы решите, что я слишком много говорю о себе? Меня это мало трогает! А теперь хорошенько поразмыслите, прежде чем прерывать меня, ибо я пришел высказать вещи, которые, пожалуй, придутся вам не по вкусу.

На передних скамьях зала возник шум, напоминавший грохот прибоя, — знак того, что на море поднимается волнение.

— Продолжайте, почтенный чужестранец, — процедил дядюшка Прудент, который с трудом сдерживал себя.

И Робур снова заговорил, как и прежде нимало не заботясь о своих слушателях.

— Да, мне хорошо известно, что после целого века испытаний, которые ничего не дали, и попыток, которые ни к чему не привели, все еще находятся легковесные умы, упорствующие в том, что можно управлять воздушными шарами. Они воображают, будто какой-нибудь двигатель — электрический или иной — может быть приспособлен к их надутым пузырям, которые находятся во власти воздушных течений. Они надеются, что аэростат будет им послушен, как послушен своему капитану морской корабль! Неужели же управление воздушными аппаратами легче воздуха можно считать практически осуществимым только потому, что несколькими изобретателям в безветренную или почти безветренную погоду удавалось лавировать по ветру или преодолевать легкий бриз? Это, право, смешно! Вас здесь добрая сотня людей, и все вы верите в эту химеру и швыряете тысячи долларов не то что на пустяки, а просто на ветер. Скажу прямо: вы добиваетесь невозможного!

Странное дело: выслушав подобное утверждение, члены Уэлдонского ученого общества остались невозмутимыми. Не объяснялось ли такое долготерпение внезапно поразившей их глухотой?

Или же они хранили спокойствие, желая посмотреть, до чего осмелится дойти этот дерзкий спорщик?

Между тем Робур продолжал:

— Легко сказать, аэростат!.. Но ведь для того, чтобы поднять в воздух всего один килограмм груза, нужен кубический метр газа! Господа сторонники аэростатов, вы самонадеянно рассчитываете с помощью двигателя противиться силе ветра, забывая о том, что напор свежего бриза на паруса корабля достигает четырехсот лошадиных сил, а ураган во время несчастного случая с мостом на реке Тэй оказывал давление в четыреста сорок килограммов на каждый квадратный метр! Вы отстаиваете идею аэростата, хотя природа никогда еще не создавала по такому принципу ни одного летающего существа — ни с крыльями, как у птиц, ни с перепонками, как у некоторых рыб и млекопитающих...

— Млекопитающих?.. — вскричал один из членов клуба.

— Вот именно! Ведь если мне не изменяет память, летучие мыши отлично летают! Как видно, тот, кто меня перебил, и не подозревает, что животное это принадлежит к классу млекопитающих, или, быть может, ему когда-нибудь доводилось готовить омлет из яиц летучей мыши?

Эта отповедь заставила скептика умолкнуть и прекратить дальнейшие попытки прерывать оратора, а Робур продолжал с прежним пылом:

— Но следует ли из этого, что человечеству надо отказаться от завоевания воздушных просторов, от стремления преобразовать общественные и политические нравы и порядки нашего старого мира, даже не испробовав для этого столь совершенное средство передвижения? Ну нет! И подобно тому, как человек стал повелителем морей сначала с помощью весельного или парусного судна, а затем — колесного или винтового парохода, он станет также и повелителем воздушной стихии с помощью аппаратов тяжелее воздуха, ибо надо быть тяжелее воздуха, чтобы стать сильнее его!

На этот раз собрание взорвалось. Из всех уст, словно из множества ружейных стволов и пушечных жерл, нацеленных на Робура, вырвался общий крик возмущения. То был ответ на вызов, брошенный всему лагерю сторонников воздушных шаров, то было открытое возобновление войны между приверженцами «аппаратов легче воздуха» и «тяжелее воздуха»!

Робур и бровью не повел. Скрестив руки на груди, он невозмутимо ждал, когда восстановится тишина.

Дядюшка Прудент жестом повелел прекратить враждебные действия.

— Да, — с силой продолжал Робур, — грядущее принадлежит летательным машинам. Воздух — для них достаточно надежная опора. Если придать столбу этой упругой материи восходящее движение со скоростью сорока пяти метров в секунду, то

человек сможет удерживаться на верхнем конце воздушного столба при условии, что площадь подошвы его башмаков составит не менее одной восьмой квадратного метра. А если скорость этого воздушного потока увеличится до девяноста метров в секунду, человек сможет ступать по воздуху босиком. Заставляя массу воздуха двигаться под действием лопастей винта с названной скоростью, можно добиться того же результата.

То, что говорил в тот вечер Робур, не раз уже высказывали до него многие сторонники авиации, труды которых должны были медленно, но верно привести к решению проблемы воздухоплавания. Честь распространения этих в общем простых идей принадлежит гг. де Понтон д'Амекуру, де Лаланделю, Надару, де Люзи, де Луврие, Лиэ, Белегику, Моро, братьям Ришар, Бабинэ, Жоберу, дю Тамплю, Саливу, Пено, де Вильневу, Гойю и Татену, Мишелю Лу, Эдиссону, Планаверню и еще многим, многим другим! Их идеи не раз отвергали, но затем к ним вновь обращались, и рано или поздно они должны восторжествовать. В их трудах уже был дан ответ тем противникам авиации, которые утверждали, будто птица держится в небе лишь потому, что согревает воздух, который вдыхает в себя! Разве не доказали они, что орел, весящий пять килограммов, должен был бы в таком случае вобрать в себя пятьдесят кубических метров теплого воздуха только для того, чтобы парить над землей?

Именно это Робур и изложил с неопровержимой логикой, не обращая внимания на дикий шум, стоявший в зале; и в заключение он бросил в лицо сторонникам воздушных шаров такие слова:

— Со своими аэростатами вы ничего не сделаете, ничего не добьетесь, ни на что не отважитесь! Самый неустрашимый из ваших коллег-воздухоплавателей, Джон Уайз, хотя и совершил уже воздушный перелет в тысячу двести миль над американским континентом, вынужден был отказаться от намерения перелететь через Атлантический океан! А с той поры вы не продвинулись ни на шаг, ни на один шаг вперед!

— Милостивый государь, — вмешался дядюшка Прудент, безуспешно пытавшийся сохранить хладнокровие, — вы позабыли слова бессмертного Франклина, сказанные им по поводу первого монгольфьера в те времена, когда воздушный шар только что появился на свет: «Пока это еще младенец, но он вырастет!» И он действительно вырос...

— Нет, почтенный председатель, нет! Он не вырос!.. Он просто растолстел, а это не одно и то же!

То была прямая атака на проекты Уэлдонского ученого общества, которое одобрило, утвердило и субсидировало сооружение аэростата-исполина. Поэтому в зале тотчас же послышались угрожающие возгласы:

— Долой наглеца!

— Вышвырнуть его с трибуны!..

— Докажем ему, что он тяжелее воздуха!

И все в том же духе.

Однако эти угрозы пока что не переходили в действия. И Робур, сохранявший невозмутимость, успел крикнуть:

— Не воздушным шарам, а летательным машинам принадлежит будущее, господа поклонники аэростатов! Птица летает, а она — не баллон, а механизм!..

— Да! Она летает, — воскликнул пылкий Бэт Т.Файн, — но летает она вопреки всем законам механики!

— Вот как? — проговорил Робур, пожимая плечами.

Затем он продолжал:

— После того как были изучены особенности полета всевозможных птиц и насекомых, победила следующая простая и мудрая мысль: надо лишь подражать природе, ибо она никогда не ошибается. Между альбатросом, который делает не больше десяти взмахов крыльями в минуту, и пеликаном, делающим семьдесят взмахов...

— Семьдесят один! — выкрикнул чей-то язвительный голос.

— И пчелой, которая машет крылышками сто девяносто два раза в секунду...

— Сто девяносто три!.. — насмешливо поправили из зала.

— И обыкновенной мухой, которая делает триста тридцать взмахов...

— Триста тридцать с половиной!

— И москитом, который делает их миллионы...

— Нет!.. Миллиарды!

Однако Робур, которого то и дело прерывали, и не думал прерывать своего доказательства.

— Среди этого различного числа взмахов... — продолжал он.

— Есть и большие промахи! — подхватил чей-то голос.

— ...и надо искать практически применимое решение. В тот день, когда господин де Люзи обнаружил, что жук-рогач, вес которого не превышает двух граммов, способен поднять груз в четыреста граммов, то есть в двести раз больше собственного веса, проблема авиации была решена. Помимо того, было доказано, что относительная площадь крыльев уменьшается с увеличением размеров и веса их обладателя. С того времени было изобретено и построено больше шестидесяти летательных аппаратов...

— Которым ни разу не удавалось взлететь! — воскликнул секретарь Фил Эванс.

— Которые уже летали и будут летать, — невозмутимо ответил Робур. — Эти аппараты именуют по-разному: стреофоры, геликоптеры, орнитоптеры; возможно, в будущем их назовут средствами авиации от латинского слова «avis»⁷, подобно тому как ныне корабли называют

⁷ Птица (лат.).

средствами навигации от латинского слова «navis»⁸, но так или иначе, именно благодаря их появлению, человек станет властелином воздушных просторов.

— А винт! — перебил Фил Эванс. — Насколько мне известно, у птицы нет винта!..

— Нет есть! — отвечал Робур. — Как доказал господин Пено, летящая птица в действительности не что иное, как винт, и полет ее — тот же полет геликоптера. Вот почему двигатель будущего — винт...

От подобной напасти Сохрани нас, святой винт!.. — негромко запел кто-то из присутствующих на известный мотив из произведения Герольда «Цампа».

И все хором подхватили знакомую мелодию, так исказив ее, что французский композитор, вероятно, перевернулся в гробу.

Когда последние ноты потонули в ужасающей какофонии, дядюшка Прудент, воспользовавшись мгновенным затишьем, счел нужным заявить:

— Гражданин чужестранец, до сих пор вам не мешали говорить, вас не прерывали...

Как видно, по мнению председателя Уэлдонского ученого общества, никто и не думал прерывать оратора, а все эти издевательские выкрики, вопли и угрозы следовало рассматривать лишь как обмен аргументами.

⁸ Корабль (лат.).

— Однако, — продолжал дядюшка Прудент, — я напомним вам, что теория авиации заранее осуждена и отвергнута большей частью американских и иностранных инженеров. Теория, которая привела к гибели Саразена Волана в Константинополе, монаха Воадора в Лиссабоне, Летюра в тысяча восемьсот пятьдесят втором году, Груфа в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году, помимо других жертв, о которых я позабыл, не говоря уж о мифологическом Икаре...

— Теория эта, — возразил Робур, — достойна осуждения не больше той, чей мартиролог включает имена Пилатра де Розье, погибшего в Кале, госпожи Бланшар, разбившейся в Париже, Дональдсона и Гримвуда, упавших в озеро Мичиган, Сивеля и Кроче-Спинелли, Элоа и многих других, забыть которые не так-то просто!

То был мгновенный отпор — «выпад на выпад», как говорят в фехтовальном искусстве.

— К тому же, — продолжал Робур, — на воздушных шарах, как бы вы их ни усовершенствовали, вам никогда не достигнуть сколько-нибудь значительной скорости. Вы убьете десять лет на воздушное путешествие вокруг света, — а летательная машина совершит его за восемь дней.

Новые протестующие возгласы и крики длились целых три минуты; затем слово взял Фил Эванс.

— Господин авиатор, — сказал он, — вы только что красноречиво расхваливали преимущества авиации, а сами-то вы когда-нибудь летали?

— Еще бы!

— И завоевали воздух?

— Быть может, милостивый государь!

— Ура Робуру-Завоевателю, — послышался чей-то иронический возглас.

— Робур-Завоеватель? Что ж, я принимаю это имя и с полным правом стану носить его!

— Мы разрешим себе в этом усомниться! — воскликнул Джем Сип.

— Господа, — проговорил Робур, нахмутив брови, — когда я серьезно обсуждаю серьезное дело, то не терплю обвинений во лжи, и был бы рад узнать имя человека, прервавшего меня...

— Мое имя — Джем Сип... и я вегетарианец...

— Гражданин Джем Сип, — отвечал Робур, — мне известно, что у вегетарианцев кишки вообще длиннее, чем у прочих смертных, по крайней мере на добрый фут. Это и так немало... не принуждайте же меня еще больше удлинить их, для начала растянув вам уши...

— За дверь его!

— Вон!

— Разорвать на части!

— Судить судом Линча!

— Скрутить его винтом!..

Ярость сторонников воздушных шаров достигла предела. Все повскакали с мест и ринулись к

трибуне. Робур исчез за целым лесом рук, которые раскачивались, словно деревья в бурю. Напрасно паровая сирена председателя наполняла зал трубными звуками. В тот вечер обитатели Филадельфии легко могли подумать, что огонь пожирает один из городских кварталов и всей воды Скулкилл-ривер неостанет, чтобы потушить пожар.

Вдруг люди, обступившие Робура, попятились. Инженер вытащил руки из карманов и выбросил их вперед, навстречу разгневанным воздухоплавателям.

В обеих руках его сверкнули кастеты американского образца, которые одновременно служат и револьверами: достаточно сжать пальцы, чтобы привести в действие эти крошечные карманные митральезы.

И тогда, воспользовавшись растерянностью нападавших и внезапно воцарившейся тишиной, Робур воскликнул:

— Решительно, не Америго Веспуччи, а Себастьян Кабот открыл Новый Свет! И не вам, американцам, пускаться в воздушные просторы! Ваше дело — каботаж...

И тут раздалось несколько выстрелов. Пули никого, не задели: Робур стрелял в воздух. Трибуна окуталась густым дымом, а когда он рассеялся, инженера и след простыл. Робур-Завоеватель исчез, словно какой-нибудь летательный аппарат умчал его ввысь.

*«— ...не вам, американцам,
пускаться в воздушные просторы!»*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой, рассказывая о службе Бариколлине,
автор стремится восстановить доброе имя
луны

е раз уже, расходясь после бурных споров со своих заседаний, члены Уэлдонского ученого общества наполняли криками Уолнет-стрит и соседние с нею улицы. Не раз уже обитатели ближних кварталов справедливо жаловались на эти шумные отголоски дискуссий, нарушавшие покой и тишину их жилищ. Не раз уже полисменам приходилось вмешиваться, чтобы обеспечить безопасность прохожих, по большей части весьма равнодушных к проблеме воздухоплавания. Но никогда до этого вечера не наблюдалось подобной суматохи, никогда еще жалобы не были столь обоснованными, а вмешательство полисменов — столь своевременным.

И все же поведение членов Уэлдонского ученого общества было в какой-то мере извинительно. Подумать только! Этим одержимым сторонникам воздушных шаров еще более одержимый сторонник летательных машин наговорил кучу пренеприятных

вещей. И где? В их собственном лагере! А затем, когда с ним собирались поступить, как он того заслуживал, наглец скрылся!

Все это требовало отмщения. Как могли люди, в чьих жилах текла американская кровь, оставить подобное оскорбление ненаказанным? Назвать потомков Америкы потомками Кабота! Такое утверждение показалось тем более возмутительным, что с точки зрения истории оно было вполне обосновано.

Поэтому члены клуба рассыпались по Уолнет-стрит, а затем мелкими группами углубились в соседние улицы и постепенно обшарили весь квартал. Они подымали жителей с постели и насильно осматривали их дома, обещая возместить убытки, нанесенные этим вторжением в частную жизнь обывателей, неприкосновенность которой так свято чтут англосаксонские народы. Но весь этот шум и суeta ни к чему не привели. Робура нигде не нашли, не обнаружили никаких его следов. Если бы даже он скрылся на воздушном шаре Уэлдонского ученого общества, — и тогда он не был бы более недосыгаем. Битый час продолжались поиски; в конце концов членам клуба пришлось прекратить их и разойтись; но предварительно они поклялись продолжать свои розыски на всей территории обеих частей Америки, составляющих Новый Свет.

К одиннадцати часам вечера тишина в квартале мало-помалу восстановилась. Филадельфия могла, наконец, вновь погрузиться в благодетельный сон, —

завидная привилегия городов, которым посчастливилось не стать промышленными центрами. Члены ученого общества думали теперь лишь о том, чтобы скорее возвратиться домой. Мы упомянем только наиболее значительных из них. Уильям Т.Форбс направился в сторону своей огромной тряпично-сахарной фабрики, где мисс Долл и мисс Мэт давно уже приготовили ему вечерний чай с патокой его собственного производства. Трак Милнор также заторопился на свою фабрику, паровой насос которой пыхтел день и ночь в самом далеком предместье города. Казначей Джем Сип, публично изобличенный в том, что его кишки на целый фут длиннее, чем положено человеческому организму, возвратился домой, где в столовой его ожидал вегетарианский ужин.

И лишь двое самых выдающихся сторонников воздушных шаров, казалось, и не помышляли о возвращении восвояси. Воспользовавшись удобным случаем, они беседовали с еще большей язвительностью, чем обычно. Это были непримиримые дядюшка Прудент и Фил Эванс, председатель и секретарь Уэддонского ученого общества.

У дверей клуба слуга Фриколлин ожидал своего господина, дядюшку Прудента.

Он двинулся за ним следом, нисколько не интересуясь предметом разговора, который грозил довести обоих коллег до рукопашной.

Итак, они «беседовали». Говоря по правде, лишь желание смягчить истинный характер того, что происходило между председателем и секретарем клуба, подсказало нам это слово. На самом же деле оба самозабвенно и яростно спорили, что объяснялось их давним соперничеством.

— Нет, милостивый государь, нет! — повторял Фил Эванс. — Если бы я имел честь состоять председателем Уэлдонского ученого общества, подобного скандала никогда, слышите, никогда, бы не произошло!

— А как бы вы поступили, если бы удостоились этой чести? — поинтересовался дядюшка Прудент.

— Я заставил бы замолчать этого беззастенчивого наглеца еще прежде, чем он успел раскрыть рот!

— Я полагаю, что заставить человека замолчать можно лишь после того, как он заговорит!

— В Америке, милостивый государь, это необязательно, вовсе необязательно!

И непрерывно обмениваясь весьма едкими колкостями, оба наших героя углублялись в улицы, которые уводили их все дальше от дома; они оставляли за собой квартал за кварталом, так что на обратном пути им предстояло проделать немалый крюк.

Фриколлин покорно следовал за ними; но его весьма тревожило, что дядюшка Прудент шел совершенно пустынными в тот поздний час местами. Фриколлину не по душе были такого рода прогулки, особенно в полночь. В самом деле, темнота все

сгущалась, а едва народившийся месяц только начал свой ежемесячный обход.

Поэтому Фриколлин то и дело озирался по сторонам, стараясь разглядеть, не следуют ли за ними какие-нибудь подозрительные люди. И тут, как на грех, он заметил пять или шесть здоровенных молодцов, которые, казалось, не выпускали их из виду.

Негр невольно нагнал своего господина; но он ни за что на свете не посмел бы прервать разговора, несколько отрывочных фраз из которого достигли его ушей.

Словом, случай пожелал, чтобы председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества, сами того не подозревая, направились в Фэрмонт-парк. В пылу спора они перешли через Скулкилл-ривер по знаменитому металлическому мосту, на котором им повстречались лишь несколько запоздалых прохожих; в конце концов они достигли огромного загородного парка, где обширные луга чередовались с живописными рощами, превращающими его в красивейшее место в мире.

Тут страх с еще большей силой овладел Фриколлином, ибо он заметил, как пять или шесть теней проскользнули вслед за ним по мосту через Скулкилл-ривер. Зрачки его так расширились, что поглотили почти всю радужную оболочку. А сам Фриколлин весь съежился, собрался в комок, словно тело его обладало такой же способностью сжиматься, как у моллюсков и некоторых членистоногих.

Дело в том, что слуга Фриколлин отличался редкой трусостью.

Это был чистокровный негр из Южной Каролины, с огромной головой на тщедушном теле. Ему недавно исполнился двадцать один год, так что он никогда не был рабом, даже по рождению. Но это мало на нем отразилось. Ломака, сластена, изрядный лентяй, Фриколлин в довершение всего был еще отчаянным трусом. Он находился в услужении у дядюшки Прудента всего три года, а его уже раз сто едва не выставили за дверь; если этого не сделали до сих пор, то единственно из боязни, как бы его преемник не оказался еще хуже. Надо помнить, что, живя в доме человека, всегда готового принять участие в самом дерзком предприятии, Фриколлин каждую минуту рисковал попасть в такое положение, когда его мужество могло подвергнуться самому суровому испытанию. Зато служба у дядюшки Прудента имела немало преимуществ: Фриколина не слишком бранили за чревоугодие и еще меньше — за нерадивость. Ах, слуга Фриколлин, если бы ты мог провидеть грядущее!

И зачем только он не остался в Бостоне, в услужении у некоего семейства Снеффель, которое отказалось от задуманного путешествия по Швейцарии лишь из опасения возможных обвалов? Такое место подходило Фриколлину гораздо больше, чем дом дядюшки Прудента, где прочно укоренилось безрассудство.

Но как бы то ни было, он оказался в этом доме, и господин в конце концов привык к недостаткам своего слуги. К тому же Фриколлин имел одно немаловажное достоинство: хотя, как сказано, он был чистокровный негр, речь его не походила на неправильный говор его сородичей; и этого нельзя было не ценить, ибо нет ничего неприятнее ужасного негритянского жаргона с бесконечным употреблением притяжательных местоимений и глаголов в неопределенной форме.

Итак, достоверно установлено, что слуга Фриколлин был трус; о таких людях принято говорить: «Робок, как молодая луна».

Мы считаем уместным выступить против такого сравнения, весьма обидного для белокурой Фебеи, кроткой Селены, непорочной сестры лучезарного Аполлона. В самом деле, по какому праву обвиняют в робости планету, которая, с тех пор как возник наш мир, всегда смотрела земле прямо в лицо и ни разу не повернулась к ней тылом?

Тем временем дело приближалось к полуночи, и узкий серп «оклеветанной бледнолицой красавицы» мало-помалу исчезал на западе, скрываясь за высокими кронами деревьев. Лучи ее, пробиваясь сквозь ветви, рисовали кружевные узоры на земле. И от этого парк казался не таким мрачным.

Свет луны позволил Фриколлину оглядеться вокруг.

— Бррр! — произнес он. — Они по-прежнему здесь, эти мошенники! Право, они приближаются!

Он не мог больше сдерживаться и, догнав своего господина, воскликнул:

— Мистер дядюшка!

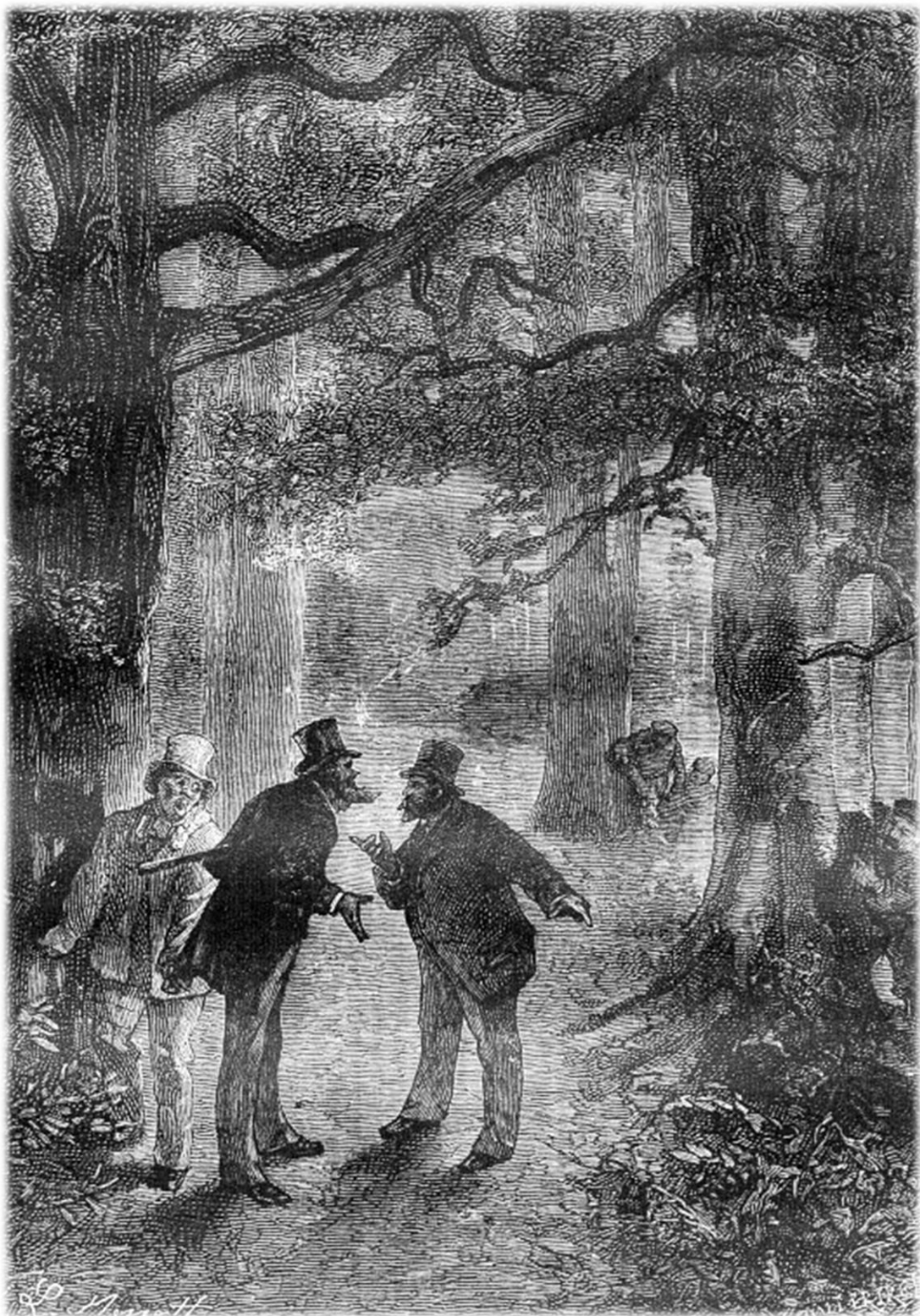
Так Фриколлин называл председателя Уэлдонского ученого общества, и это соответствовало желанию самого дядюшки Прудента.

В эту минуту спор двух соперников находился в самом разгаре. И так как они при этом на все лады честили друг друга, то и Фриколлину крепко досталось.

Между тем дядюшка Прудент и Фил Эванс, обмениваясь «любезностями» и испепеляя друг друга взглядами, сами того не замечая, все больше углублялись в пустынные луга Фэрмонт-парка и удалялись от Скулкилл-ривер и от моста, по которому им предстояло вернуться в город.

Все трое вошли под сень высоких деревьев, вершины которых купались в угасающем сиянии луны. У границ этой рощи начинался просторный луг овальной формы, великолепно приспособленный для конных состязаний. Никакие неровности почвы не мешали здесь стремительному бегу лошадей, никакие заросли не закрывали от глаз зрителей трека, протяженностью в несколько миль.

Нет сомнения, что если бы дядюшка Прудент и Фил Эванс не были так погружены в свои споры, если бы они внимательнее смотрели вокруг, они увидели бы, что поляна приобрела необычный вид. Казалось, за один день здесь выросло мукомольное заведение с ветряными мельницами, крылья

«Все трое вошли под сень высоких деревьев...»

которых, в ту пору неподвижные, поблескивали в полутьме.

Однако ни председатель, ни секретарь Уэйдонского ученого общества не заметили этого странного преобразования пейзажа Фэрмонт-парка. Фриколлин также ничего не увидел. Ему казалось, что тени приближались, все теснее сжимая круг, точно собирались совершить злодеяние. Его охватил леденящий ужас, руки и ноги у него онемели, волосы встали дыбом, — словом, Фриколлин был смертельно испуган.

Тем не менее, хотя колени его подгибались, у него достало сил крикнуть в последний раз:

— Мистер дядюшка! Мистер дядюшка!

— Эй, да что, наконец, с тобой приключилось? — отозвался дядюшка Прудент.

Пожалуй, и председатель и секретарь Уэйдонского ученого общества были бы не прочь дать выход своему гневу, на славу отколотив несчастного слугу; Но сделать этого они не успели; что же касается Фриколина, то он не успел даже и рта раскрыть.

Громкий свист разорвал тишину леса. И тотчас же в глубине поляны вспыхнула электрическая звезда. То был, без сомнения, условный знак, и означал он, что настало время привести в исполнение какой-то злодейский умысел.

В мгновение ока шесть человек одним прыжком перемахнули через лужайку и по двое накинулись на дядюшку Прудента, Фила Эванса и несчастного

Фриколина, — что было уже вовсе ни к чему, ибо перепуганный негр все равно не мог защищаться.

Хотя председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества и были захвачены врасплох, они все же пытались оказать сопротивление. Но у них не хватило для этого ни времени, ни сил. В несколько секунд их повалили на землю и крепко связали, а затем с кляпом во рту и повязкой на глазах — немых и незрячих — быстро унесли через поляну. Им оставалось лишь думать, что они столкнулись с той породой мало щепетильных людей, которые без зазрения совести грабят запоздалых прохожих в лесной глуши. И, однако, это было совсем не так. Их даже не обыскали, хотя дядюшка Прудент, по обыкновению, имел при себе несколько тысячедолларовых бумажек.

Не прошло и минуты после этого нападения, во время которого злоумышленники не обменялись ни единым словом, как дядюшка Прудент, Фил Эванс и Фриколин почувствовали, что их осторожно опускают, однако не на траву, а на какой-то помост, заскрипевший под их тяжестью. Все трое оказались рядом. Затем до них донесся звук захлопнувшейся двери, а скрежет ключа в затворе дал им понять, что они — пленники.

Вслед за тем послышался какой-то странный шум, «какой-то вибрирующий звук „фрррр“, казалось, терявшийся в безбрежном пространстве. И вскоре только этот звук и нарушал безмятежный покой ночи.

«В несколько секунд их... с кляпом во рту и повязкой на глазах... быстро унесли через поляну»

Как описать волнение, воцарившееся на следующий день в Филадельфии?! С раннего утра весь город уже знал о том, что случилось накануне во время заседания Уэлдонского ученого общества; все говорили о появлении таинственного незнакомца, некоего инженера Робура, получившего прозвище Робур-Завоеватель, о войне, которую он, видимо, решил объявить приверженцам воздушных шаров, о его загадочном исчезновении.

Но уже просто невозможно передать, какое смятение охватило жителей Филадельфии, когда стало известно, что в ночь с 12 на 13 июня исчезли также председатель и секретарь клуба воздухоплавателей.

Самые тщательные розыски были предприняты в городе и его окрестностях. Но напрасно! Сначала газеты Филадельфии, затем периодические издания штата Пенсильвания и, наконец, вся пресса Америки занялась этим происшествием и объясняла его на все лады, причем ни одно из объяснений не соответствовало истине. Газетные объявления и специальные афиши сулили внушительные награды не только тому, кто обнаружит похищенных, но и тому, кто даст хоть какие-нибудь указания, которые могли бы навести на след пропавших — всеми уважаемых граждан Филадельфии. Но и это не помогло. Можно было подумать, что земля разверзлась и поглотила председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества, — так бесследно исчезли они с поверхности земного шара.

В связи с происшедшим правительственные газеты потребовали, чтобы штаты полиции были сильно увеличены, коль скоро могли иметь место подобные нападения на видных граждан Соединенных Штатов. И эти газеты были правы.

С другой стороны, газеты оппозиции потребовали, чтобы полицейские силы были распущены, как бесполезные, коль скоро подобные нападения имели место, а виновники даже не были обнаружены. Как знать — может быть, и эти газеты были правы?

В конечном счете полиция осталась такой, какой она была и какой она пребудет вовеки в нашем лучшем из миров, который не только не достиг совершенства, но и никогда его не достигнет.

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой председатель и секретарь
Уэлдонского ученого общества
договариваются о прекращении вражды

слепшие, немые, недвижимые, с повязкой на глазах, кляпом во рту и путами на руках и ногах! Можно ли представить себе положение более ужасное, чем то, в какое попали дядюшка Прудент, Фил Эванс и слуга Фриколлин? В довершение всего они даже не знали, ни кто виновник совершенного над ними насилия, ни куда их бросили, словно тюки с багажом, ни где они находятся, ни какая судьба их ожидает! Все это могло привести в бешенство и самых терпеливых животных из породы овец, а ведь читатель знает, что члены Уэлдонского ученого общества отнюдь не отличались овечьей кротостью. Зная неистовый темперамент дядюшки Прудента, можно без труда представить себе, в каком он был состоянии!

Во всяком случае, и председателю и секретарю клуба было совершенно ясно, что им не так-то легко будет принять участие в завтрашнем вечернем заседании сторонников воздушных шаров.

Что касается фриколина, то с завязанными глазами и закрытым ртом он был не в состоянии думать о чем бы то ни было. Он лежал ни жив ни мертв от ужаса.

Прошел час, а положение узников нисколько не изменилось. Никто не пришел их проведать, никто и не подумал возвратить им свободу движений и речи. Все это время они только шумно пыхтели и что-то мычали сквозь кляпы, да судорожно трепыхались, точно карпы, вытащенные из своего родного пруда. Легко догадаться, что в этом проявлялись их немой гнев и сдавленная, или, лучше сказать, «стянутая веревками», ярость. Затем, после долгих бесплодных усилий, они некоторое время лежали неподвижно. Они ничего не видели и пытались хотя бы уловить какой-нибудь звук, способный объяснить им ужасное положение, в котором они очутились. Но напрасно! Им не удавалось разобрать ничего, кроме непрерывного и необъяснимого звука «фррррр», от которого дрожало все вокруг.

Но вот что в конце концов произошло: действуя с отменным хладнокровием, Фил Эванс сумел постепенно ослабить веревку, которая стягивала его запястья. Потом он мало-помалу распутал узел, и руки его обрели привычную свободу.

Сделав несколько сильных движений, он восстановил нарушенное путами кровообращение. Мгновение спустя Фил Эванс уже сорвал повязку, закрывавшую ему глаза, вытащил изо рта кляп и перерезал веревки на ногах острым лезвием своего

«bowie-knife»⁹. Американец, в кармане которого не оказалось бы складного ножа, потерял бы право называться американцем!

Впрочем, если Фил Эванс вернул себе возможность двигаться и говорить, — то это все, чего он добился. Глаза его, по крайней мере в ту минуту, не могли сослужить ему никакой службы. Вокруг было совершенно темно, лишь сквозь узкое оконце, проделанное в стене на высоте шести или семи футов, просачивался слабый свет.

Отбросив старые счеты. Фил Эванс без малейшего колебания поспешил на помощь своему сопернику. Несколько взмахов ножа — и путы, стягивавшие руки и ноги председателя клуба воздухоплавателей, были перерезаны. Дядюшка Прудент, задыхаясь от бешенства, стремительно вскочил на ноги; сорвав повязку и вытащив кляп, он хрипло проговорил:

— Спасибо!

— Нет!.. Не надо никакой благодарности! — ответил Фил Эванс.

— Фил Эванс!

— Дядюшка Прудент!

— Отныне здесь нет больше ни председателя, ни секретаря Уэлдонского ученого общества, нет больше противников!

⁹ Складной нож (англ.).

— Вы правы. Здесь — только два человека, которые должны отомстить третьему, чье поведение заслуживает самой суровой кары. И этот человек...

— Робур!..

— Робур!

В этом бывшие соперники полностью сошлись. На этот раз можно было не опасаться никаких раздоров.

— А не пора ли развязать и вашего слугу? — заметил Фил Эванс, показывая на Фриколина, пыхтевшего, как тюлень.

— Пока еще нет. Он изведет нас своими жалобами, а нам сейчас надо не оплакивать свою судьбу, а заняться более серьезным делом.

— Каким, дядюшка Прудент?

— Собственным спасением, если только это возможно.

— И даже, если это невозможно.

— Вы правы, Фил Эванс, даже если это невозможно.

И председатель и его коллега были совершенно уверены в том, что их похищение — дело рук таинственного Робур а. Действительно, обычные «добропорядочные» воры, отняв часы, драгоценности, бумажники, кошельки, бросили бы ограбленных в воды Скулкилл-ривер, попросту вонзив им нож в горло, вместо того чтобы запереть их... Куда? Вопрос, надо сказать, немаловажный! И его следовало разрешить прежде, чем приступить к

подготовке побега, если, конечно, рассчитывать на успех.

— Я полагаю, Фил Эванс, — продолжал дядюшка Прудент, — что было бы куда лучше, если бы, выйдя после заседания, мы, вместо того чтобы обмениваться любезностями, к которым теперь незачем возвращаться, внимательнее смотрели по сторонам. Если бы мы не вышли за пределы города, с нами бы ничего дурного не случилось. Этот Робур, очевидно, догадывался о том, что может произойти в клубе; он предвидел гнев, который должно было вызвать его наглое поведение, и спрятал у дверей нескольких головорезов, чтобы они, если понадобится, пришли ему на помощь. Как только мы свернули с Уолнет-стрит, эти подлые наемники выследили нас, пошли за нами и, когда мы неосторожно углубились в аллеи Фэрмонт-парка, живо с нами управились!

— Согласен, — отвечал Фил Эванс. — Да, мы допустили серьезный промах, не возвратившись прямо домой.

— Человек всегда неправ, когда ведет себя неразумно» — заключил дядюшка Прудент.

В это мгновение тяжкий вздох донесся из темноты.

— Это что еще такое? — спросил Фил Эванс.

— Пустяки!.. Это бредит Фриколлин.

И дядюшка Прудент спокойно продолжал:

— На то, чтобы схватить нас возле поляны и засунуть в эту дыру, негодьям понадобилось не

больше двух минут. Стало быть, они не могли утащить нас за пределы Фэрмонт-парка...

— Конечно, иначе мы бы почувствовали, как нас несут.

— Согласен, — отозвался дядюшка Прудент. — Значит, мы, без сомнения, находимся в какой-нибудь крытой повозке, быть может, в одном из тех длинных фургонов, которые нередко встречаются в прериях или служат жильем для бродячих скоморохов...

— Очевидно! Ведь если бы нас перенесли, скажем, на судно, стоящее на якоре у берега Скулкилл-ривер, мы бы сразу об этом догадались по слабому покачиванию его корпуса на волнах.

— Согласен, совершенно согласен, — повторил дядюшка Прудент, — и полагаю, что раз мы все еще на поляне, то именно теперь нам и надо бежать!.. Что касается этого Робура, уж мы его позднее разыщем...

— И заставим дорогой ценой заплатить за посягательство на свободу двух граждан Соединенных Штатов Америки!

— Именно дорогой... весьма дорогой ценой!

— Однако что он за человек?.. Откуда взялся?.. И кто он — англичанин, немец или француз?..

— Просто-напросто негодяй, и этого с меня вполне достаточно, — ответил дядюшка Прудент. — А теперь за дело!

И оба, вытянув руки вперед и растопылив пальцы, начали тщательно исследовать стены

помещения, стараясь обнаружить какую-нибудь трещину или щель. Ничего! Затем они ощупали дверь. Она была герметически закрыта, и нечего было даже надеяться выломать замок. Оставалось одно — проделать дыру и таким способом бежать. Однако справятся ли их ножи со стеною, не затупятся и не сломаются ли лезвия во время этой работы?

— Но отчего происходит эта непрерывная вибрация? — спросил Фил Эванс, крайне удивленный непрекращающимся звуком «фррррр».

— Ветер, надо полагать, — отвечал дядюшка Прудент.

— Ветер?.. Но мне помнится, что до полуночи стояла на диво тихая погода...

— И все же это безусловно ветер. А если нет, то что ж это, по-вашему, такое?

Вытащив самое острое лезвие своего ножа. Фил Эванс попытался воткнуть его в стену возле двери. Возможно, достаточно будет проделать всего одно отверстие, чтобы просунуть руку и открыть дверь с наружной стороны, — если она заперта только на задвижку или ключ торчит в замке.

Несколько минут прошло в упорном труде, после чего все лезвия складного ножа оказались в зазубринах, с обломанными концами, словом, превратились в маленькие пилы со множеством зубчиков.

— Не берет, Фил Эванс?

— Нет!

— Неужели здесь стены из железа?

— Не думаю, дядюшка Прудент. Когда по ним стучишь, они не издают металлического звука.

— Тогда, быть может, это железное дерево?

— Нет! Ни железо, ни дерево.

— Из чего же они в таком случае?

— Невозможно определить, но это такой материал, что его и сталь не берет.

Дядюшка Прудент выругался и яростно топнул ногой о зазвеневший пол; руки его в это время судорожно искали горло воображаемого Робура.

— Спокойствие, дядюшка Прудент, — обратился к нему Фил Эванс, — спокойствие! Попробуйте-ка теперь вы!

Дядюшка Прудент попытался, но ничего не мог поделывать со стеною, ибо самые острые лезвия его ножа не оставляли даже царапин на ее поверхности, словно она была из хрусталя.

До сих пор узники могли еще надеяться на спасение, если бы им удалось открыть дверь; но теперь надо было оставить всякую мысль о побеге.

Пока же приходилось безропотно покоряться обстоятельствам, — а это отнюдь не в характере американцев, — и положиться на волю случая, что особенно не по душе этим в высшей степени деятельным людям.

Нетрудно поэтому себе представить, какие ругательства, обвинения и угрозы посыпались по адресу Робура; впрочем, он был, по-видимому, не из тех людей, которых это могло бы взволновать, судя

по тому немногому, что нам известно о его характере, и по тому, как он вел себя в Уэлдонском ученом обществе.

Между тем Фриколлин все сильнее проявлял признаки беспокойства. То ли его мучили спазмы в желудке, то ли судороги в конечностях, но он извивался самым отчаянным образом. Дядюшка Прудент счел нужным положить конец этим гимнастическим упражнениям, перерезав веревки, стягивавшие тело негра.

Но ему довольно скоро пришлось в этом раскаяться, ибо с уст Фриколлина тотчас же полились нескончаемые жалобы, вызванные ужасными приступами страха, к которым примешивались и муки голода. У негра были в равной мере «поражены» и мозг и желудок, и весьма затруднительно определить, какому из этих двух внутренних органов был он больше обязан страданиями, которые испытывал.

— Фриколлин! — воскликнул дядюшка Прудент.

— Мистер дядюшка!.. Мистер дядюшка!.. — пробормотал негр, прервав на минуту свои жалобные вопли.

— Вполне возможно, что нам угрожает голодная смерть в этой темнице. Но мы решили сопротивляться до тех пор, пока не исчерпаем все доступные нам средства для получения пищи, которая могла бы продлить наше существование...

— Вы собираетесь меня съесть?! — завопил Фриколлин.

— Так всегда поступают с неграми в подобных обстоятельствах!.. Молчи же, Фриколин, чтобы о тебе забыли.

— Не то мы сделаем из тебя фри-кас-се! — прибавил Фил Эванс.

Испуганный Фриколин и вправду поверил, что его намерены употребить для продления жизни двух особ, очевидно, более ценных, нежели он сам. И он был вынужден сдерживать себя и стенать *in petto*¹⁰.

Однако время шло, а попытки открыть дверь или прорезать стену по-прежнему ни к чему не приводили. Из чего эта стена, понять было невозможно. То не был ни металл, ни дерево, ни камень. Кстати, и пол помещения был, очевидно, из того же материала. Когда по нему топали ногой, он издавал своеобразный звук, который дядюшка Прудент затруднялся отнести к разряду знакомых ему звуков. Еще одна особенность: казалось, что снизу, под полом, была пустота, словно он покоился не прямо на земле. Да! Необъяснимый звук «фррррр» как будто скользил по его внешней поверхности. Во всем этом было мало утешительного.

— Дядюшка Прудент! — воскликнул Фил Эванс.

— Фил Эванс? — отозвался дядюшка Прудент.

— Допускаете ли вы, что наша темница переместилась?

— Никоим образом!

¹⁰ Втайне, молча (итал.).

— Между тем, когда нас заперли сюда, я ясно ощущал свежий аромат травы и смолистый запах деревьев парка. Теперь же я тщетно пытаюсь уловить эти запахи, мне кажется, они бесследно исчезли...

— Да, в самом деле.

— Но чем вы это объясняете?

— Объясним это чем угодно, Фил Эванс, но только не тем, что наша темница переместилась. Я повторяю вам: если бы мы находились в движущейся повозке или на плывущем судне, мы бы это сразу же почувствовали.

В эту минуту Фриколлин испустил долгий стон, который можно было бы счесть его предсмертным вздохом, если бы вслед за ним не слышались Другие.

— Мне почему-то кажется, что этот Робур скоро прикажет привести нас к нему, — продолжал Фил Эванс.

— Я весьма на это рассчитываю, — вскричал дядюшка Прудент, — и я скажу ему...

— Что?

— Что, начав действовать, как наглец, он кончил, как негодяй!

Тут Фил Эванс увидел, что наступает утро. Сквозь узкое оконце, прорезанное в верхней части стены, расположенной против двери, начал просачиваться неясный свет. Следовательно, должно было уже быть около четырех часов утра, ибо в июне, на широте

Филадельфии, первые солнечные лучи озаряют горизонт именно в это время.

Между тем, когда дядюшка Прудент заставил прозвонить свои часы с репетицией, — великолепный механизм, выпущенный часовым заводом его коллеги, — звон маленького колокольчика показал, что было всего лишь три четверти третьего, хотя часы ни разу не останавливались.

— Странно! — проговорил Фил Эванс. — Без четверти три бывает еще темно.

— Не иначе, как мои часы отстали... — заметил дядюшка Прудент.

— Как, часы, изготовленные «Уолтон Уотч компани»?! — вскричал Фил Эванс.

Но так или иначе, а это был рассвет. Мало-помалу из глубокой тьмы, царившей в помещении, белым пятном проступило маленькое оконце. Тем не менее, если заря взошла раньше, чем положено на сороковой параллели, на которой стоит Филадельфия, то она разгоралась не так быстро, как это бывает в низких широтах.

Это новое необъяснимое явление вызвало новое удивленное замечание дядюшки Прудента.

— Хорошо бы добраться до окошка, — заметил Фил Эванс, — и попробовать определить, где мы находимся.

— Что ж, попытаемся!

И, обратившись к Фриколлину, дядюшка Прудент воскликнул:

— А ну-ка, Фри, вставай!

Негр поднялся.

— Обопрись-ка спиной об эту стену, а вы, Фил Эванс, взберитесь на плечи этого молодца, я же буду следить за тем, чтобы он вас не уронил.

— Отлично! — ответил Фил Эванс.

Мгновение спустя, став коленями на плечи Фриколлина. Фил Эванс мог уже заглянуть в окно.

В него было вставлено не выпуклое стекло, какие бывают в иллюминаторах корабля, а простое оконное стекло. Хотя и не особенно толстое, оно все же мешало Филу Эвансу рассмотреть местность, ибо поле зрения его и так уже было сильно ограничено размерами оконца.

— Что вы мешкаете? Разбейте стекло! — закричал дядюшка Прудент. — Вам будет виднее.

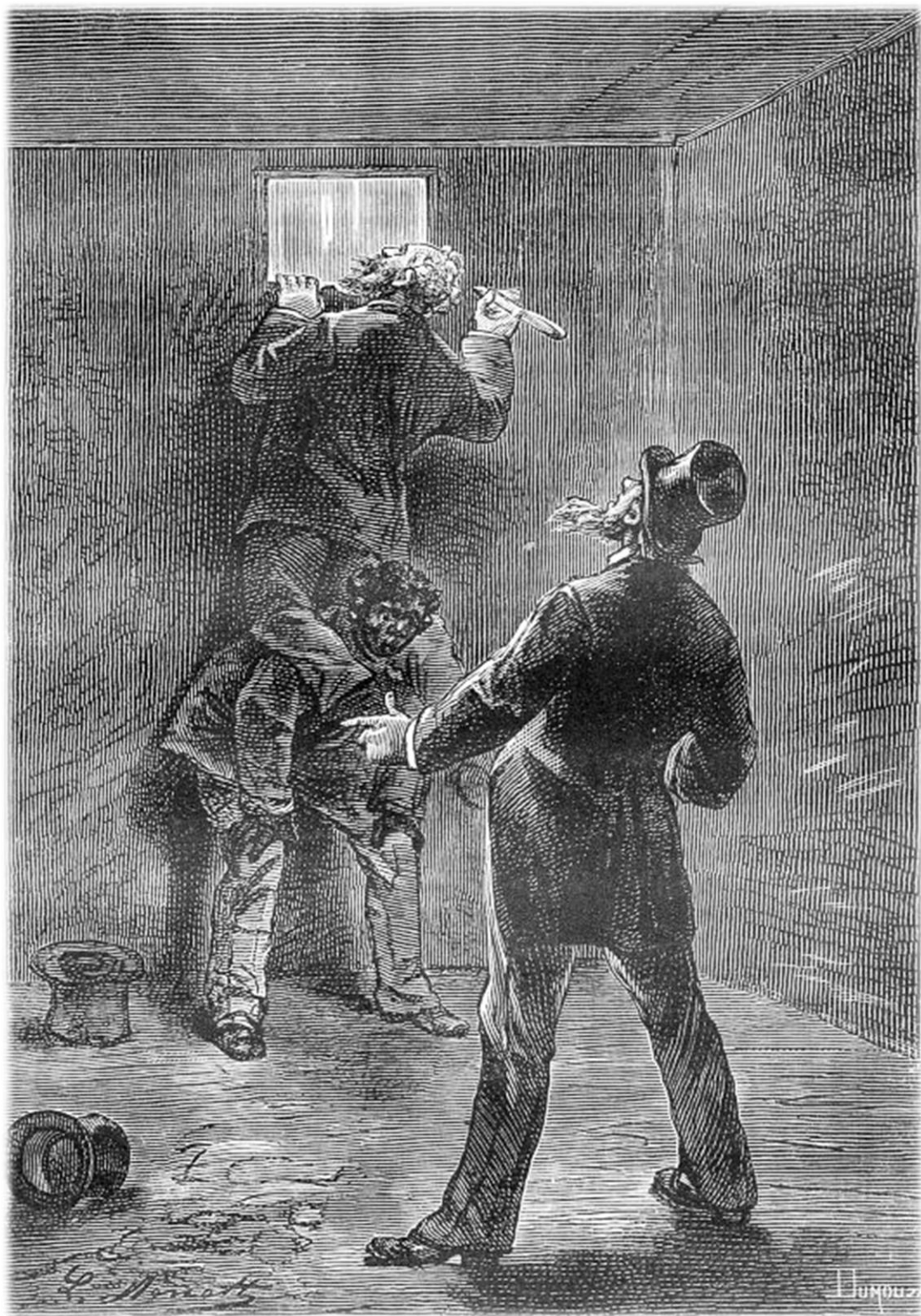
Фил Эванс изо всех сил ударил рукояткой своего ножа по стеклу, которое издало серебряный звон, но не разбилось.

Второй, еще более сильный удар, — и тот же результат!

— Ах, вот оно что! — вскричал Фил Эванс. — Небьющееся стекло!

И действительно, стекло это было, видимо, закалено по способу изобретателя Сименса, так как, несмотря на энергичные удары, оставалось целым и невредимым.

Однако снаружи теперь уже было достаточно светло, и взору открывалось окружающее

*«Фил Эванс изо всех сил ударил
рукояткой своего ножа по стеклу...»*

пространство, по крайней мере в пределах поля зрения, очерченного рамой окна.

— Что вам видно? — спросил дядюшка Прудент.

— Ничего!

— Как? Вы не видите леса?

— Нет!

— Даже вершин деревьев?

— Их тоже не видать!

— Значит, мы больше не находимся посреди поляны?

— Не вижу ни поляны, ни парка!

— Различаете ли вы по крайней мере крыши домов или верхушки монументов?

— воскликнул дядюшка Прудент, разочарование и ярость которого все усиливались.

— Ни крыш, ни монументов.

— Как! Ни мачты с флагом, ни церковной колокольни, ни фабричной трубы?

— Ничего, кроме воздушного пространства.

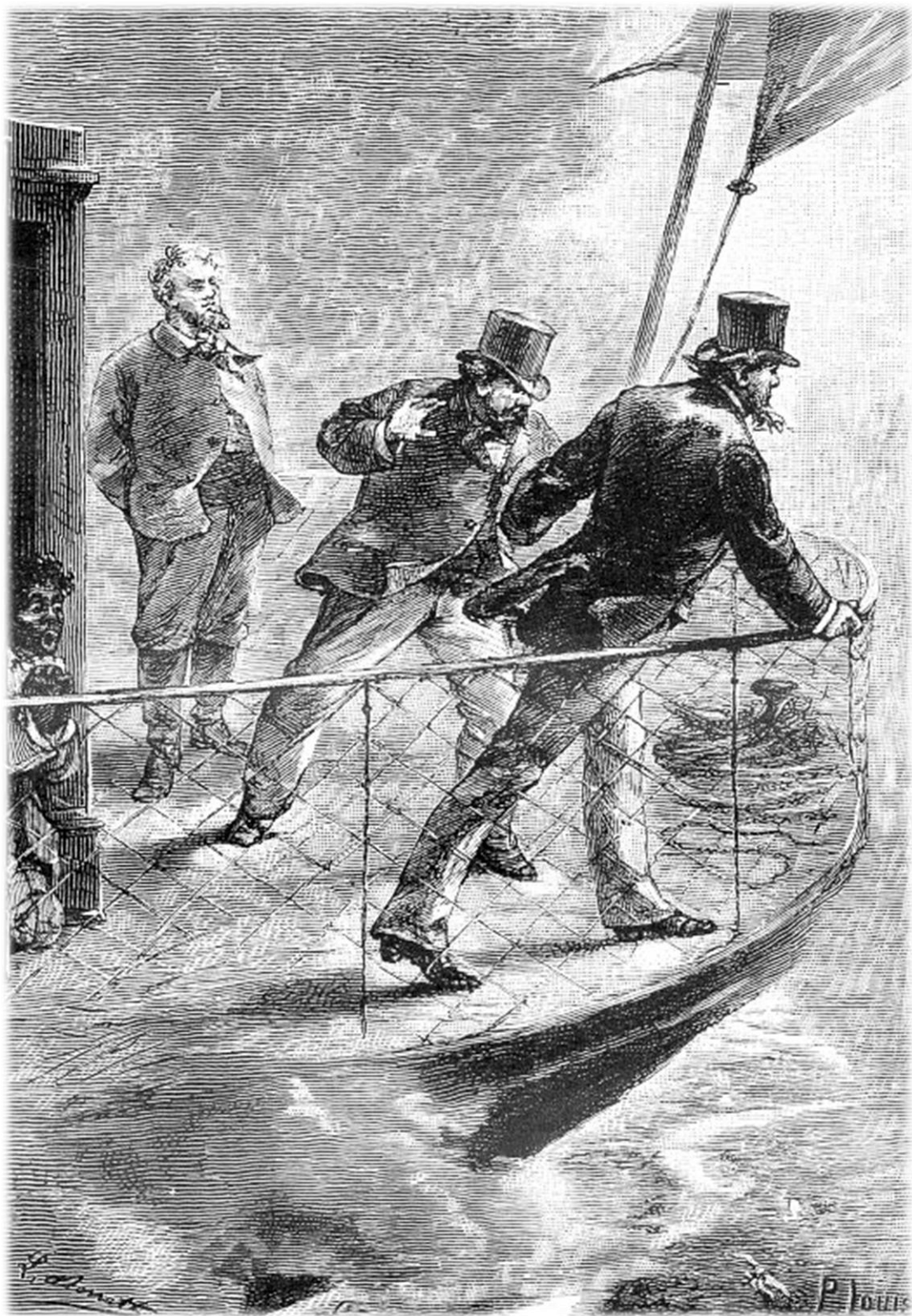
В это мгновение дверь отворилась. На пороге появился какой-то человек.

То был Робур.

— Достопочтенные сторонники воздушных шаров, — громко произнес он, — отныне вы свободны и можете передвигаться в любом направлении.

— Свободны?! — вскричал дядюшка Прудент.

— О да... В пределах «Альбатроса»!

«Что же открылось их взорам?»

Дядюшка Прудент и Фил Эванс опрометью выбежали из помещения.

Что же открылось их взорам?

Внизу — в тысяча двухстах или тысяча трехстах метрах под ними — расстилалась местность, которую они безуспешно пытались узнать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, которую инженерам, механикам и другим ученым людям стоило бы, пожалуй, пропустить

«**К**огда, наконец, человек перестанет ползать по поверхности земли и поселится в лазурной тишине небес?»

На этот вопрос Камиля Фламмариона нетрудно ответить: это произойдет в эпоху, когда развитие механики даст возможность решить проблему авиации. И как уже предсказывали несколько лет назад некоторые ученые, все более широкое применение электричества должно постепенно привести к разрешению этой проблемы.

Задолго до 1783 года, когда братья Монгольфье сконструировали свой воздушный шар, названный по их имени «монгольфьером», а физик Шарль построил свой первый аэростат, некоторые дерзкие умы уже грезили о завоевании воздушных просторов с помощью механизмов. Следовательно, первые изобретатели и не помышляли об «аппаратах легче воздуха», ибо при тогдашнем уровне развития физики подобная мысль не могла даже возникнуть.

Они рассчитывали осуществить воздушное сообщение с помощью «аппаратов тяжелее воздуха» — летательных машин, построенных наподобие птиц.

Именно по этому пути и пошел безумец Икар, сын Дедала, но, едва он приблизился к солнцу, его крылья, скрепленные воском, рассыпались в воздухе.

Однако, оставляя в стороне древнюю мифологию и не останавливаясь на Архитасе Тарентском, можно утверждать, что в трудах Данте из Перуджи, Леонардо да Винчи и Гвидотти уже отстаивается идея создания механизмов, способных перемещаться в воздушном пространстве. Прошло еще два с половиной столетия, и число изобретений в этой области начало заметно возрастать. В 1742 году маркиз де Баквиль изготавляет систему крыльев, испытывает ее над Сеной и при падении ломает себе руку. В 1768 году Поктон предлагает свой проект летательного аппарата, снабженного двумя винтами — подъемным и гребным. В 1781 году архитектор принца Баденского Меервейн создает летательную машину, построенную по принципу орнитоптера; он оспаривает возможность управления недавно изобретенными воздушными шарами. В 1784 году Лонуа и Бьенвеню строят вертолет, приводимый в движение пружинами. В 1808 году австриец Якоб Деген делает попытку подняться в воздух. В 1810 году выходит в свет брошюра Деньо, из Нанта, в которой разработаны принципы «аппаратов тяжелее воздуха». Затем, с 1811 по 1840 год появляются

исследования и изобретения Берблингера, Вигаля, Сартти, Дюбоше, Каньяра де Латура. В 1842 году англичанин Генсон разрабатывает систему наклонных плоскостей и винтов, которые приводятся в движение паровым двигателем; в 1845 году Косею сооружает летательный аппарат с подъемными, винтами; в 1847 году Камиль Вер предлагает свой план геликоптера с крыльями из перьев; в 1852 году Летюр изобретает управляемый парашют, во время испытания которого разбивается насмерть; в том же году Мишель Лу разрабатывает конструкцию скользящей плоскости, снабженной четырьмя вращающимися винтами; в 1853 году Белегик выдвигает идею аэроплана, приводимого в движение тяговыми винтами. Воссен-Шардан предлагает проект управляемого воздушного змея, а Жорж Коле — различные конструкции летательных машин с газовыми двигателями. С 1854 по 1863 год появляются новые имена: Джозеф Плайн, взявший патент на несколько воздушных аппаратов, Бреан, Карлингфорд, Ле Бри, дю Тампль, Брайт, применивший подъемные винты, вращавшиеся навстречу друг другу, Смайти Панафье, Кронье и другие. Наконец, в 1863 году благодаря усилиям Надара в Париже создается «Общество аппаратов тяжелее воздуха». Оно оказывает содействие изобретателям, испытывающим различные летательные машины; на некоторые из них уже получены патенты. Таковы: геликоптер с паровым двигателем де Понтон д'Амекура; летательный

аппарат де Лаланделя, сочетающий в себе винты, наклонные плоскости и парашюты; аэроскаф де Луврие; механическая птица д'Этерно; летательная машина Груфа, крылья которой приводятся в движение рычагами. Словом, лед тронулся! С той поры изобретатели изобретают, а ученые производят расчеты, цель которых — сделать воздушное сообщение практически осуществимым. Буркар, Ле Бри, Кауфман, Смит, Стрингфеллоу, Прижан, Данжар, Помес и де ла Поз, Муа, Пено, Жобер, Гро де Вильнев, Ашенбах, Гарапон, Дюшен, Дандюран, Паризель, Дьезд, Мелкисф, Форланини, Бриэррей, Татен, Дандрие, Эдисон — одни, применяя систему крыльев или винтов, другие — систему наклонных плоскостей, — изобретают, создают, изготавливают и совершенствуют свои летательные машины. И эти машины взлетят в воздух в тот день, когда будет изобретен достаточно мощный и чрезвычайно легкий двигатель.

Пусть нам простят этот несколько затянувшийся перечень. Но разве не следовало показать все стадии развития идеи авиации, вплоть до той поры, когда появился Робур-Завоеватель? Разве мог бы инженер создать столь совершенный летательный аппарат, если бы он не опирался на открытия и опыты своих предшественников? Разумеется, нет! И если он испытывал лишь презрение к тем, кто все еще упорствовал в попытках создать управляемые аэростаты, то питал глубокое уважение ко всем приверженцам «аппаратов тяжелее воздуха» —

англичанам, американцам, итальянцам, австрийцам, французам. Их труды, особенно технические идеи французов, развитые Робуром, помогли ему спроектировать, а затем и построить его воздушный корабль «Альбатрос», который смело рассекал небесные просторы.

— Ведь голубь летает! — сказал один из наиболее упорных сторонников авиации.

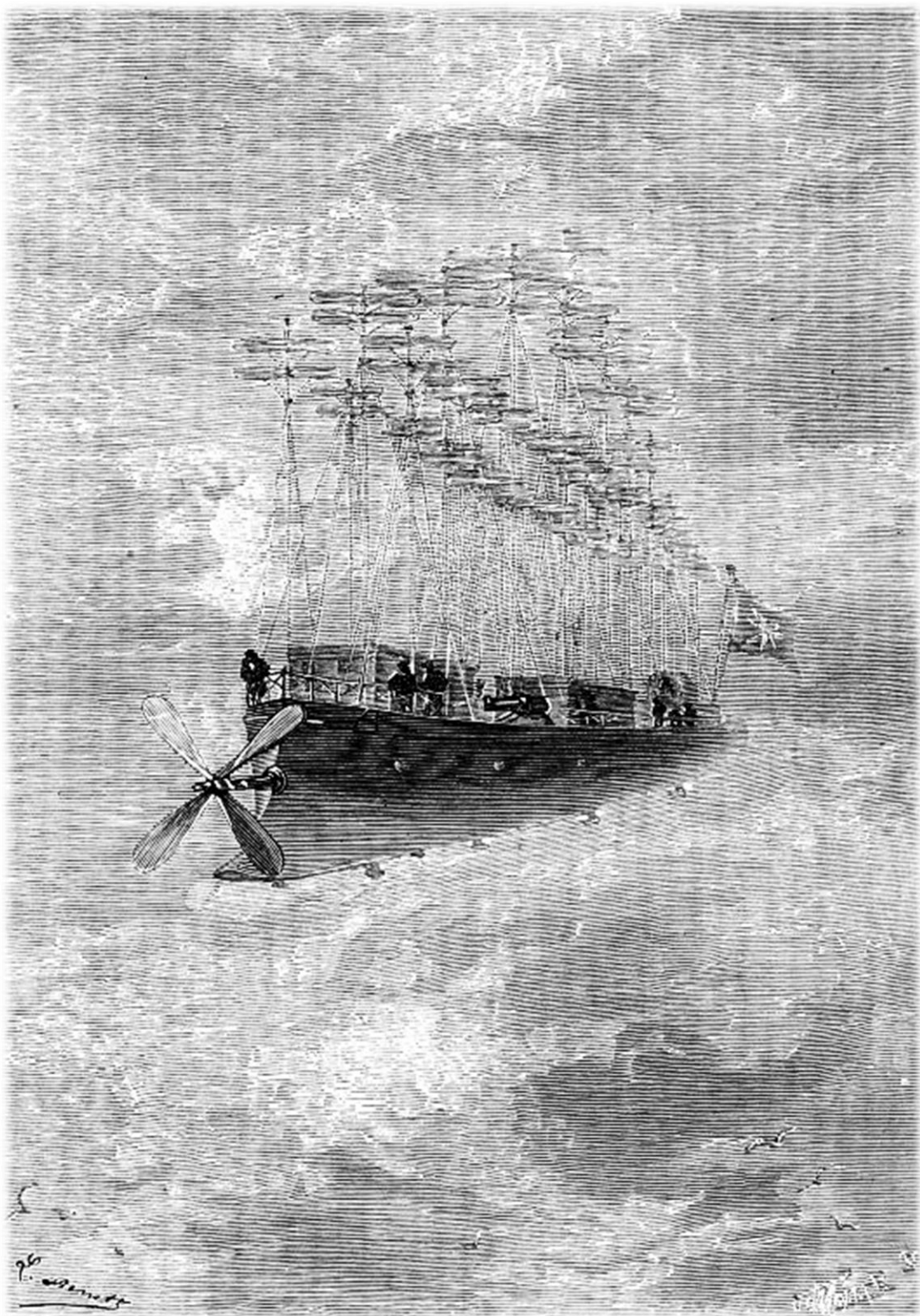
— Когда-нибудь человек будет попирает воздух, как ныне он попирает землю! — подхватил другой пылкий приверженец летательных аппаратов.

— На смену локомотивам придут воздушные поезда! — воскликнул самый шумный из них, который трубил во всех газетах о достижениях авиации, желая пробудить от спячки Старый и Новый Свет.

И действительно, опытом и расчетами было с полной очевидностью доказано, что воздушная среда — весьма прочная опора. Парашют диаметром в один метр может не только замедлить падение человека в воздухе, но и превратить его в плавный спуск. Вот что было установлено.

Было установлено также, что при значительной скорости передвижения в пространстве сила тяжести изменяется приблизительно обратно пропорционально квадрату этой скорости, и движущееся тело становится как бы невесомым.

И наконец было установлено, что несущая поверхность крыльев летающего животного, необходимая, чтобы поддерживать его в воздухе,

«„Альбатрос“... смело рассекал небесные просторы»

возрастает значительно медленнее, чем вес, несмотря на то, что движение крыльев при этом замедляется.

Значит, и летательный аппарат должен быть создан сообразно этим законам природы, другими словами, «этот совершенный механизм для передвижения в воздухе», как выразился доктор Марэ из Французской Академии наук, должен походить на птицу.

В конечном счете все аппараты, при помощи которых рассчитывают разрешить проблему авиации, могут быть сведены к трем типам:

1. Геликоптеры, или спиралеферы, представляющие собой систему винтов, установленных на вертикальных осях.

2. Орнитоптеры — машины, чей полет воспроизводит естественный полет птиц.

3. Аэропланы, которые по сути дела, подобно воздушному змею, представляют собой систему наклонных плоскостей; их тянут за собою или толкают вперед горизонтально расположенные винты.

Каждая из этих систем имела и все еще имеет пылких приверженцев, твердо решивших не сдавать своих позиций.

Однако Робур по многим соображениям отбросил две последних системы.

В том, что орнитоптер, то есть механическая птица, имеет целый ряд достоинств, нет никаких сомнений. Труды и опыты г-на Рено, относящиеся к

1884 году, подтвердили это. Но, как ему уже было в свое время указано, не следует рабски подражать природе. Паровозы не были скопированы с зайцев, а пароходы — с рыб. Первым придали колеса, а ведь колеса не ноги, вторым — винты, но и винты — не плавники! Между тем это отнюдь не нанесло ущерба их скорости. Напротив. Впрочем, нам почти ничего не известно о том, что происходит с точки зрения механики во время полета птиц, которые совершают весьма сложные движения. Полагает же доктор Марэ, что, когда птица поднимает крыло, ее правильные перья раздвигаются, чтобы дать проход воздуху. А ведь такое движение крайне трудно воссоздать в машине.

С другой стороны, не вызывает сомнений, что аэропланам суждено достичь определенных и немаловажных результатов. Их винты, лопасти которых вращаются под углом к потоку воздуха, способны придать машине быстрое движение вверх: опыты, сделанные над моделями, доказали, что грузоподъемность аэроплана, то есть вес, который он может поднять сверх собственного веса, возрастает пропорционально квадрату скорости. В этом заключается значительное преимущество аэропланов, благодаря чему они даже превосходят аэростаты, подверженные влиянию воздушных течений.

Робур полагал, что чем проще устройство воздушного корабля, тем он будет лучше. Именно винты — те самые «святые винты», над которыми

потешались члены Уэлдонского ученого общества, — верой и правдой служили его летательной машине. Одни удерживали ее в воздухе, другие — толкали вперед, обеспечивая одновременно и небывалую скорость и безопасность.

В самом деле, при помощи винта с малым шагом, но значительной поверхностью лопастей, по словам г-на Виктора Татена, теоретически вполне возможно, «решая задачу в общем виде, поднять неограниченный груз с минимальной затратой сил».

Если орнитоптер, который воспроизводит в своем полете взмахи крыльев птицы, поднимается ввысь по вертикали, то лопасти винтов геликоптера рассекают воздух под углом, как будто он поднимается по наклонной плоскости. Можно сказать, что у геликоптера вместо крыльев-лопастей — крылья-винты. Как известно, винт движется только в направлении своей оси. Если ось установлена вертикально, винт перемещается в вертикальной плоскости. Если она установлена горизонтально, он перемещается в горизонтальной плоскости.

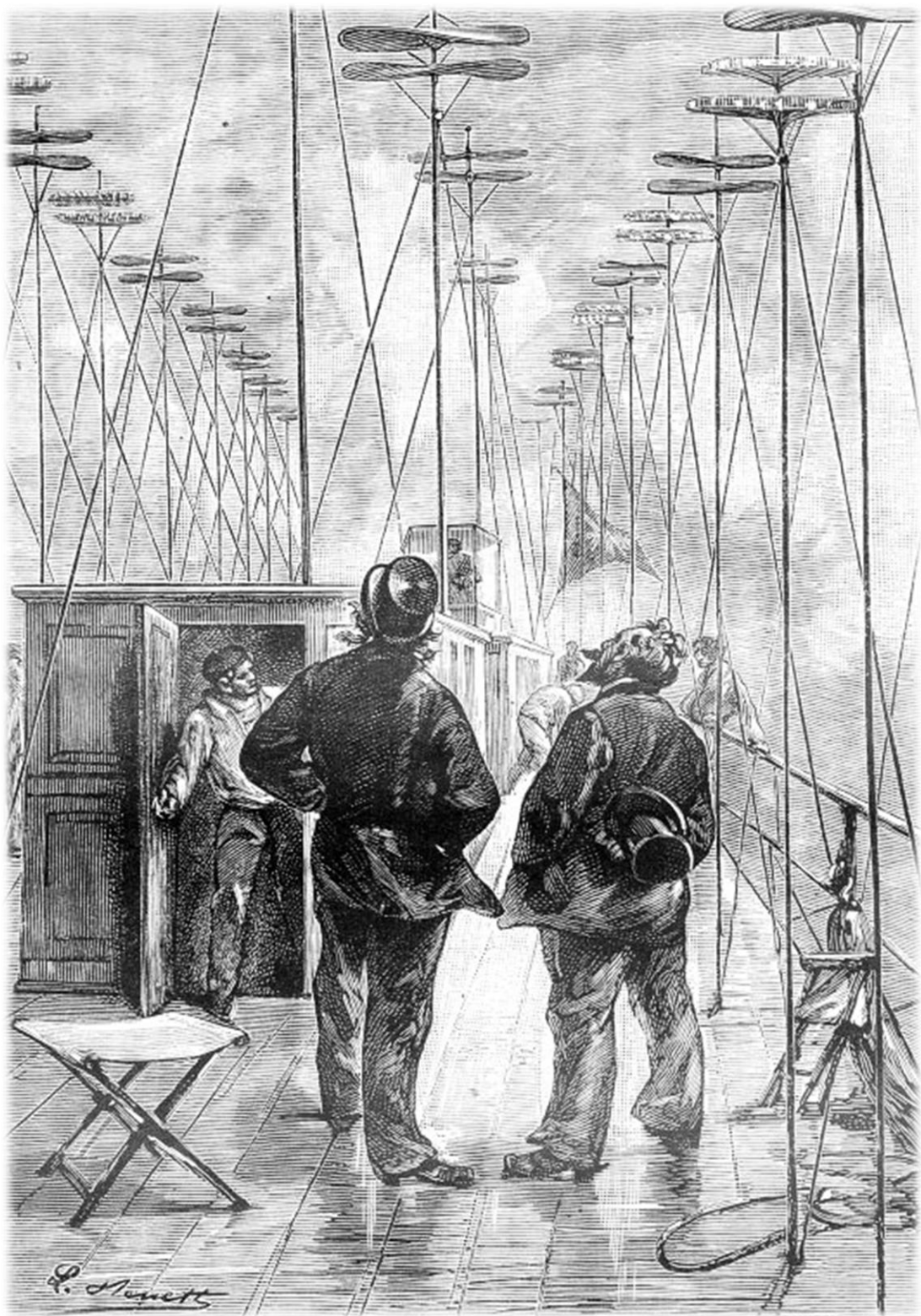
Летательный аппарат инженера Робура мог передвигаться и в горизонтальной и в вертикальной плоскостях.

Вот точное описание его «Альбатроса», в котором можно выделить три главные составные части: корпус; подъемные аппараты и аппараты тяги; машинное отделение.

Корпус. — В закругленном, прочно сбитом корпусе установлены аппараты, вырабатывающие механическую энергию, и размещены различные склады — для орудий, инструментов и приборов, а также главная кладовая для провизии всех видов; в нем помещаются и бортовые цистерны для воды. Сверху находится платформа длиною в тридцать и шириною в четыре метра, с настилом, как у палубы настоящего корабля, нос которого оканчивается волнорезом. По краям палубы — небольшие стойки, соединенные решетками из железной проволоки и деревянными перилами. На палубе возвышаются три рубки, отделения которых предназначены либо для экипажа, либо для размещения машин. В центральной рубке установлена машина, приводящая в действие все подъемные аппараты, в носовой рубке — вращающая передний гребной винт, в кормовой — вращающая задний гребной винт; все эти машины действуют независимо друг от друга. На носу, в передней рубке, расположены буфетная, кухня и помещение экипажа. На корме, в задней рубке, находятся несколько кают, среди них каюта инженера и столовая; а над всем этим высится застекленная будка: в ней рулевой при помощи мощного штурвала направляет ход воздушного корабля. Свет в рубки проникает сквозь иллюминаторы, в которые вставлены особым способом закаленные стекла, раз в десять прочнее обыкновенных. Под корпусом воздушного корабля расположена система гибких пружин, цель которых

— смягчать толчок в момент приземления, хотя посадка летательного аппарата происходит очень плавно, ибо все его движения послушны воле инженера.

Подъемные аппараты и аппараты тяги. — Над платформой вертикально установлены тридцать семь осей, из них по пятнадцати — вдоль бортов, с каждой стороны, и семь более высоких — посередине. Можно подумать, что это корабль с тридцати семи мачтах! Только мачты эти вместо парусов несут каждая по два горизонтально укрепленных винта небольшого диаметра и шага, которым можно придать необычайную быстроту вращения. Винты вращаются независимо один от другого, помимо этого, все они, попарно, вращаются в противоположном направлении. Подобное устройство необходимо, чтобы летательный аппарат не начал вращаться вокруг собственной оси. Таким образом, опираясь на вертикальный столб воздуха, подъемные винты создают подъемную силу, одновременно уравнивая воздушный корабль и в горизонтальной плоскости. Итак, летательная машина инженера Робура оборудована семьюдесятью четырьмя подъемными винтами, причем три лопасти каждого из них соединены по краям металлическим ободом, который служит маховым колесом и тем самым облегчает работу двигателя. На носу и на корме «Альбатроса» на горизонтальных осях укреплены два четырехлопастных гребных винта с большим шагом;

*«Можно подумать, что это корабль
о тридцати семи мачтах!»*

эти винты могут вращаться в противоположных направлениях, двигая летательный аппарат вперед или назад в горизонтальной плоскости. Их диаметр больше, чем диаметр подъемных винтов, и они также могут вращаться с необыкновенной быстротой.

Словом, создавая свой «Альбатрос», инженер Робур усовершенствовал системы летательных аппаратов, которые признали лучшими гг. Косею, де Лаландель и де Понтон д'Амекур. Но он имел полное право считать себя пионером в выборе и использовании источника энергии для двигателей своего воздушного корабля.

Машинное отделение. — Не в водяном паре или парах других жидкостей, не в сжатом воздухе или ином упругом газе, не во взрывчатых смесях, способных производить механическую работу, нашел Робур источник энергии, необходимой для того, чтобы удерживать в воздухе и приводить в движение свой летательный аппарат. Он обратился к электричеству — той силе, которой суждено в один прекрасный день сделаться душою промышленности. Впрочем, инженер не стал применять никакой машины, вырабатывающей электрический ток, но ограничился лишь батареями и аккумуляторами. Однако какие элементы входили в состав этих батарей, какие кислоты приводили их в действие? Это Робур хранил в тайне, так же как и устройство аккумуляторов. Какова была природа их положительных и отрицательных полюсов? Этого

никто не знал. Изобретатель опасался — и не без основания — даже взять патент на это изобретение. Так или иначе, а успех был несомненный: батареи обладали необычайной мощностью, кислоты — почти не испарялись и не замерзали, аккумуляторы значительно превосходили своими достоинствами аккумуляторы Фор-Селлон-Фолькмара, наконец сила тока измерялась неслыханным дотоле количеством ампер. Поэтому «Альбатрос» располагал почти неограниченным запасом электрической энергии, и она приводила в действие всю систему его винтов, которые сообщали летательной машине Робура подъемную и поступательную силу, с лихвой покрывавшую все ее потребности при любых обстоятельствах.

Итак, повторяем — идея применить электричество как источник энергии для воздушных сообщений принадлежит исключительно инженеру Робуру. Но способ его получения он хранил в полной тайне. И если председателю и секретарю Уэлдонского ученого общества не удастся проникнуть в нее, то вполне возможно, что тайна эта будет потеряна для человечества.

Само собой понятно, что летательный аппарат обладал достаточной устойчивостью, и это объяснялось правильным выбором центра тяжести. Можно было не опасаться, что он в полете вдруг угрожающе накренится или, чего доброго, опрокинется.

Остается выяснить, какой материал употребил инженер Робур для своего воздушного корабля; кстати, название «корабль» вполне подходит «Альбатросу». Что ж это был за материал — столь прочный, что острый нож Фила Эванса не мог его даже поцарапать, а дядюшке Пруденту не удалось разгадать его природу? Всего-навсего бумага!

Уже много лет изготовление такого рода бумаги приняло широкие размеры. Неклееная бумага, листы которой пропитаны декстрином и крахмалом, а затем пропущены через гидравлический пресс, образует материал твердый, как сталь. Изготовленные из нее блоки, рельсы, колеса для вагонов — прочнее, чем изделия из металла, но зато куда легче. Именно эту прочность в соединении с легкостью и решил использовать Робур при создании своей летательной машины. Корпус, палуба, рубки, каюты — все было изготовлено из соломенной бумаги, превратившейся под прессом чуть ли не в металл; бумага эта приобрела еще одно свойство — невоспламеняемость, — особенно важное для воздушного корабля, движущегося на большой высоте. Различные составные части подъемных аппаратов и аппаратов тяги — оси и лопасти винтов — были изготовлены из желатинированной фибры, одновременно прочной и гибкой. Материал этот, способный принимать любую форму, не растворяющийся в большинстве газов и жидкостей, в частности в кислотах и спиртах, не говоря уже о

его изоляционных качествах, был просто незаменим в машинном отделении «Альбатроса».

Инженер Робур, боцман Том Тэрнер, механик с двумя подручными, два рулевых и повар — всего восемь человек — составляли экипаж «Альбатроса»; они без труда справлялись с вождением воздушного корабля во время полета. Охотничье и военное оружие, приспособления для рыбной ловли, электрические фонари, наблюдательные приборы, буссоли и секстаны, чтобы определять путь, термометр для измерения температуры, различные барометры — одни для определения достигнутой высоты, другие для того, чтобы отмечать перемены в атмосферном давлении, штормгласс для предсказания бури, небольшая библиотека, портативная типография, артиллерийское орудие, установленное на вращающемся лафете в центре платформы, заряжавшееся с казенной части и выбрасывавшее ядра калибром в шестьдесят миллиметров, запас пороха и пуль, динамитные шашки, кухня, обогреваемая током от аккумуляторов, солидный запас мясных и овощных консервов, уложенных в камбузе рядом с несколькими бочонками бренди, виски и джина, — словом, все, что нужно, чтобы в продолжение нескольких месяцев не приземляться, входило в состав оборудования и припасов воздушного корабля, не говоря уже о знаменитой трубе!

Помимо этого, на борту «Альбатроса» была легкая, не тонущая в воде резиновая лодка, которая могла

выдержать вес восьми человек на поверхности реки, озера или спокойной морской глади.

Однако позаботился ли по крайней мере Робур о парашютах на случай неожиданной катастрофы? Нет! Он не допускал и мысли о возможности катастрофы. Оси винтов вращались независимо друг от друга, и остановка одних не мешала движению других. А для того, чтобы «Альбатрос» мог держаться в своей родной стихии — воздухе, — было достаточно, чтобы работала лишь половина его винтов.

— Благодаря моему «Альбатросу», — заявил вскоре Робур-Завоеватель своим новым гостям, — гостям поневоле, — я отныне властелин седьмой части света, большей, чем Австралия, Океания, Азия, Америка и Европа вместе взятые — моей воздушной Икарии, которую когда-нибудь заселят тысячи икарийцев!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой дядюшка Нрудент и Эвал Эванс по-прежнему не позволяют себя убедить

Нредседатель Уэлдонского ученого общества был ошеломлен, его коллега поражен. Но и тот и другой старались ничем не выдать своего вполне понятного изумления.

Зато слуга Фриколлин, узнав, что он находится на борту летательной машины, уносящей его в пространство, пришел в ужас и даже не думал этого скрывать.

Между тем подъемные винты быстро вращались над головой пассажиров. И хотя скорость их вращения была весьма значительна, ее можно было бы утроить, если бы «Альбатросу» захотелось подняться в более высокие слои атмосферы.

Что касается двух гребных винтов, делавших небольшое число оборотов, то они придавали летательному аппарату скорость всего лишь в двадцать километров в час.

Перегнувшись через борт, пассажиры «Альбатроса» могли различить внизу длинную и извилистую ленту воды, змеившуюся, словно простой ручей, по холмистой равнине между

небольшими озерами, сверкавшими под косыми лучами солнца. На самом деле то была река и к тому же одна из самых крупных в этой местности. На левом ее берегу вырисовывалась горная цепь, которая тянулась вдаль насколько хватал взгляд.

— Не соблаговолите ли вы, наконец, сообщить нам, где мы находимся? — спросил дядюшка Прудент дрожащим от ярости голосом.

— В этом нет надобности, — отвечал Робур.

— Тогда вы, быть может, скажете, куда мы направляемся? — вмешался Фил Эванс.

— В пространство.

— И это продолжится...

— Столько, сколько будет нужно.

— Уж не идет ли речь о кругосветном путешествии? — с иронией спросил Фил Эванс.

— Даже больше, — ответил Робур.

— А если это путешествие нас не устраивает?.. — начал дядюшка Прудент.

— Надо, чтобы оно вас устраивало!

Вот какой характер приобретали отношения между хозяином «Альбатроса» и его гостями, чтобы не сказать узниками. Но Робур, как видно, хотел прежде всего дать своим противникам время оправиться, полюбоваться чудесным летательным аппаратом, уносившим их в воздушные просторы, и, конечно, поздравить его изобретателя. Потому он в делал вид, что просто-напросто прогуливается по палубе. Члены Уэлдонского ученого общества могли тем временем по своему выбору либо изучать

расположение машин, либо осматривать каюты и остальные помещения воздушного корабля, или же посвятить все свое внимание пейзажу, который отчетливо вырисовывался внизу.

— Дядюшка Прудент, — заговорил Фил Эванс, — если я не ошибаюсь, мы пролетаем сейчас над центральной частью канадской территории. Река, что течет на северо-запад, — это река Святого Лаврентия. А город, который мы оставили позади, — Квебек.

То был на самом деле старинный город Шамплена; его железные крыши блестели на солнце, точно рефлекторы. Следовательно, «Альбатрос» достиг сорок шестого градуса северной широты, чем и объяснялось столь раннее наступление утра и необычная продолжительность зари.

— Да, — повторил Фил Эванс, — этот город, с крепостью на холме, раскинувшийся под нами амфитеатром, — несомненно Квебек, Гибралтар Северной Америки. Вот его соборы — английский и французский! А вот и таможня, над куполом которой реет британский флаг!

Фил Эванс не кончил еще говорить, а столица Канады начала уже исчезать из виду. Воздушный корабль входил в зону легких облаков, которые мало-помалу затягивали землю.

В это время, увидев, что председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества перенесли свое внимание на наружное устройство «Альбатроса», Робур приблизился к ним и спросил:

— Ну как, господа, вы все еще сомневаетесь в том, что аппараты тяжелее воздуха пригодны для воздушного сообщения?

Было трудно не признать очевидности. Тем не менее дядюшка Прудент и Фил Эванс ничего не ответили.

— Вы молчите? — продолжал инженер. — Как видно, голод мешает вам говорить!.. Но если я и позволил себе вовлечь вас в это долгое путешествие по воздуху, поверьте, я вовсе не собираюсь кормить вас этим мало питательным веществом. Вас ожидает первый завтрак.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс чувствовали, что голод уже настойчиво дает о себе знать; поэтому они решили отбросить всякие церемонии. Ведь завтрак в конце концов ни к чему не обязывает! И когда они вернутся на землю, то сохранят за собой полную свободу действий по отношению к Робуру.

Их тут же проводили в заднюю рубку, где помещалась маленькая столовая. Здесь, в сторонке, был уже накрыт для них отдельный стол, за которым им предстояло обедать во время путешествия. На завтрак были поданы различного рода консервы, а также галеты, приготовленные наполовину из муки, наполовину из мясного порошка и приправленные небольшим количеством свиного сала; из этих галет, разведенных в кипятке, получается превосходный бульон; затем последовали ломтики жареной ветчины и — в качестве напитка — чай.

«Ведь завтрак в конце концов ни к чему не обязывает!»

Фриколлин тоже не был забыт. В передней рубке его ожидал наваристый бульон, приготовленный из тех же галет. Должно быть, он сильно проголодался, если ему все же удалось позавтракать, хотя зубы его стучали от страха, а челюсти отказывались служить.

— А вдруг эта штука разобьется?!. А вдруг эта штука разобьется!.. — повторял злосчастный негр.

Он пребывал в состоянии томительного страха. Подумать только! Ведь если он свалится с высоты полутора тысяч метров, то превратится в лепешку!

Через час дядюшка Прудент и Фил Эванс вновь показали на палубе. Робура нигде не было видно. Лишь рулевой стоял в своей застекленной будке на корме и, устремив взгляд на буссоль, невозмутимо следовал курсу, заданному инженером.

Что до остальных членов экипажа, то они, видимо, еще сидели за завтраком. Только помощник механика, приставленный наблюдать за машинами, переходил от рубки к рубке.

Если скорость воздушного корабля и была значительна, наши герои почти не замечали ее, хотя «Альбатрос» уже вышел из облаков и внизу, в полутора тысячах метров, показалась земля.

— В это невозможно поверить! — воскликнул Фил Эванс.

— Ну и не будем верить, — ответил дядюшка Прудент.

Они перешли на нос воздушного корабля и теперь пристально всматривались в открывавшийся на западе горизонт.

— А вот и другой город! — заметил Фил Эванс.

— Знаком ли он вам?

— Да! Мне думается, это — Монреаль.

— Монреаль?.. Но мы ведь пролетели над Квебеком всего каких-нибудь два часа назад!

— Это доказывает, что летательная машина движется со скоростью по крайней мере двадцати пяти миль в час.

В самом деле, такова и была скорость воздушного корабля, и если пассажиры не испытывали при этом никаких неприятных ощущений, то потому, что движение «Альбатроса» совпадало тогда с направлением ветра. В безветренную погоду такая скорость сильно мешала бы людям, ибо она немногим уступает скорости экспресса. При полете против ветра ее было бы невозможно выносить.

Фил Эванс не ошибся. Внизу под «Альбатросом» показался Монреаль, который нетрудно было распознать по Виктория-Бридж — трубчатому мосту, переброшенному через реку Святого Лаврентия, подобно тому, как железнодорожный мост в Венеции переброшен через лагуну. Затем взору открылись широкие улицы, огромные магазины, здания банков, напоминавшие дворцы, кафедральный собор, недавно воздвигнутый по образцу собора св.Петра в Риме, и, наконец, венчающая городской ансамбль гора Мон-Рояль, на которой разбит чудесный парк.

По счастью, Фил Эванс уже бывал прежде в важнейших городах Канады. Поэтому он мог узнать некоторые из них, не прибегая к помощи Робура.

Миновав Монреаль, они около половины второго пролетели над Оттавой, расположенной возле водопадов, которые сверху походили на гигантский бурлящий котел, переливавшийся через край. Поистине грандиозное зрелище!

— А вот и дворец, где помещается парламент!

С этими словами Фил Эванс указал на здание, напоминавшее нюрнбергскую игрушку. Этот стоявший на холме дворец своей многоцветной раскраской походил на здание парламента в Лондоне, подобно тому, как собор в Монреале походил на собор св.Петра в Риме. Так или иначе, внизу раскинулась Оттава.

Но вот город начал уменьшаться и вскоре превратился в светлое пятно на горизонте.

Было около двух часов дня, когда Робур вновь появился на палубе. Его сопровождал боцман Том Тэрнер. Инженер сказал ему несколько слов, а тот передал их двум своим помощникам, которые несли вахту на носу и на корме воздушного корабля. По первому знаку рулевой изменил курс «Альбатроса» на два градуса к юго-западу. В то же мгновение дядюшка Прудент и Фил Эванс заметили, что гребные винты воздушного корабля стали вращаться с большей скоростью.

Впрочем, и эта скорость могла быть увеличена еще вдвое и тогда превзошла бы максимальную быстроту передвижения, достигнутую до тех пор на земле.

Том Тэрнер

Судите сами! Миноносцы делают по двадцать два узла, то есть по сорок километров в час; поезда на английских и французских железных дорогах — по сто километров; механические сани на замерзших реках Соединенных Штатов — по сто пятнадцать; паровоз с зубчатой передачей, построенный в мастерских Патерсона, показал на линии озера Эри скорость в сто тридцать километров, а локомотив на участке между Торнтоном и Джерси — сто тридцать семь километров.

Между тем «Альбатрос» при максимальном числе оборотов своих гребных винтов мог делать до двухсот километров в час, то есть около пятидесяти метров в секунду.

А ведь это — скорость урагана, с корнем выворачивающего деревья, или шквала, который пронесся над Кагором 21 сентября 1881 года, делая по сто девяносто четыре километра в час. Это средняя скорость полета почтового голубя, которую превосходит лишь быстрота полета обыкновенной ласточки (67 метров в секунду) и каменного стрижа (89 метров в секунду).

Словом, как об этом уже говорил Робур, «Альбатрос», используя всю силу своих винтов, мог бы совершить кругосветное путешествие за двести часов, то есть всего лишь за восемь дней!

Заметим кстати, что протяженность железнодорожных путей на земном шаре составляла в то время четыреста пятьдесят тысяч километров, другими словами, железнодорожные рельсы могли

бы одиннадцать раз опоясать землю по экватору. Впрочем, это очень мало интересовало Робура! Разве не принадлежало его летательной машине все воздушное пространство, служившее для нее надежной опорой?

Надо ли добавлять, что загадочное тело, появление которого до такой степени взбудоражило жителей обоих полушарий, было воздушным кораблем инженера Робура? Труба, оглашавшая громкими звуками небесные просторы, принадлежала боцману Тому Тэрнеру. А флаг, укрепленный на всех самых высоких зданиях Европы, Азии и Америки, был флагом Робура-Завоевателя и его «Альбатроса».

Если до тех пор инженер принимал некоторые меры предосторожности, чтобы остаться неузнанным, если он путешествовал преимущественно ночью, лишь порою зажигая свои электрические фонари, а в течение дня скрывался за облаками, то теперь он, казалось, не хотел дольше сохранять в тайне свою победу. Не для того ли прибыл он в Филадельфию и явился в зал заседаний Уэддонского ученого общества, чтобы сообщить миру о своем удивительном открытии, чтобы убедить *ipso facto*¹¹ даже самых недоверчивых противников?

Читателям известно, как он был принят, и они увидят в дальнейшем, каким испытаниям собирался

¹¹ Самим фактом (лат.).

Робур подвергнуть председателя и секретаря вышеупомянутого ученого общества.

Между тем инженер приблизился к обоим коллегам, которые изо всех сил старались скрыть, какое удивление вызвало в них все, что им, вопреки желанию, довелось увидеть и пережить. Очевидно, под черепами обоих англосаксов жило такое упрямство, которое очень трудно было победить.

Со своей стороны, Робур и вида не подавал, что он это замечает, и, словно продолжая прерванный больше двух часов назад разговор, сказал:

— Господа, вы, конечно, задаете себе вопрос, может ли мой летательный аппарат, великолепно приспособленный для воздушных сообщений, развить большую скорость? Он был бы недостоин называться покорителем воздушных стихий, если бы не мог стремительно поглощать пространство! Я хотел, чтобы воздушная среда стала для меня надежной опорой, и она стала ею. Я понял, что для победы над ветром надо попросту стать сильнее его, и вот я сильнее ветра! Я не нуждаюсь ни в парусах, чтобы нестись вперед, ни в веслах или колесах, чтобы ускорять свое движение, ни в рельсах, чтобы мчаться еще быстрее. Воздух — вот все, что мне нужно! Воздух окружает меня, как вода окружает подводную лодку, и мои гребные винты врезаются в него, как винты парохода врезаются в волны. Вот каким образом я разрешил проблему авиации. Вот чего никогда не достичь ни воздушному шару, ни другому аппарату легче воздуха.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс хранили полное молчание. Но это нисколько не обескуражило инженера. Он лишь легонько усмехнулся и продолжал:

— Вы, вероятно, спрашиваете себя, может ли «Альбатрос» перемещаться не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении, словом, может ли он соперничать с воздушным шаром даже тогда, когда речь идет о достижении верхних слоев атмосферы? Так вот, я бы вам не советовал состязаться на своем аэростате «Вперед» с моим «Альбатросом».

Коллеги лишь пожали плечами. Именно тут они, пожалуй, и ожидали поражения инженера.

Робур подал знак. Тотчас же гребные винты воздушного корабля остановились. Затем, пролетев в силу инерции еще около мили, «Альбатрос» неподвижно застыл в воздухе.

По второму знаку Робура подъемные винты стали вращаться с такой быстротой, которую можно сравнить лишь со скоростью вращения звуковых сирен во время акустических опытов. Производимый этими винтами звук «фррррр» поднялся приблизительно на октаву по звуковой шкале, однако сила его уменьшилась вследствие того, что винты вращались теперь в разреженном воздухе. Летательный аппарат взмыл прямо ввысь, точно жаворонок, который оглашает своим пронзительным криком окружающие просторы.

— Господин!.. Господин!.. — твердил Фриколлин. — Только бы эта штука не разбилась!

Робур лишь презрительно улыбнулся в ответ. За несколько минут «Альбатрос» достиг высоты в две тысячи семьсот метров, что расширяло поле зрения его пассажиров до семидесяти миль, а затем он поднялся до четырех тысяч метров, на что указал барометр, упавший до 480 миллиметров.

Совершив этот опыт, «Альбатрос» снова снизился. В верхних слоях атмосферы давление падает, что приводит к уменьшению кислорода в воздухе, а вследствие этого и в крови. Вот в чем кроется причина несчастных случаев, происходивших с некоторыми воздухоплавателями. Робур не хотел без нужды подвергать своих людей такой опасности.

Поэтому «Альбатрос» вновь опустился на высоту, лететь на которой ему было всего удобнее, и гребные винты еще быстрее помчали его на юго-запад.

— Теперь, господа, вы, надеюсь, получили ответ на вопрос, который себе задавали? — проговорил инженер.

Затем, опершись на перила здесь же, в носовой части воздушного корабля, он погрузился в раздумье.

Когда Робур поднял голову, он увидел возле себя председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества.

— Инженер Робур, — начал дядюшка Прудент, который тщетно пытался овладеть собой, — напрасно вы полагаете, что нас занимают вопросы, которые вы сами задаете! Но мы и в самом деле

хотим задать вам вопрос, на который, надеюсь, вы сообразоволите ответить.

— Спрашивайте.

— По какому праву вы напали на нас в Фэрмонт-парке, в Филадельфии? По какому праву вы заперли нас в этой темнице? По какому праву вы увозите нас, вопреки нашему желанию, на борту своей летательной машины?

— А по какому праву, господа любители воздушных шаров, — перебил Робур, — по какому праву вы меня оскорбили, освистали и угрожали мне в своем клубе с такой яростью, что я удивляюсь, как ушел оттуда живым?

— Спрашивать — не значит отвечать, — вмешался Фил Эванс, — и я тоже требую ответа: по какому праву?..

— Вам угодно знать?..

— Да, пожалуйста.

— По праву более сильного!

— Какой цинизм!

— И все же это именно так!

— А как долго, гражданин инженер, — спросил дядюшка Прудент, который в конце концов вышел из себя, — как долго намерены вы пользоваться этим правом?

— Как можете вы, господа, — с иронией спросил Робур, — задавать мне подобный вопрос, когда вам достаточно опустить взор, чтобы насладиться зрелищем, равного которому нет на свете?

В ту минуту «Альбатрос» словно гляделся в необозримую зеркальную гладь озера Онтарио. Он только что пролетел над страной, так поэтично воспетой Купером, и парил теперь над южным берегом этого обширного водоема, направляясь к прославленной реке, которая несет в него воды озера Эри, разбивая их о свои пороги.

На мгновение величавый гул, напоминавший раскаты грома, донесся до воздушного корабля. Казалось, влажный туман внезапно поднялся в воздух, — так заметно посвежело вокруг.

Прямо под «Альбатросом» с порогов полукружьем низвергались огромные потоки воды. Казалось, струи расплавленного хрусталя, преломляя солнечные лучи, переливаются тысячью радуг. Величественная картина!

Переброшенный перед водопадами мостик, точно нить, соединял один берег с другим. Тремя милями ниже виднелся висячий мост, по которому медленно двигался поезд, переправляясь с канадского берега на американский.

— Ниагарские водопады!

Эти слова невольно вырвались у Фила Эванса, между тем как дядюшка Прудент делал над собой величайшие усилия, чтобы не восхищаться всеми этими чудесами.

Еще минута — и «Альбатрос» уже оставил позади реку, которая отделяет Соединенные Штаты от канадской территории, и устремил свой полет над обширными пространствами Северной Америки.

*«Казалось, струи расплавленного хрусталя...
переливаются тысячью радуг»*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, из которой видно, как Робур решил ответить на поставленный ему важный вопрос

В одной из кают кормовой рубки дядюшку Прудента и Фила Эванса ожидали две великолепные кушетки, несколько перемен белья и платья, плащи и пледы. Даже на трансатлантическом пароходе они не пользовались бы большими удобствами. И если наши воздухоплаватели спали дурно, то лишь потому, что им мешали забыться вполне понятные тревоги. В какое опасное приключение были они вовлечены? Какие еще испытания ожидали их по воле Робура и против их собственной воли (да простит нам читатель невольный каламбур)? Чем закончится вся эта авантюра и чего, собственно, добивается инженер? Вот что занимало их мысли в ту бессонную ночь.

Слуга Фриколлин был помещен в носовой части «Альбатроса», в каюте рядом с той, которую занимал повар воздушного корабля. Это соседство было ему по душе: Фриколлин любил общество великих мира

сего! В конце концов он заснул, но сон его был полон кошмаров — ужасных полетов в пространстве и головокружительных падений с высоты.

А между тем что могло быть покойнее этого плавного движения в атмосфере, особенно ночью, когда прекратилось всякое дуновение ветерка. Окружающую тишину нарушал лишь шум вращающихся винтов. Порою с земли доносился свисток одинокого паровоза, бежавшего по рельсам, да голоса домашних животных. Какой удивительный инстинкт! Эти земные твари чувствовали приближение летательной машины и в испуге жалобно кричали при ее появлении.

На следующий день, 14 июня, в пять часов утра дядюшка Прудент и Фил Эванс уже прогуливались по настилу, служившему палубой воздушного корабля. За ночь ничего не изменилось: на носу по-прежнему стоял вахтенный, на корме — рулевой.

Однако зачем нужен был вахтенный? Разве им угрожала опасность столкновения с другим летательным аппаратом? Разумеется, нет. У Робура еще не было подражателей. Что же касается встречи с каким-нибудь воздушным шаром, то она была так мало вероятна, что ею смело можно было пренебречь. Во всяком случае, «Альбатросу» не приходилось опасаться такого столкновения. Зато оно весьма печально окончилось бы для воздушного шара: припомните басню о чугунном котле и глиняном горшке!

Но могло ли все-таки произойти какое-либо столкновение? Да! Воздушный корабль, как и всякое другое судно, мог потерпеть крушение, если бы путь ему преградила гора, которую не удалось бы обогнуть или преодолеть. Горы были рифами-воздушного океана, и «Альбатросу» следовало избегать их, подобно тому, как корабль избегает рифов на море.

Правда, как и положено капитану, инженер заранее наметил для своего корабля кратчайший путь, пролежавший над самыми высокими хребтами. Итак, «Альбатросу» предстояло лететь над горным краем, и благоразумие требовало, чтобы экипаж был начеку на случай, если воздушный корабль слегка отклонится от заданного курса.

Рассматривая местность, расстилавшуюся под ними, дядюшка Прудент и Фил Эванс увидели огромное озеро, к южному берегу которого приближался «Альбатрос». Они поняли, что за ночь воздушный корабль пролетел над озером Эри из конца в конец. А так как он мчался прямо на запад, то замеченное ими озеро могло быть только озером Мичиган.

— Нет никакого сомнения! — вскричал Фил Эванс. — Это скопление крыш на горизонте — Чикаго?

Он был прав: перед ними действительно был «Владыка Запада», город, где пересекаются семнадцать железнодорожных линий, — громадноеместилище, куда стекаются товары из Индианы,

Огайо, Висконсина, Миссури — штатов, образующих западную часть Американской Федерации.

Вооружившись великолепным морским биноклем, который он отыскал в своей каюте, дядюшка Прудент легко различая главные городские строения. Фил Эванс называл ему церкви, общественные здания, многочисленные «элеваторы», или механизированные склады, и, наконец, указал на огромную гостиницу Шерман, похожую на гигантскую игральную кость; очками ей служили сотни окон, блестящих на фасадах этого здания.

— Если мы над Чикаго, — заметил дядюшка Прудент, — это доказывает, что нас занесло на запад, значительно дальше, чем требуется для быстрого возвращения домой.

И в самом деле, «Альбатрос» все больше удалялся по прямой линии от столицы Пенсильвании.

Однако, если бы дядюшка Прудент вздумал убеждать Робура повернуть обратно на восток, — он все равно не мог бы этого сделать: то ли инженер был занят каким-либо делом, то ли еще спал, но в то утро он не спешил выходить из каюты. И обоим воздухоплавателям пришлось отправиться завтракать так и не повидавшись с ним.

Со вчерашнего дня скорость воздушного корабля не изменилась. Он летел на запад по ветру, и поэтому его быстрое перемещение не беспокоило пассажиров, а так как температура воздуха падает всего на один градус на каждые сто семьдесят метров высоты, то на палубе было не особенно

холодно. В ожидании инженера дядюшка Прудент и Фил Эванс неторопливо беседовали, прогуливаясь, можно сказать, под сенью винтов, которые вращались так стремительно, что их сверкавшие лопасти сливались в полупрозрачный диск.

За каких-нибудь два с половиной часа «Альбатрос» пролетел вдоль всей северной границы штата Иллинойс. Он пронесся над берегами «Отца вод» — Миссисипи, причем плывшие по реке двухпалубные пароходы казались сверху простыми челноками. Затем «Альбатрос» промчался над штатом Айова, и в одиннадцать часов утра под ним промелькнул город Айова-Сити.

Извилистые гряды холмов, так называемых «bluffs», пересекают эту территорию с юга на северо-запад. Высота их незначительна, и воздушному кораблю не пришлось подниматься ни на один фут. Впрочем, холмы эти вскоре начали понижаться и сменились просторными равнинами Айовы; всю западную половину этого штата, а также часть штата Небраска, занимают бесконечные прерии, которые простираются вплоть до подножья Скалистых гор. Внизу со всех сторон бежали многочисленные речки — притоки и притоки притоков Миссури. На их берегах виднелись города и селения, но они попадались все реже и реже, ибо «Альбатрос» быстро приближался к районам Дальнего Запада.

Ничего примечательного в тот день не произошло. Дядюшка Прудент и Фил Эванс были

полностью предоставлены самим себе. Едва ли они заметили растянувшегося в носовой части палубы Фриколина, который закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Однако негр не страдал от головокружения, как можно было предположить. Находясь на борту воздушного корабля, человек не имеет ориентиров и потому не испытывает головокружения, которое охватывает его на кровле высокого здания. Бездна не влечет к себе, когда смотришь вниз из гондолы аэростата или с палубы воздушного корабля, вернее, под ногами воздухоплавателя открывается не бездна, а безбрежный горизонт, который, словно поднимаясь вместе с ним, окружает его со всех сторон.

В два часа «Альбатрос» пролетал над Омахой. Находящийся у границы штата Небраска, город Омаха-Сити — подлинное сердце Тихоокеанской железной дороги, гигантского рельсового пути, длиной в полторы тысячи миль, соединяющего Нью-Йорк и Сан-Франциско. На мгновение внизу тускло блеснули желтоватые воды Миссури, а затем показались деревянные и кирпичные постройки города, расположенного в центре этого богатейшего бассейна, словно пряжка на железном поясе, который стягивает талию Северной Америки. Нет сомнения, что, пока пассажиры воздушного корабля внимательно рассматривали город, жители Омахи в свою очередь обратили внимание на странный летательный аппарат. И все же их удивление при виде парящего в небе «Альбатроса» вряд ли могло сравниться с удивлением председателя и секретаря

Уэлдонского ученого общества, когда они впервые обнаружили, что находятся на борту воздушного корабля.

Так или иначе, но появление «Альбатроса» должно было вскоре сделаться достоянием газет Соединенных Штатов и послужить объяснением загадочному явлению, которое столько времени занимало, и тревожило весь мир.

Час спустя Омаха уже скрылась из виду. И вскоре не осталось сомнений, что воздушный корабль взял курс на север, оставляя в стороне русло Платт-ривер, по долине которой Тихоокеанская железная дорога следует через прерии. Это никак не могло прийтись по вкусу дядюшке Пруденту и Филу Эвансу.

— Неужели он собирается всерьез осуществить свой нелепый план и увезти нас на другую сторону земного шара? — спросил один из них.

— И к тому же против нашей воли? — подхватил другой. — Ну, Робур, берегись же! Я не такой человек, чтобы позволить делать с собой, что кому вздумается!..

— И я тоже! — подхватил Фил Эванс. — Но, поверьте, дядюшка Прудент, вам надо умерить свой пыл...

— Умерить пыл!..

— И сдержать гнев до поры до времени...

Часов в пять вечера, миновав Черные горы, поросшие елями и кедрами, «Альбатрос» летел над территорией, которую метко называли Дикими

Землями штата Небраска. Взору открылось беспорядочное нагромождение холмов цвета охры — обломков гор, которые словно рухнули на землю и при падении раскололись на множество кусков. Издали эти глыбы принимали самые причудливые очертания. То тут, то там посреди этого гигантского каменного кегельбана, казалось, поднимались руины средневековых городов с замками, фортами и башнями и развалины крепостей с бойницами и сторожевыми будками. На самом же деле Дикие Земли — всего лишь грандиозное кладбище, где белеют мириады костей допотопных толстокожих и панцирных животных и, говорят, даже ископаемых людей, занесенные в эти места какой-то неведомой геологической катастрофой в глубокой древности.

К ночи весь бассейн Платт-ривер остался позади. Теперь вплоть до самого горизонта, сильно раздвинувшегося благодаря высоте, на которой летел «Альбатрос», простиралась гладкая равнина.

Этой ночью пронзительные свистки паровозов и низкие гудки пароходов уже не нарушали покоя звездного небосклона. Порою до ушей пассажиров воздушного корабля, летевшего в то время на значительно меньшей высоте, доносилось протяжное мычание: это ревели стада бизонов, бродившие по прерии в поисках водопоя и пастбищ. А когда они замолкали, слышался хруст травы под их копытами, напоминавший глухой рокот волн; и на этом фоне отчетливо выделялся непрерывный, вибрирующий звук винтов «Альбатроса».

Время от времени внизу раздавался вой волка или лисицы, крик дикой кошки да завывание койота, этого *canis latrans*¹², чье латинское название вполне оправдывается его звонким лаем.

Ночной воздух был напоен острым запахом мяты, шалфея и полыни, перемешанным с сильным ароматом хвойных деревьев.

Наконец, чтобы перечислить все звуки, доносившиеся с земли, надо упомянуть и о зловещем вое, который издавал уже не койот: то был крик краснокожего, и ни один житель прерий не спутал бы его с голосами хищников.

На следующее утро, 15 июня, часов в пять, Фил Эванс вышел на палубу из своей каюты, надеясь, что ему, наконец, посчастливится встретить Робура.

Желая узнать, почему инженер не показывался накануне, он обратился к боцману Тому Тэрнеру.

То был англичанин лет сорока пяти, могучего сложения, коренастый, широкоплечий, с непомерно крупной головой: такие некрасивые головы любил рисовать Гогарт, запечатлевший своей кистью эту характерную особенность представителей англосаксонской расы. Пусть читатель внимательно взглянется в четвертую гравюру, помещенную в «*Harlots Progress*», и он не только обнаружит там голову Тома Тэрнера на плечах у тюремщика, но и убедится, что лицо его отнюдь не производит приятного впечатления.

¹² Буквально: лающая собака (лат.).

— Увидим ли мы сегодня инженера Робура? — спросил Фил Эванс.

— Не знаю, — ответил Том Тэрнер.

— Я не спрашиваю вас, отлучился, ли он...

— Возможно.

— Ни когда он возвратится...

— Как только закончит свои дела?

Сказав это, Том Тэрнер вошел в рубку.

Пришлось удовольствоваться этим ответом, в котором не было ничего утешительного, ибо, сверившись с буссолью, Фил Эванс установил, что «Альбатрос» продолжает двигаться на северо-запад.

Как непохож был пейзаж, возникший теперь перед глазами пассажиров воздушного корабля, на оставленную накануне бесплодную территорию Диких Земель!

Удалившись на тысячу километров от Омахи, «Альбатрос» летел над местностью, которую Фил Эванс не мог узнать по той причине, что никогда здесь не бывал. Немногочисленные форты, воздвигнутые для того, чтобы сдерживать индейцев, высились на холмах, расчерченных правильными геометрическими линиями палисадов, которыми были обнесены строения. Деревни редко попадались в этом малонаселенном крае, столь непохожем на золотоносные земли Колорадо, расположенные несколькими градусами южнее.

Вдалеке, пока еще очень смутно, начали вырисовываться очертания горной цепи; лучи

встающего солнца окрашивали ее вершины в розовые тона.

Это были Скалистые горы.

В то утро дядюшка Прудент и Фил Эванс сразу же почувствовали резкий холод. Однако понижение температуры не объяснялось переменой погоды: солнце по-прежнему заливало небо ослепительным светом.

— Как видно, «Альбатрос» поднялся в верхние слои атмосферы, — заметил Фил Эванс.

И в самом деле, барометр, висевший на наружной стене центральной рубки, упал до пятисот сорока миллиметров, что соответствовало примерно высоте в три тысячи метров. Необходимость вести воздушный корабль на такой значительной высоте была вызвана горным рельефом местности.

Впрочем, часом раньше он, вероятно, летел на высоте не меньше четырех тысяч метров, ибо оставил за собой горные вершины, покрытые вечными снегами.

Ничто не могло помочь дядюшке Пруденту и его спутнику определить, что это был за край. Ночью «Альбатрос», летевший с большой скоростью, мог отклониться к северу или к югу, и этого было достаточно, чтобы сбить их с толку.

И все же, обсудив различные, более или менее правдоподобные гипотезы, они остановились на следующей: лежавшая под ними местность, окруженная со всех сторон горами, была, должно быть, той областью, которую конгресс в марте 1872

года провозгласил Национальным парком Соединенных Штатов.

«Альбатрос» и в самом деле летел над этим единственным в своем роде краем. Он вполне заслуживал имени парка, но парка, где вместо холмов были горы, вместо прудов — озера, вместо ручьев — реки, вместо лабиринтов — горные цирки, а вместо фонтанов — гейзеры необыкновенной силы.

За несколько минут воздушный корабль пронесся над берегами Йеллоустон-ривер, оставив справа гору Стивенсона, и достиг границ большого озера, носящего название только что упомянутой реки. Как живописны были очертания этого природного водоема, песчаные берега которого, усеянные обсидианом и осколками хрусталя, сверкали, отражая солнечные лучи тысячами тончайших граней! Как причудливо были разбросаны островки, покрывавшие поверхность озера! Как ясно отражалось лазурное небо в этом огромном зеркале! К берегам озера йеллоустон, одного из самых высокогорных на земном шаре, тысячами слетались обитатели пернатого царства — пеликаны, лебеди, чайки, гуси, казарки, гагары! Его обрывистые берега местами густо поросли зеленым руном деревьев — сосен и лиственниц. У подножья откосов виднелись бесчисленные трещины, над которыми клубился пар: он вырывался из недр земли, как из громадного котла, в котором подземное пламя всегда поддерживало воду в состоянии кипения.

Повару представлялся здесь редкий случай надолго запастись форелью — единственной рыбой, которая мириадами плодится в водах озера Йеллоустон. Но «Альбатрос» все время летел на такой высоте, что заняться рыбной ловлей так и не удалось, хотя добыча, вне всякого сомнения, была бы великолепной.

К тому же через три четверти часа воздушный корабль уже пересек озеро и приблизился к области, богатой гейзерами, не уступающими по красоте самым замечательным гейзерам Исландии. Перегнувшись через борт, дядюшка Прудент и Фил Эванс с восхищением наблюдали за струями горячей воды, которые взлетали вверх, словно стараясь обдать брызгами «Альбатрос».

Особенно хороши были несколько гейзеров: «Веер», чьи струи расходятся в воздухе сверкающими пластинками, «Укрепленный замок», который как будто обороняется ударами водяных столбов, «Старый друг» с его фонтаном, увенчанным радугой, и «Гигант», из недр которого бьет в небо мощный поток воды окружностью в двадцать я высотой в двести футов!

Это ни с чем не сравнимое, можно сказать, единственное в мире зрелище было, очевидно, хорошо знакомо Робуру, ибо он даже не показался на палубе. Неужели он повел «Альбатрос» над национальным заповедником только ради того, чтобы доставить удовольствие своим гостям? Во всяком случае, инженер не искал их благодарности.

Не покинул он своей каюты и позднее, когда часов в семь утра воздушный корабль начал свой смелый перелет через Скалистые горы.

Известно, что этот горный массив тянется, точно гигантский спинной хребет, от крестца до затылка Северной Америки, продолжая собою Мексиканские Анды. Эту могучую горную гряду протяженностью в три с половиной тысячи километров венчает пик Джемс, высота которого достигает почти двенадцати тысяч футов.

Нет сомнения, что, учащая взмахи своих крыльев-винтов, «Альбатрос», подобно птице, взмывающей в поднебесье, мог бы пролететь над самыми высокими точками этой горной системы и одним прыжком достигнуть штатов Орегон и Юта. Однако в таком маневре не было необходимости, ибо существуют перевалы, которые позволяют преодолевать горный барьер, не взбираясь на его гребень. В Скалистых горах известно несколько «каньонов» — более или менее узких ущелий, пригодных для этой цели. Таков, например, Бриджерский перевал, по которому вьется Тихоокеанская железная дорога, выходящая затем на территорию мормонов; другие проходы лежат севернее или южнее.

Именно в один из таких каньонов и устремился «Альбатрос», умерив при этом свою скорость, чтобы не наткнуться на стенки ущелья. Искусный кормчий, твердая рука которого уверенно сжимала послушный руль, вел воздушный корабль, как ведут

*«...воздушный корабль начал свой
смелый перелет через Скалистые горы»*

первоклассное судно на состязаниях Королевского яхт-клуба. Это было поистине необыкновенное зрелище. И, несмотря на всю свою досаду, оба противника «аппаратов тяжелее воздуха» невольно восхищались совершенством воздушного корабля.

Меньше чем за два с половиной часа колоссальный горный хребет был преодолен, и «Альбатрос» вновь помчался с прежней скоростью — сто километров в час. Спустившись ниже, он летел теперь к юго-западу, готовясь пересечь наискось территорию штата Юта. Воздушный корабль уже снизился на несколько сот метров, когда внимание дядюшки Прудента и Фила Эванса привлекли какие-то свистки.

Их издавал поезд Тихоокеанской железной дороги, направлявшийся к городу Большого Соленого озера.

В это мгновение, послушный тайному приказу, «Альбатрос» снизился еще больше и полетел над мчавшимся на всех парах составом. Его тотчас же заметили. Несколько человек показались в дверцах вагонов. Затем многочисленные пассажиры высыпали на площадки, соединяющие вагоны в американских поездах. Некоторые даже не побоялись вскарабкаться на крыши, чтобы лучше разглядеть летательную машину. Воздух огласился криками «гип-гип, ура!»; но даже эти приветствия не заставили Робура показаться на палубе.

«Альбатрос» еще больше приблизился к земле, умерив скорость вращения подъемных винтов и

замедлив свой полет, чтобы не опередить поезда, который ему ничего не стоило обогнать. Он летел над составом, точно гигантский жук, но мог в любую минуту превратиться в огромную хищную птицу. Воздушный корабль отклонялся то вправо, то влево, устремлялся вперед, возвращался назад, а над ним гордо реяло черное полотнище с золотым солнечным диском посередине. Начальник поезда развернул в ответ украшенный тридцатью семью звездами флаг Американской Федерации.

Напрасно узники пытались воспользоваться удобным случаем и сообщить о том, что с ними произошло. Напрасно председатель Уэлдонского ученого общества кричал во все горло:

— Я — дядюшка Прудент из Филадельфии!

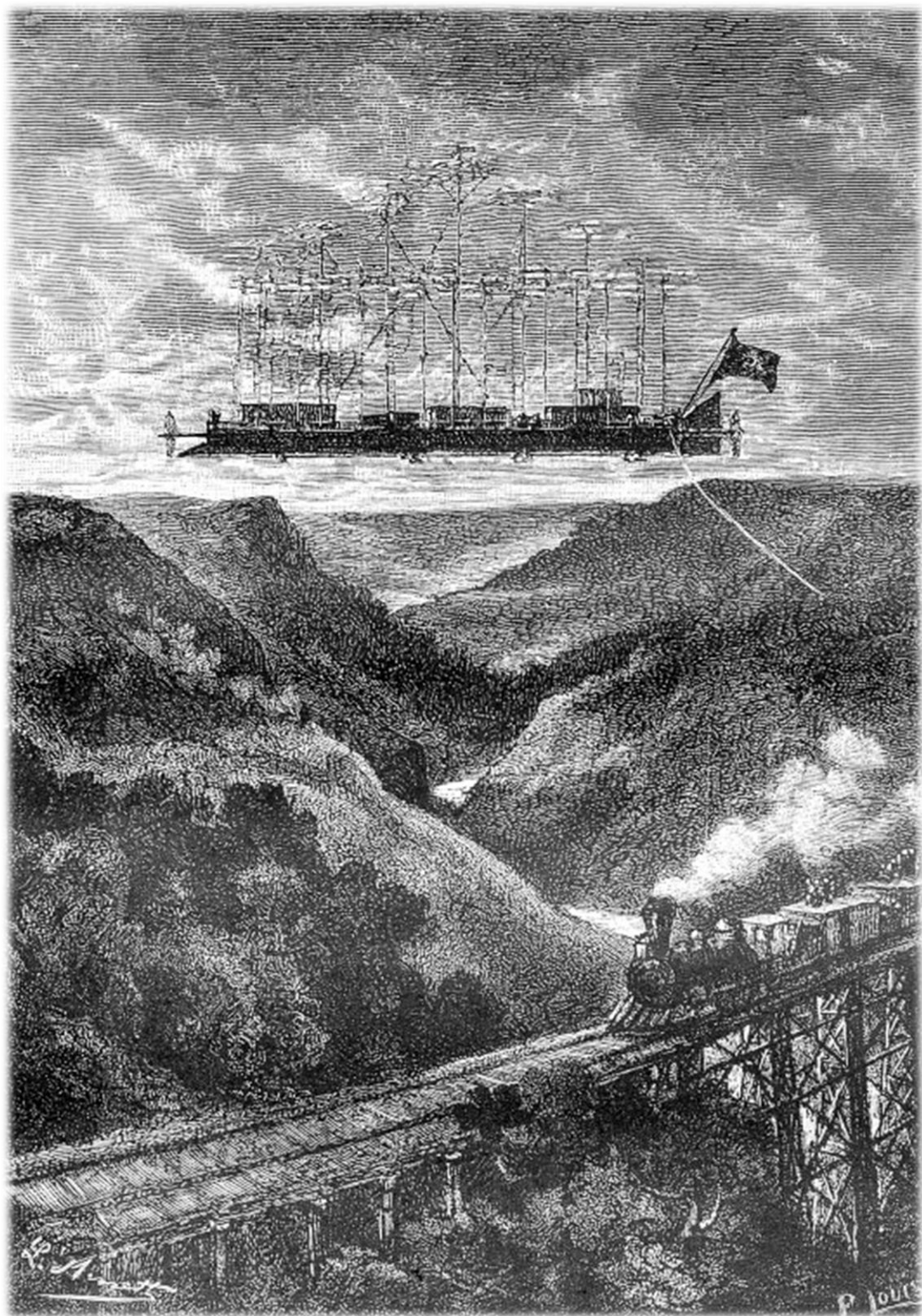
А секретарь общества вторил ему:

— Я — Фил Эванс, его коллега!

Их голоса тонули в громких криках «ура», которыми пассажиры поезда приветствовали полет «Альбатроса».

Но вот три или четыре члена экипажа воздушного корабля показались на палубе. Один из них, по примеру моряков, обгоняющих другое судно, показал поезду конец каната, в насмешку предлагая взять его на буксир.

И «Альбатрос» понесся вперед со своей обычной скоростью; в каких-нибудь полчаса он оставил экспресс далеко позади, и вскоре последний дымок паровоза растаял на горизонте.

«Один из них... показал поезду конец каната»

В час пополудни вдали показался огромный диск, который отбрасывал солнечные лучи, точно гигантский рефлектор.

— Это, должно быть, столица мормонов Солт-Лейк-Сити! — воскликнул дядюшка Прудент.

И в самом деле, под ними лежал город Большого Соленого озера, а сверкающий диск был круглым куполом храма, в котором с удобством располагались около десяти тысяч «святых» — мормонов. Подобно выпуклому зеркалу, купол отбрасывал солнечные лучи во всех направлениях.

Этот большой город, раскинувшийся у подножья Уосатчских гор, склоны которых до половины одеты кедрами и елями, стоит на берегу нового Иордана, несущего воды Юты в Большое Соленое озеро. С воздушного корабля он казался шашечной доской, на которую действительно походят многие американские города; но об этой шашечной доске можно было, пожалуй, сказать, что на ней «больше дамок, чем клеток», ибо, как известно, у мормонов процветает многоженство. Вокруг простирался хорошо обработанный, зеленеющий, богатый шерстью край, в котором стада овец насчитываются тысячами.

Но и самый город и окружающая местность промелькнули как тень, и «Альбатрос» стремительно понесся к юго-западу. Теперь быстрота его полета была весьма ощутима, ибо превышала скорость ветра.

Вскоре воздушный корабль уже летел над Невадой. Богатая серебром территория этого штата отделена от золотоносных земель Калифорнии только горами Сьерры.

— Бьюсь об заклад, — заявил Фил Эванс, — что мы еще до наступления ночи увидим огни Сан-Франциско!

— А что дальше?.. — спросил дядюшка Прудент.

В шесть часов вечера воздушный корабль пересек хребет Сьерры-Невады через ущелье Траки, по которому проходит полотно железной дороги. Оставалось преодолеть всего лишь триста километров, чтобы достичь если не Сан-Франциско, то уж во всяком случае столицы штата Калифорния — Сакраменто.

И такова была в то время скорость «Альбатроса», что не пробило еще и восьми часов, как на западе показался купол Капитолия, который вскоре исчез на противоположной стороне, небосклона.

В эту минуту на палубе показался Робур. Коллеги направились к нему.

— Инженер Робур, — начал дядюшка Прудент, — мы уже достигли западных пределов Америки! Не пора ли положить предел и вашей шутке?..

— Я никогда не шучу, — возразил Робур.

Он подал знак. «Альбатрос» устремился вниз с такой скоростью, что пассажирам пришлось спешно укрыться в рубках.

Не успела дверь каюты, захлопнуться, как дядюшка Прудент воскликнул:

— Еще секунда, и я бы его придушил!

— Нам надо бежать! — отозвался Фил Эванс.

— Да!.. Во что бы то ни стало!

Внезапно до них докатился протяжный гул.

Это был рокот морских валов, дробившихся о прибрежные скалы. Внизу лежал Тихий океан.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой «Альбатрос» преодолевает расстояние в десять тысяч километров и заканчивает перелет великолепным прыжком

Нядюшка Прудент и Фил Эванс окончательно решили бежать. Но почему они не отважились на открытую борьбу? Ведь смелое нападение могло бы сделать их господами положения на борту «Альбатроса» и позволило бы им вновь опуститься на землю в каком-нибудь пункте Соединенных Штатов. Нельзя, однако, забывать, что экипаж воздушного корабля состоял из восьми здоровенных мужчин, и надеяться одолеть их вдвоем — на Фриколина рассчитывать не приходилось — было бы чистейшим безумием! Итак, поскольку силу применить было невозможно, оставалось действовать хитростью, как только «Альбатрос» возвратится на землю. Именно это Фил Эванс и старался втолковать своему вспыльчивому спутнику, ибо все время опасался, как бы тот необдуманном поступком не осложнил их и без того трудного положения.

Но, так или иначе, время действовать еще не пришло. Воздушный корабль с огромной скоростью неся над северной частью Тихого океана. На следующее утро, 16 июня, земля совсем скрылась из виду. И так как американское побережье, начиная с острова Ванкувер и вплоть до группы Алеутских островов (части Северной Америки, которую Россия уступила Соединенным Штатам в 1867 году), образует вытянутую на северо-запад дугу, то было вполне вероятно, что «Альбатрос» вновь пересечет западный выступ этого побережья, если только направление его полета до тех пор не изменится.

Какими долгими казались теперь ночи обоим коллегам! Вот почему по утрам они торопились покинуть свою каюту. Однако, когда они в то утро вышли на палубу, оказалось, что заря давно уже позолотила восточную часть небосклона. Приближалось июньское солнцестояние — самый длинный день в году для всего Северного полушария, и на шестидесятой параллели в эту пору ночь почти не спускается на землю.

По своему обыкновению, а быть может, и намеренно, инженер Робур не спешил в тот день выйти из рубки. Появившись, наконец, на палубе, он ограничился тем, что молча поклонился своим гостям, повстречав их на корме воздушного корабля.

Тем временем отважился покинуть каюту и Фриколин. Он нерешительно подвигался вперед, как человек, ступающий по зыбкой почве. Глаза его покраснели от бессонницы, взор блуждал, ноги

подкашивались. Прежде всего он торопливо посмотрел вверх и вздохнул с облегчением: подъемные винты вращались равномерно и безостановочно.

Вслед за тем негр неверной походкой подошел к перилам и, чтобы не потерять равновесия, вцепился в них обеими руками. По всей видимости, ему тоже хотелось взглянуть на страну, над которой «Альбатрос» парил на высоте не более двухсот метров.

Фриколлин, должно быть, сильно осмелел, коль скоро решился подвергнуть такому риску свою особу. И, надо полагать, он весьма гордился собственной отвагой.

Сначала негр откинулся всем телом подальше от перил; затем потряс поручни, чтобы убедиться в их прочности; затем выпрямился; затем наклонился вперед и слегка перегнулся за борт. Нечего и говорить, что все эти гимнастические упражнения он проделывал зажимившись. Наконец он открыл глаза.

Какой вопль вырвался из его груди! Как стремительно отпрянул он от перил! И как глубоко втянул при этом голову в плечи!

Далеко внизу Фриколлин увидел безбрежный океан. Не будь волосы негра такими курчавыми, они, наверно, встали бы дыбом.

— Море!.. Море!.. — завопил он и грохнулся бы на палубу, если бы подоспевший повар не подхватил его.

Повар «Альбатроса» Франсуа Тапаж был француз, быть может гасконец. Если же он и не был гасконцем, то, должно быть, в детстве вдыхал воздух Гаронны. Каким образом Франсуа Тапаж оказался на службе у инженера? Какой случайности был он обязан тем, что стал членом экипажа воздушного корабля? Об этом ничего неизвестно. Так или иначе, этот весельчак болтал по-английски, как прирожденный янки.

— Эй, держись, держись! — воскликнул он, угощая негра сильным пинком в поясницу.

— Мистер Тапаж!.. — только и мог пролепетать бедняга, бросая отчаянные взгляды на винты.

— Что тебе, Фриколлин?

— Эта штука еще никогда не разбивалась?

— Нет! Но рано или поздно разобьется.

— Почему?.. Почему?..

— Потому что все приедается, все разбивается, все кончается, как говорят в наших краях.

— Но ведь под нами море!..

— Ну, коли падать, так уж лучше в море.

— Но тогда мы потонем!..

— Лучше уж потонуть, чем разлететься вдребезги! — отвечал Франсуа Тапаж, скандируя каждый слог.

Минуту спустя Фриколлин, извиваясь, как ящерица, проскользнул в свою каюту.

Весь этот день, 16 июня, воздушный корабль летел со средней скоростью. Держась лишь в сотне

футов от воды, он плавно скользил над залитой солнцем поверхностью словно дремавшего океана.

Дядюшка Прудент и его спутник оставались в каюте, не желая встречаться с Робуром, который, покуривая трубку, прогуливался по палубе то в одиночестве, то в обществе своего боцмана Тома Тэрнера. Подъемные винты вращались почти в два раза медленнее обычного, но и этого было достаточно, чтобы удерживать летательный аппарат в нижних слоях атмосферы.

Поэтому, если бы в той части Тихого океана водилось много рыбы, экипаж «Альбатроса» охотно занялся бы рыбной ловлей, которая не только нарушила бы однообразие путешествия, но и внесла разнообразие в ежедневный рацион. Однако на поверхности океана время от времени показывались лишь киты с желтым брюхом, достигающие двадцати пяти метров в длину. Это наиболее грозные представители породы китообразных, встречающиеся в северных морях. Китобои и те остерегаются нападать на них — так велика сила этих морских исполинов.

Однако, применив обычный гарпун или снаряд Флетчера, называемый также «бомба-дротик», которых имелось немало на борту воздушного корабля, можно было, не подвергаясь серьезной опасности, заняться охотой на кита.

Но кому нужно такое бесполезное убийство? И все же, видимо желая дать членам Уэлдонского ученого общества наглядное представление о

великолепных качествах «Альбатроса», Робур разрешил начать охоту на одно из этих громадных животных.

Заслышав возглас: «Кит! Кит!», дядюшка Прудент и Фил Эванс выбежали из каюты. Не показалось ли какое-нибудь китобойное судно?.. Они так жаждали вырваться из своей летающей тюрьмы, что, появившись на море корабль, готовы были кинуться в воду в надежде, что их подберет посланная за ними шлюпка.

Экипаж «Альбатроса» в полном составе уже построился на палубе. Все ждали.

— Ну что ж, приступим, мистер Робур? — спросил боцман Тэрнер.

— Хорошо, Том, — ответил инженер.

Механик и оба его помощника уже находились на своих постах в машинном отделении; по первому знаку Робура они готовы были повернуть воздушный корабль в любом направлении. Тем временем «Альбатрос» еще снизился и замер футах в пятидесяти над поверхностью океана.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс отметили про себя, что на морской глади не видно никаких признаков корабля и никакой земли, куда они могли бы добраться вплавь, если даже допустить, что Робур не стал бы их преследовать.

Несколько фонтанов пара и воды, выпущенных через дыхала китов, выдали присутствие животных, всплывших подышать на поверхность моря.

Том Тэрнер и его помощник стали на носу «Альбатроса». Рядом уже лежал наготове снаряд, состоявший из бомбы с дротиком; этими снарядами, изготавливаемыми в Калифорнии, стреляют из аркебузы. Они представляют собою металлический цилиндр, заканчивающийся небольшой бомбой, также цилиндрической формы, с гарпуном на конце.

Робур тоже расположился в носовой части. С того места, где обычно стоял вахтенный, он правой рукой подавал команду механикам, а левой — рулевому. Это позволяло инженеру управлять движением воздушного корабля в обеих плоскостях — горизонтальной и вертикальной — и во всех направлениях. Просто удивительно, с какой быстротой, с какой точностью летательный аппарат подчинялся его воле. Могло показаться, что «Альбатрос» — живое существо, душою которого является Робур.

— Кит!.. Кит!.. — вновь послышался возглас Тома Тэрнера.

В самом деле — в четырех кабельтовых от «Альбатроса» — на поверхности моря показалась спина кита.

Воздушный корабль понесся вперед, в погоню за гигантским животным, и остановился футов в шестидесяти от него.

Том Тэрнер приложил к плечу аркебузу, покоившуюся на специальной сошке, укрепленной в носовой части «Альбатроса». Раздался выстрел, и снаряд на длинном канате, прочно привязанном к

палубе, вонзился в кита. Наполненная взрывчатым веществом бомба разлетелась на куски, а заключенный в ней небольшой гарпун с двумя зубцами глубоко впился в тело животного.

— Внимание! — крикнул Том Тэрнер.

Как ни дурно были настроены дядюшка Прудент и Фил Эванс, они все же невольно заинтересовались этой охотой.

Тяжело раненный кит с такой силой ударил хвостом по поверхности моря, что вода фонтаном взметнулась вверх и обдала брызгами воздушный корабль. Затем он нырнул глубоко в воду, таща за собой канат, который быстро и ловко разматывал Том Тэрнер. Бухта каната была уложена в кадку с водой, чтобы не дать ему воспламениться от трения. Вскоре кит вновь появился на поверхности океана и с невероятной быстротой устремился к северу.

«Альбатрос», оказавшись таким образом на буксире, понесся вслед за китом, стараясь держаться с ним на одной линии. Гребные винты были остановлены, и животному до поры до времени не мешали делать, что оно хочет. Том Тэрнер готов был немедленно обрубить канат, если бы кит вновь нырнул в море, что было опасно для воздушного корабля.

За полчаса исполинское животное протащило «Альбатрос» на целых шесть миль, но чувствовалось, что кит начинает слабеть.

Тогда по знаку Робура помощники механика дали задний ход, и гребные винты стали оказывать

сопротивление киту, который был вынужден мало-помалу приблизиться к «Альбатросу».

Теперь воздушный корабль парил всего лишь в двадцати пяти футах над животным. Кит все еще неистово бил хвостом по воде. Переворачиваясь со спины на брюхо, он поднимал огромную волну.

Вдруг кит принял почти вертикальное положение и так стремительно стал уходить под воду, что Том Тэрнер с трудом поспевал разматывать канат.

В одно мгновение воздушный корабль оказался над самой поверхностью океана. Там, где исчезло животное, возник настоящий водоворот. Мощный вал морской воды обрушился на носовую часть «Альбатроса», как бывает, когда корабль движется против ветра и волн.

По счастью, Том Тэрнер ударом топора тут же перерубил канат. Освободившись от буксира, «Альбатрос», подъемные винты которого работали в полную силу, взмыл метров на двести вверх.

Надо заметить, что все это время Робур с редким хладнокровием управлял летательным аппаратом.

Через несколько минут кит вновь появился на поверхности — на этот раз уже мертвый. Морские птицы, слетевшись со всех сторон, набросились на его труп, испуская крики, способные оглушить даже парламент.

«Альбатрос», которому его добыча была ни к чему, продолжал свой полет на запад.

На следующий день, 17 июня, часов в шесть утра, на горизонте появились очертания какой-то

*«...воздушный корабль оказался
над самой поверхностью океана»*

земли. Перед воздушным кораблем лежали полуостров Аляска и растянутая цепь скалистых Алеутских островов.

«Альбатрос» быстро оставил за собой «этот сухопутный барьер, который кишмя кишит моржами; здесь их бьют алеуты для Русско-Американской компании. Что за великолепный промысел — охота на этих животных с рыжей шерстью, достигающих шести-семи футов в длину, при весе от трехсот до пятисот фунтов! Нескончаемые ряды моржей, словно приведенное в боевую готовность многотысячное войско, тянулись вдоль всего побережья.

При появлении «Альбатроса» животные даже не пошевелились. Этого нельзя сказать о нырках и черноголовых гагарах, которые оглашали хриплыми криками водные просторы и испуганно скрывались под водою, точно им угрожало какое-то ужасное воздушное чудовище.

Путь в две тысячи километров над Беринговым морем, от первых Алеутских островов до крайнего мыса Камчатки, был преодолен за двадцать четыре часа. Все это время обстоятельства не позволяли дядюшке Пруденту и Филу Эвансу привести в исполнение свой план побега. На этих пустынных берегах Восточной Азии, как и на просторах Охотского моря, любая попытка бегства была обречена на неудачу. «Альбатрос», по всей видимости, направлялся к побережью Японии или Китая. Хотя, пожалуй, было бы не слишком

благоразумно доверяться гостеприимству китайцев или японцев, узники все же решили бежать, если только воздушный корабль сделает остановку в одной из этих стран.

Но остановится ли он? Ведь «Альбатрос» не похож ни на птицу, которая в конце концов устает от продолжительного полета, ни на воздушный шар, который из-за недостатка газа вынужден возвращаться на землю, — у него есть все необходимое еще на много недель, а его прочным машинам и винтам не угрожают ни поломки, ни повреждения.

Восемнадцатого июня воздушный корабль совершил прыжок над полуостровом Камчатка; внизу промелькнули Ключевская сопка и едва различимые строения Петропавловска. Затем последовал второй прыжок над Охотским морем, приблизительно на широте Курильских островов, которые образуют естественную плотину, пересеченную сотнями небольших каналов. Девятнадцатого утром «Альбатрос» достиг пролива Лаперуза, расположенного между северной частью Японии и островом Сахалин; затем он пересек узкий рукав, в который впадает великая сибирская река Амур.

В тот день землю окутал необычайно густой туман, и, спасаясь от него, воздушный корабль устремился в верхние слои атмосферы. Он поднялся над этими клубами испарений не для того, чтобы сохранить безопасность полета: на такой высоте

«Альбатросу» нечего было опасаться никаких препятствий — ни высоких сооружений, на которые он рисковал бы налететь, ни гор, о которые он мог бы разбиться. К тому же внизу тянулись лишь невысокие холмы. Однако водяные пары были весьма неприятны: от них все отсырело бы на борту.

Воздушный корабль без всякого труда преодолел плотный слой тумана, толщиной от трехсот до четырехсот метров, только его подъемные винты завертелись быстрее, и вскоре «Альбатрос» вновь оказался в залитых солнечными лучами небесных просторах.

В таких условиях дядюшке Пруденту и Филу Эвансу нелегко было бы осуществить свой план побега, если бы им даже и удалось покинуть борт воздушного корабля.

В тот день Робур, проходя мимо них, на мгновение остановился и с самым безразличным видом заговорил:

— Господа, паровое или парусное судно, попавшее в полосу тумана, из которого оно не может выйти, всегда испытывает серьезные трудности. Оно движется вслепую, все время оглашая воздух свистками и гудками. Ему приходится уменьшать ход, но, несмотря на все меры предосторожности, судну каждый миг угрожает опасность столкновения. «Альбатросу» неведомы эти тревоги. Что ему туманы, если он без труда может покинуть их зону? Пространство, безмерное пространство всецело принадлежит ему!

Высказав это, инженер безмятежно продолжал свою прогулку, даже не дожидаясь ответа, на который он, видимо, и не рассчитывал; клубы дыма, поднимавшиеся из его трубки, медленно таяли в небесной лазури.

— Дядюшка Прудент, — негромко заметил Фил Эванс, — похоже, что этому удивительному «Альбатросу» все нипочем!

— Ну, это мы еще увидим! — отвечал председатель Уэддонского ученого общества.

Туман с упорством, достойным лучшего применения, преследовал воздушный корабль целых три дня — 19, 20 и 21 июня. «Альбатросу» пришлось подняться еще выше, чтобы не налететь на японский вулкан Фудзияму. А когда пелена тумана, наконец, рассеялась, внизу показался огромный город с дворцами, виллами, охотничьими домиками, садами и парками. Даже не видя этого города, его легко было узнать по лаю несметного множества собак, крику хищных птиц и, главное, по трупному запаху, которым тела казненных отравляли воздух.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс находились на палубе в ту минуту, когда инженер по этому ориентиру намечал курс «Альбатроса» на случай, если бы пришлось продолжать путь в тумане.

— Господа, — заявил он, — у меня нет никаких причин скрывать от вас, что мы находимся над столицей Японии — Иеддо.

Дядюшка Прудент ничего не ответил. В присутствии инженера он буквально задыхался от негодования, словно ему не хватало воздуха.

— Вид на Иеддо, — продолжал Робур, — поистине очень любопытен.

— Как-бы он ни был любопытен... — возразил Фил Эванс.

— Он не идет ни в какое сравнение с видом на Пекин? — подхватил инженер. — Я того же мнения, и вы довольно скоро получите возможность судить об этом сами.

Ну, можно ли быть учтивее?!

«Альбатрос», который до тех пор летел на юго-восток, переменил теперь свое направление на четыре румба и стал прокладывать себе новый путь прямо на запад.

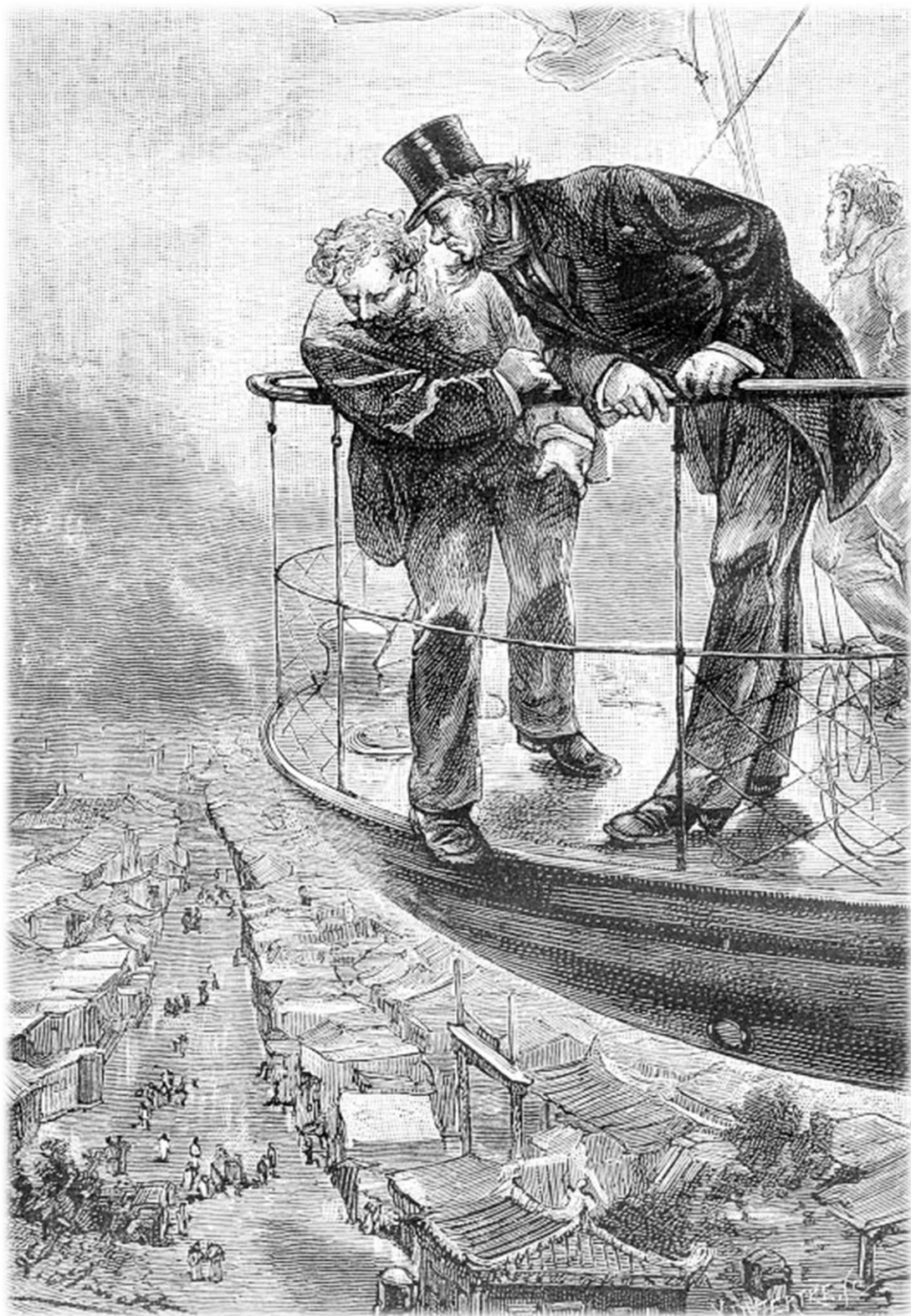
За ночь туман растаял. Но утром появились признаки близкого тайфуна: барометр быстро падал, водяные пары исчезли, зато образовались огромные тучи эллипсовидной формы, словно приклеенные к медной тверди небес; на противоположной стороне потемневшего горизонта отчетливо выступили длинные полосы темно-красного цвета, лишь на севере виднелся большой совсем чистый участок неба; море лежало недвижно и тихо, но воды его приняли на закате мрачный темно-багровый оттенок.

По счастью, тайфун разразился немного южнее, и это привело к тому, что стусившиеся за последние дни туманы рассеялись.

За какой-нибудь час «Альбатрос» пересек двухсоткилометровую ширь Корейского пролива, а затем и острый выступ одноименного полуострова. И в то время как тайфун бесновался у юго-восточного побережья Китая, воздушный корабль парил над водами Желтого моря, а 22 и 23 июня — над заливом Петше-Ли; двадцать четвертого он пролетел над долиной Байхэ и достиг наконец столицы Небесной империи.

Перегнувшись через перила палубы, дядюшка Прудент и Фил Эванс, как и предсказывал инженер, могли ясно разглядеть этот огромный город, разделенный стеною на две части — маньчжурскую и китайскую, все его двенадцать предместий, сходящиеся к центру просторные бульвары, храмы, желтые и зеленые крыши которых купались в то утро в лучах восходящего солнца, и парки, окружающие дворцы мандаринов; в маньчжурской части Пекина, на площади в шестьсот шестьдесят восемь гектаров, раскинулся Желтый город с его пагодами, императорскими садами, искусственными озерами и угольной горою, господствующей над столицей; наконец в центре Желтого города — словно один квадрат китайской головоломки, втиснутый в другой, — высился Красный город, иными словами, императорский дворец, поражающий воображение причудами своей неправдоподобной архитектуры.

В это мгновение воздух под «Альбатросом» наполнился какими-то необъяснимыми звуками: казалось, вокруг поют золотые арфы. В небе парила

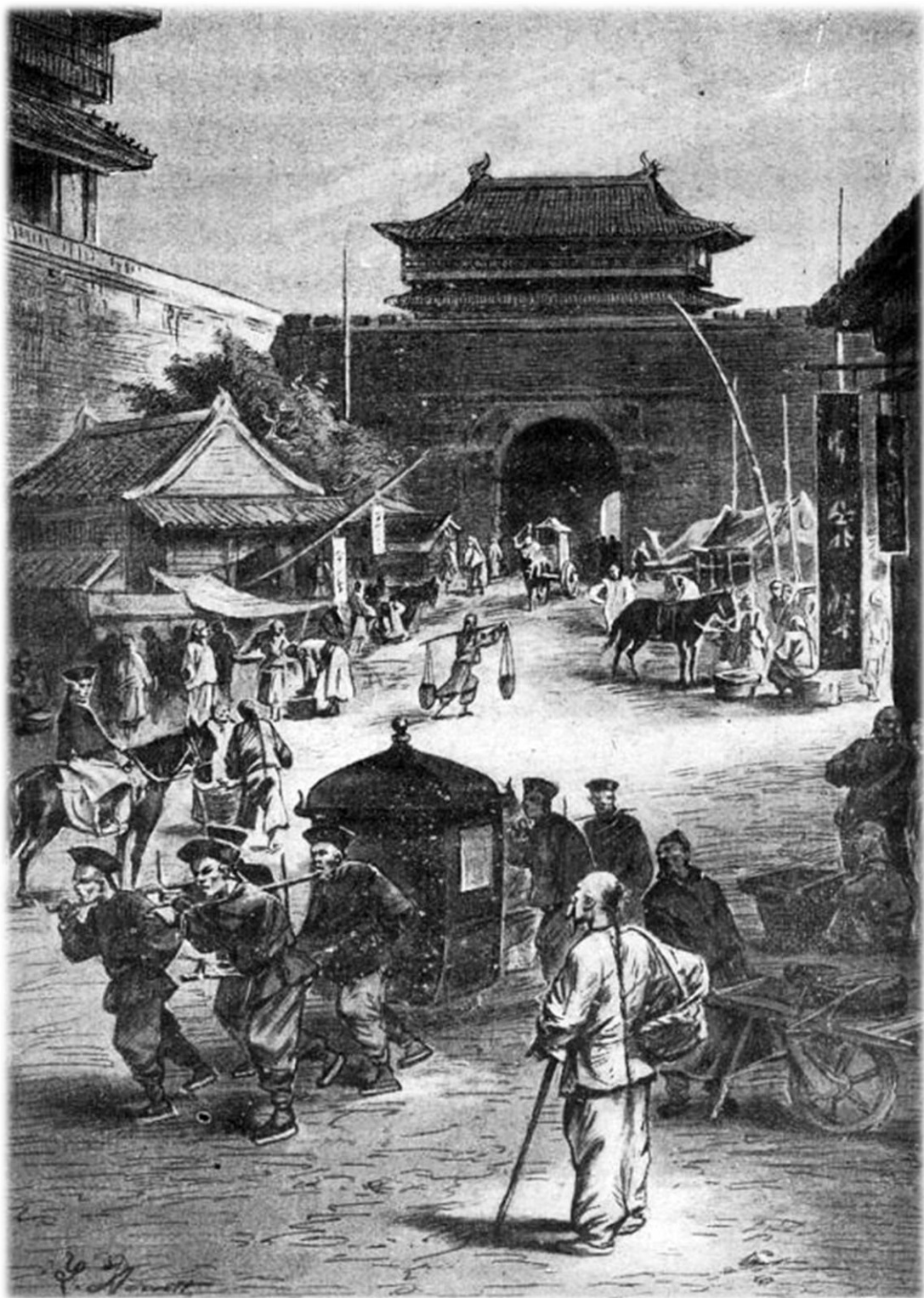
«Перегнувшись через перила палубы, дядюшка Прудент и Фил Эванс... могли ясно разглядеть этот огромный город»

добрая сотня воздушных змеев различной формы, сделанных из пальмовых листьев или листьев пандануса; в их верхней части были укреплены легкие деревянные луки с натянутыми на них тонкими пластинками из бамбука. Под дуновением ветра они пели на все лады, напоминая своими меланхолическими звуками перемены гармонии. Казалось, вдыхая воздух, вы с кислородом вдыхаете музыку!

Робуру пришла в голову причуда приблизиться к этому небесному оркестру, и «Альбатрос» медленно окунулся в звуковые волны, которые воздушные змеи посылали в пространство.

Появление воздушного корабля произвело необыкновенное впечатление на собравшихся внизу многочисленных обитателей Пекина. Оглушительные звуки там-тама и других ужасных инструментов китайского оркестра, тысячи ружейных залпов, сотни выстрелов из мортир — все было пущено в ход, чтобы отогнать воздушный корабль. Если китайские астрономы и догадались в тот день, что летательная машина была именно тем движущимся телом, появление которого породило в мире столько споров, то миллионы жителей Небесной империи — от простого лодочника до самого чванливого мандарина — сочли ее апокалиптическим чудовищем, неизвестно как появившимся в подвластных Будде небесах.

Экипаж неприступного «Альбатроса» не обращал никакого внимания на эти враждебные действия.

Пекин

Тем временем веревки, за которые воздушные змеи были привязаны к кольям, вбитым в императорских садах, либо обрезали, либо поскорей притянули к земле. Некоторые летающие игрушки с громким пением быстро спустились вниз, другие стремительно упали, точно сраженные свинцом птицы, чья песня обрывается вместе с последним дыханием.

И тогда над столицей разнеслись грозные звуки трубы Тома Тэрнера, покрывая-последние ноты воздушного концерта.

Однако это не прекратило стрельбы. Когда один из снарядов разорвался в нескольких десятках футов от «Альбатроса», воздушный корабль взмыл в недостижимые слои атмосферы.

Как прошли следующие дни? За все это время пленникам ни разу не представился подходящий случай, которым они могли бы воспользоваться. В каком направлении двигался «Альбатрос»? Неизменно на юго-запад, что говорило о намерении Робура приблизиться к Индостану. Между тем рельеф местности все время повышался, и воздушному кораблю приходилось непрерывно набирать высоту. Часов через десять после того, как он оставил за собой Пекин, взорам дядюшки Прудента и Фила Эванса предстала проходящая вблизи провинции Шэньси Великая стена. Затем, обойдя горы Лунь, «Альбатрос» пересек долину реки Хуанхэ и перелетел границу Китайской империи в районе Тибета.

Тибет — высокое нагорье, почти полностью лишенное растительности; здесь чередуются снежные вершины, высохшие овраги, питаемые ледниками потоки, низины с блестящими на солнце соляными пластами, обрамленные зелеными лесами озера. И надо всем этим вечно дует ветер, ледяной ветер.

Барометр, упавший до 450 миллиметров, указывал теперь на высоту свыше четырех тысяч метров над уровнем моря. На этой высоте температура, хотя дело происходило в самые жаркие для Северного полушария месяцы, не поднималась выше нуля. Такое похолодание при быстром полете «Альбатроса» делало пребывание на палубе почти невозможным. Поэтому, хотя к услугам обоих коллег и были теплые пледы, они предпочли удалиться в каюту.

Вполне понятно, что подъемным винтам «Альбатроса» приходилось работать с максимальной скоростью, чтобы удерживать его в сильно разреженной атмосфере. Но они работали великолепно, и их вибрирующие лопасти как будто укачивали пассажиров воздушного корабля.

В тот день жители Гартока, центра провинции Гари-Корсум в Западном Тибете, видели, как над ними пролетел «Альбатрос», который с земли казался не больше обыкновенного почтового голубя.

Двадцать седьмого июня дядюшка Прудент и Фил Эванс заметили рассекавший небо гигантский горный барьер, над которым господствовало

несколько высоких пиков, затерянных среди снегов. Оба они стояли прислонившись к передней рубке, — так легче было переносить быстрое движение воздушного корабля, — и смотрели на колоссальные громады, казалось, бежавшие навстречу «Альбатросу».

— Это, очевидно, Гималаи, — заметил Фил Эванс, — Робур, по всей вероятности, не рискнет перелететь в Индию и направит свой корабль вдоль их отрогов.

— Тем хуже! — ответил дядюшка Прудент. — На огромной территории Индии мы, пожалуй. Могли бы...

— Если только он не вздумает обойти эту горную систему с востока — над Бирмой — или с запада — над Непалом.

— Так или иначе, бьюсь об заклад, что он не отважится пересечь Гималаи!

— Вы в этом уверены?! — отозвался чей-то голос.

На следующий день, 28 июня, «Альбатрос» уже находился над провинцией Занг, расположенной перед самым горным массивом. По другую сторону Гималаев лежало княжество Непал.

Если приближаться к Индии с севера, путь к ней преграждают три параллельных горных хребта. Два северных хребта, между которыми скользил в то время «Альбатрос», как корабль между огромными подводными рифами, представляют собою первые ступени этого гигантского барьера, возвышающегося в Центральной Азии. Сначала тянется горная цепь

Куэнь-Лунь, а за нею — Каракорум; они окаймляют долину, идущую вдоль Гималаев почти параллельно линии вершин, которые образуют водораздел между бассейнами Инда, на западе, и Брахмапутры, на востоке.

Что за величественная горная система! Она насчитывает более двухсот уже измеренных вершин, из которых семнадцать поднимаются выше, чем на двадцать пять тысяч футов над уровнем моря. Перед «Альбатросом» вздымалась гора Эверест высотой в восемь тысяч восемьсот сорок метров. Направо виднелась гора Даулагири, достигающая восьми тысяч двухсот метров, налево — гора Канченджонга, возносящаяся на восемь тысяч пятьсот девяносто два метра; после недавних измерений высоты Эвереста обе эти каменные громады уже не считаются больше самыми высокими на земле.

Очевидно, Робур не собирался лететь над этими вершинами; он несомненно знал, что в Гималаях существуют различные перевалы, и среди них — на высоте шести тысяч восьмисот метров — перевал Иби-Гамен, который братья Шлагинтвейт пересекли в 1856 году; и инженер решительно устремился туда.

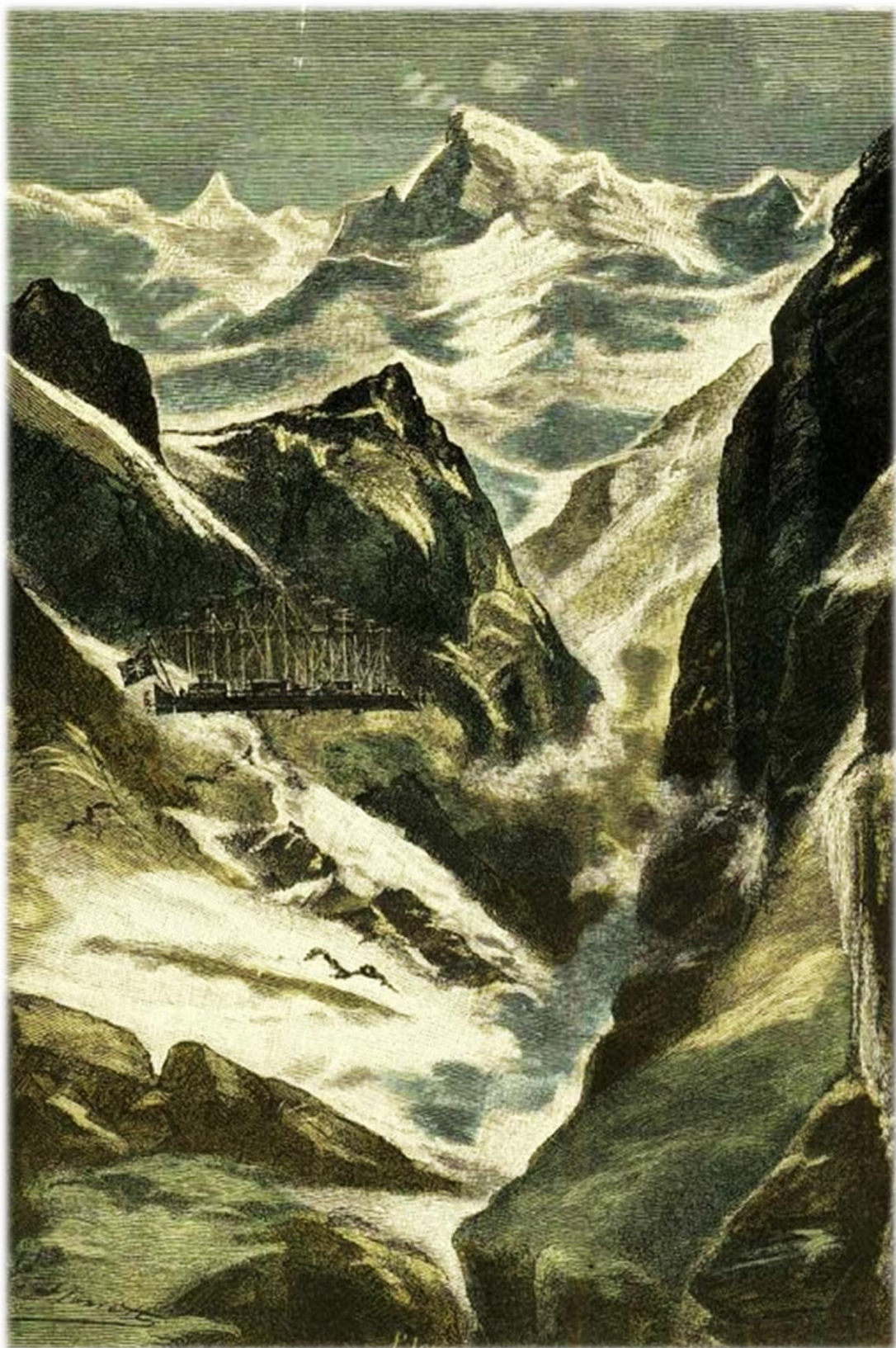
Наступило несколько тревожных, можно сказать, даже тягостных часов. Правда, воздух был не настолько разрежен, чтобы пополнять его кислородом с помощью специальных аппаратов, но холод был весьма ощутим.

Робур все время находился на носу «Альбатроса» и уверенно вел воздушный корабль вперед; его

мужественное лицо было скрыто под капюшоном плаща. Том Тэрнер стоял у руля. Механик внимательно наблюдал за работой батарей: к счастью, наполнявшая их кислота: не страшилась мороза. Винты, вращавшиеся с головокружительной быстротой, издавали пронзительный свист, который все усиливался несмотря на уменьшение плотности воздуха. Барометр упал до 290 миллиметров, что указывало на высоту в семь тысяч метров.

Какое великолепное хаотическое нагромождение гор окружало воздушный корабль! Всюду — белоснежные вершины. Нигде не видно озер: вместо них ледники, спускающиеся на десять тысяч футов. Никакой травы, одни лишь редкие явнобрачные растения, доходящие до последней границы растительной жизни. Никаких сосен и кедров, которыми так богаты нижние склоны хребтов, покрытые густыми лесами. Ни гигантских папоротников, ни бесконечных лиан, оплетающих стволы деревьев в непроходимых джунглях. Никаких животных — ни диких лошадей, ни яков, ни тибетских быков: лишь изредка мелькнет заблудившаяся в горах серна. Никаких птиц, если не считать нескольких ворон, которые отваживаются залетать в самые верхние слои атмосферы.

Наконец перевал был преодолен, и «Альбатрос» стал постепенно снижаться. Вскоре он миновал полосу лесов, и теперь под ним, насколько хватал взор, расстиралась бесконечная гладь полей.

*«Какое великолепное хаотическое нагромождение гор
около воздушный корабль!»*

В эту минуту Робур приблизился к своим гостям и самым любезным тоном произнес:

— Индия, господа!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

из которой читатель узнает, как и почему
слуха Фриколлин оказался на буксире

Инженер Робур не имел ни малейшего желания вести свой летательный аппарат над чудесными долинами Индостана. Пересечь Гималаи, чтобы показать, каким великолепным средством воздушного сообщения он обладает, убедить даже тех, кто не хотел поддаваться убеждениям, — вот, собственно, все, чего он добивался. Однако значит ли это, что «Альбатрос» был совершенством, если даже допустить, что в нашем мире можно достигнуть совершенства? Предоставим судить об этом самому читателю.

Во всяком случае, если в глубине души дядюшка Прудент и его коллега и восхищались замечательным аппаратом для воздушных сообщений, то они и виду не подавали. Прежде всего они искали случая бежать. Их даже не занимали изумительные картины природы, проносившиеся перед глазами, когда «Альбатрос» пролетал над живописными рубежами Пенджаба.

У подножья Гималаев растянулась целая полоса болотистых мест, над которыми поднимаются

вредоносные испарения — область Тераи, где распространена особая местная форма лихорадки. Но это нисколько не тревожило экипаж воздушного корабля, ибо не могло нанести ущерб здоровью людей. «Альбатрос» не спеша направлялся к выступу, который образует Индия на границе с Туркестаном и Китаем. Ранним утром 29 июня перед пассажирами воздушного корабля появилась неповторимая в своей прелести долина Кашмира.

Да, поистине неповторимо это длинное ущелье, образуемое Большими и Малыми Гималаями! Изборозженное сотнями небольших отрогов, которые, отходя от гигантского горного массива и постепенно снижаясь, тянутся вплоть до бассейна Гидаспа¹³, оно орошается водами этой прихотливо бегущей реки, на берегах которой столкнулись армии Пора и Александра в те времена, когда Греция и Индия сошлись в жестокой схватке в самом сердце Азии. Она все так же течет и в наши дни, эта река Гидасп, тогда как два города, основанные великим Македонцем в память об одержанной им победе, бесследно исчезли, так что невозможно даже обнаружить место, где они некогда красовались.

В то утро «Альбатрос» пролетал над Сринагаром, более известным под именем Кашмира. Дядюшка Прудент и его спутник увидели прекрасный город, раскинувшийся по обоим берегам реки: натянутые, точно струны, деревянные мосты, охотничьи домики

¹³ Ныне р. Джелам.

с резными балконами, аллеи, обсаженные стройными тополями, обложенные дерном крыши, похожие на небольшие пригорки, многочисленные каналы, по которым сновали лодки, напоминавшие сверху ореховые скорлупки, с перевозчиками не больше муравьев, дворцы, храмы, беседки, мечети, бунгало, построенные в городских предместьях, — весь этот пестрый ансамбль, повторенный своим отражением в воде; немного поодаль виднелась крепость Гари-Парвата, воздвигнутая на вершине холма, подобно самому грозному из парижских укреплений, воздвигнутому на вершине Мон-Валерьен.

— Будь мы в Европе, — заметил Фил Эванс, — этот город можно было бы принять за Венецию.

— Будь мы в Европе, — подхватил дядюшка Прудент, — мы быстро сумели бы отыскать путь в Америку!

«Альбатрос» не стал задерживаться над озером, через которое протекают воды Гидаспа, и продолжал свой полет над речной долиной.

Около получаса он оставался неподвижным в каких-нибудь десяти метрах над поверхностью реки. С помощью резинового рукава, опущенного с палубы, Том Тэрнер и его люди занялись пополнением запаса воды, которую накачивал насос, приводившийся в действие током от аккумуляторов.

Наблюдая за этой работой, дядюшка Прудент и Фил Эванс быстро переглянулись. Одна и та же мысль блеснула у них в голове. Всего несколько метров отделяло их от поверхности Гидаспа. До

берега было недалеко, а оба были превосходными пловцами. Стоило им только нырнуть поглубже и поплыть под водою, — и они оказались бы на свободе! Робуру не удалось бы вновь захватить их; ведь для того, чтобы гребные винты «Альбатроса» могли вращаться, он должен был лететь не ниже, чем в двух метрах над поверхностью воды.

Все это с быстротой молнии пронеслось в их мозгу. Все шансы «за и против» были мгновенно взвешены, и пленники разом бросились к борту «Альбатроса», но несколько пар рук крепко схватили их за плечи.

Оказывается, за ними следили. Бежать было невозможно.

Однако на сей раз узники не захотели уступить без борьбы. Они попытались оттолкнуть тех, кто их удерживал. Но члены экипажа «Альбатроса» были дюжими молодцами!

— Господа, — спокойно заявил инженер, — те, кто имеет удовольствие путешествовать в обществе человека, которого вы сами так удачно назвали Робуром-Завоевателем, не покидают его великолепный воздушный корабль таким образом... на английский манер! Я сказал бы даже, что его вообще не покидают!

Фил Эванс поспешил увести с палубы своего коллегу, иначе тот решился бы, пожалуй, на какой-нибудь безрассудный поступок. Возвратившись в каюту, оба поклялись бежать во что бы то ни стало, даже с опасностью для жизни.

«Все шансы «за и против» были мгновенно взвешены...»

«Альбатрос» теперь вновь летел на запад. В тот день, двигаясь со средней скоростью, он миновал территорию Кабулистана, столица которого мгновенно промелькнула под ним, и пересек границу королевства Герат, расположенного на расстоянии тысячи ста километров от Кашмира.

Эти области до сих пор служат предметом ожесточенного соперничества, ибо через них Россия может проложить себе путь к британским владениям в Индии; с палубы воздушного корабля можно было различить внизу скопление людей, колонны, обозы — словом, все, что образует людской состав и материальную часть армии на марше. С земли доносились пушечные выстрелы и ружейная пальба. Однако инженер никогда не вмешивался в чужие дела, кроме тех случаев, когда он считал это вопросом чести или гуманности. И «Альбатрос» пролетел мимо. Если Герат, как принято выражаться, действительно ключ к Центральной Азии, то Робуру было совершенно безразлично, в чей карман — британский или московский — он попадет. Дела земные больше не занимали отважного человека, который превратил в свое владение воздушное пространство.

Впрочем, земля вскоре скрылась под настоящим песчаным ураганом, как это нередко случается в тех местах. Ветер — здешние жители называют его «теббад» — разносит вокруг микробы лихорадки, поднимая их с земли вместе с невесомыми

частицами песка. И множество караванов погибает в этих смертоносных вихрях.

Чтобы спастись от песчаной пыли, угрожавшей повредить его зубчатые передачи, воздушный корабль поднялся в более безопасную зону, на высоту в две тысячи метров.

Таким образом граница Персии и ее обширные долины оказались скрытыми от пассажиров «Альбатроса». Скорость его движения была тогда очень невелика, хотя ему не приходилось опасаться никаких препятствий. В самом деле, если на карте здесь и отмечено несколько гор, то они достигают лишь небольшой высоты. Однако по мере приближения к столице Персии следовало остерегаться горы Демавенд, чья покрытая вечными снегами вершина вздымается почти на шесть тысяч шестьсот метров, а затем и всей горной цепи Эльбурс, у подножья которой раскинулся Тегеран.

На рассвете 2 июля из песчаного самума выступили очертания Демавенда.

«Альбатрос» направил свой путь к городу, скрытому в тучах тончайшей пыли.

Часам к десяти утра уже можно было различить широкие рвы, опоясывающие городские укрепления, и расположенный в центре дворец шаха, со стенами, покрытыми плитами фаянса, и водоемами, как будто высеченными в огромных глыбах бирюзы ослепительно голубого цвета.

Но вот Тегеран растаял вдали, точно мимолетное видение. С этого пункта «Альбатрос» изменил свой

курс и теперь двигался почти прямо на север. Через несколько часов он уже находился над небольшим городком, построенным у северного угла русско-персидской границы, на берегу большого водного бассейна, берегов которого не было видно ни на севере, ни на востоке.

Это был порт Ашур-аде, самый южный пограничный русский город. А водный бассейн оказался морем — Каспийским морем.

Здесь уже не наблюдалось песчаных вихрей. Пассажиры «Альбатроса» увидели под собой группу построек европейского типа, расположенных вдоль мыса, с возвышавшейся над ними колокольней.

Воздушный корабль снизился над Каспийским морем, воды которого лежат на триста футов ниже уровня океана. Весь вечер он летел над побережьем — некогда туркестанским, а в то время уже русским, — которое тянется к Балканскому заливу, а на следующий день, 3 июля, вновь парил в сотне метров над Каспийским морем.

Никакой суши на горизонте — ни со стороны Азии, ни со стороны Европы. На поверхности моря — лишь несколько наполненных ветром белых парусов. То были туземные суда, которые легко узнать по их очертаниям: кесеbei — двухмачтовые бриги, каюки — старинные пиратские одномачтовые суда, теймилы — простые сторожевые или рыбачьи лодки. До «Альбатроса» то и дело долетали клубы дыма, извергаемые трубами пароходов, которые

Россия содержит в Ашураде для полицейской службы в тамошних водах.

В то утро Том Тэрнер в разговоре с поваром Франсуа Тапажем сказал:

— Да, мы пробудем около двух суток над Каспийским морем.

— Отлично, — отозвался повар. — Значит, сможем поудить рыбу?..

— Совершенно верно!

Уж если на перелет над Каспийским морем, которое занимает шестьсот двадцать пять километров в длину и двести километров в ширину, было решено затратить свыше сорока часов, понятно, что «Альбатрос» должен был лететь с весьма умеренной скоростью, а в часы рыбной ловли и вовсе стоять на месте.

Слова Тома Тэрнера услышал Фил Эванс, который находился на носу воздушного корабля.

Уже несколько минут Фриколлин упорно надоедал ему нескончаемыми жалобами, умоляя уговорить дядюшку Прудента, чтобы тот распорядился «спустить своего слугу на землю».

Пропустив мимо ушей эту нелепую просьбу, Фил Эванс возвратился на корму, к своему коллеге. Там, приняв все меры предосторожности, чтобы их не подслушали, он передал ему разговор боцмана и повара.

— Фил Эванс, — сказал в ответ дядюшка Прудент, — я полагаю, у вас не осталось никаких

иллюзий относительно намерений этого негодяя на наш счет?

— Никаких, — подтвердил Фил Эванс. — Он возвратит нам свободу, когда ему заблагорассудится, если вообще когда-нибудь возвратит!

— В таком случае надо пойти на все, только бы покинуть «Альбатрос»!

— Откровенно говоря, превосходный летательный аппарат!

— Возможно! — нехотя отозвался дядюшка Прудент. — Но аппарат этот принадлежит проходимцу, который держит нас в плену без всякого на то права. Этот «Альбатрос» таит в себе и для нас и для наших сторонников постоянную опасность. И если нам не удастся его разрушить...

— Подумаем сначала о собственном спасении!.. — заметил Фил Эванс. — А там видно будет!

— Ладно! — отвечал дядюшка Прудент. — И воспользуемся первым же подходящим случаем. Надо полагать, Робур, перелетев Каспийское море, захочет затем пересечь Европу; поэтому он направится либо на север — в Россию, либо на запад — в южно-европейские страны. Так вот! В каком бы пункте мы ни опустились на землю, вплоть до самого Атлантического океана, везде нам обеспечено спасение. Значит, мы все время должны быть наготове.

— Однако, — как же мы сможем бежать?

— Слушайте внимательно. Случается, что ночью «Альбатрос» парит всего лишь в нескольких сотнях футов над землей. А так как на борту есть несколько канатов такой длины, то, при некоторой отваге, с их помощью можно спуститься...

— Вы правы, — отозвался Фил Эванс, — и как только представится случай, я не колеблясь...

— Я тоже, — подхватил дядюшка Прудент. — Заметьте еще, что ночью на палубе бодрствует лишь рулевой, стоящий на корме. Один из этих канатов лежит в носовой части «Альбатроса», и, надо надеяться, мы сумеем размотать его так осторожно, что никто не увидит и не услышит...

— Прекрасно, — сказал Фил Эванс. — Я с удовлетворением замечаю, дядюшка Прудент, что вы стали куда хладнокровнее. Это особенно важно сейчас, когда нам предстоит действовать. Однако ведь мы теперь над Каспийским морем; под нами снуют многочисленные суда; «Альбатрос» вскоре снизится и не двинется с места до тех пор, пока не закончится рыбная ловля... Почему бы нам не воспользоваться этим?..

— Э! Да ведь за нами следят даже тогда, когда мы об этом и не подозреваем, — с досадой отвечал дядюшка Прудент. — Вы и сами могли в том убедиться, когда мы пытались спрыгнуть в воды Гидаспа.

— А кто знает, не следят ли за нами и по ночам? — возразил Фил Эванс.

— И, однако, пора со всем этим покончить! — вспыхнул дядюшка Прудент. — Да! Пора покончить и с самим «Альбатросом» и с его владельцем!

Читатель видит, что в порыве гнева узники — особенно дядюшка Прудент — способны были на самый отчаянный поступок, который, быть может, поставил бы под угрозу даже их собственную жизнь.

Чувство полной беспомощности, насмешливое презрение, которое выказывал им Робур, его резкие ответы — все это обостряло обстановку, становившуюся день ото дня все более напряженной.

В то утро новое происшествие привело к весьма прискорбному столкновению между Робуром и обоими коллегами, причем Фриколлин, сам того не подозревая, оказался его виновником.

При виде расстилавшегося внизу безбрежного моря трусишка до смерти перепугался. Словно ребенок, негр принялся вопить и протестовать, ломать руки и гримасничать.

— Я хочу домой!.. Я хочу домой!.. — причитал он. — Ведь я не птица! Я не создан, чтобы летать! Я хочу, чтобы меня высадили на землю... сейчас же!..

Нечего и говорить, что дядюшка Прудент даже не думал успокаивать Фриколина; скорее наоборот. И в конце концов эти вопли вывели Робур а из терпения.

Том Тэрнер и его люди уже собирались приступить к рыбной ловле, и, чтобы избавиться от Фриколина, инженер распорядился запереть его в

рубку. Но и там негр продолжал бесноваться, колотить в дверь и кричать во все горло.

Был полдень. «Альбатрос» держался всего в пяти или шести метрах от поверхности воды. Несколько суденышек, испуганных его появлением, пустились наутек. И вскоре эта часть Каспийского моря совершенно опустела.

Читатель, конечно, понимает, что в таких условиях, когда узникам достаточно было нырнуть в воду, чтобы спастись бегством, за ними должны были следить — и действительно следили — особенно тщательно. Пусть бы им даже удалось спрыгнуть с палубы, — их тотчас же вновь захватили бы с помощью резиновой лодки, имевшейся на борту «Альбатроса». Так что им пришлось смириться и ждать. Фил Эванс решил присутствовать при рыбной ловле, в то время как дядюшка Прудент, все еще пребывавший в состоянии бешенства, удалился в свою каюту.

Как известно, Каспийское море образовалось вследствие вулканического сжатия почвы. В этот огромный водоем впадает несколько больших рек: Волга, Урал, Кура, Кума, Эмба и другие. Если бы не испарения, которые избавляют от излишней воды эту огромную впадину площадью в семнадцать тысяч квадратных лье при средней глубине от шестидесяти до четырехсот футов, — Каспийское море затопило бы свои низкие и болотистые берега на севере и востоке. Хотя эта гигантская лохань и не сообщается ни с Черным, ни с Аральским морями,

уровень воды в которых значительно выше, в ней тем не менее водится очень много рыбы — разумеется, такой, которая легко переносит воду Каспийского моря, чей горький привкус объясняется примесью нефти, выбрасываемой источниками, расположенными в его южной части.

Предвкушая разнообразие, которое рыба внесет в ежедневный рацион, экипаж «Альбатроса» с явным удовольствием готовился к предстоящей ловле.

— Внимание! — закричал Том Тэрнер, вонзив гарпун в огромную рыбу, чем-то напоминавшую акулу.

То была великолепная белуга длиной в семь футов, принадлежавшая к семейству осетровых, икру которой, смешанную с солью, уксусом и белым вином, употребляют в пищу. Быть может, осетры, выловленные в реках, и вкуснее морских, но и эта добыча боцмана встретила радушный прием на борту «Альбатроса».

Надо сказать, что особенно богатый улов принесли сети: в них попало множество карпов, лещей, лососей и щук, которые водятся в морской воде, а главное, несметное количество стерляди средних размеров. Такую стерлядь доставляют живьем из Астрахани в Москву и Петербург для стола богатых гурманов. Пойманная в тот день стерлядь сразу попадала из своей родной стихии в кухонные котлы «Альбатроса», без дополнительных затрат на перевозку.

Члены экипажа весело тянули сеть, которую воздушный корабль перед тем тащил по морю на протяжении нескольких миль. Гасконец Франсуа Тапаж¹⁴ буквально вопил от удовольствия, оправдывая тем самым свою фамилию. За какой-нибудь час все садки воздушного корабля были наполнены рыбой, и «Альбатрос» вновь устремился на север.

Все это время Фриколлин не переставая кричал и колотил в стенки своей каюты, словом, продолжал невыносимо шуметь.

— Этот чертов негр, видно, никогда не уймется! — воскликнул окончательно вышедший из себя Робур.

— Мне думается, сударь, у него есть все основания жаловаться! — заметил Фил Эванс.

— Да, так же как у меня есть все основания избавить свой слух от терзаний! — возразил Робур.

— Инженер Робур!.. — вмешался появившийся на палубе дядюшка Прудент.

— Председатель Уэлдонского ученого общества?!

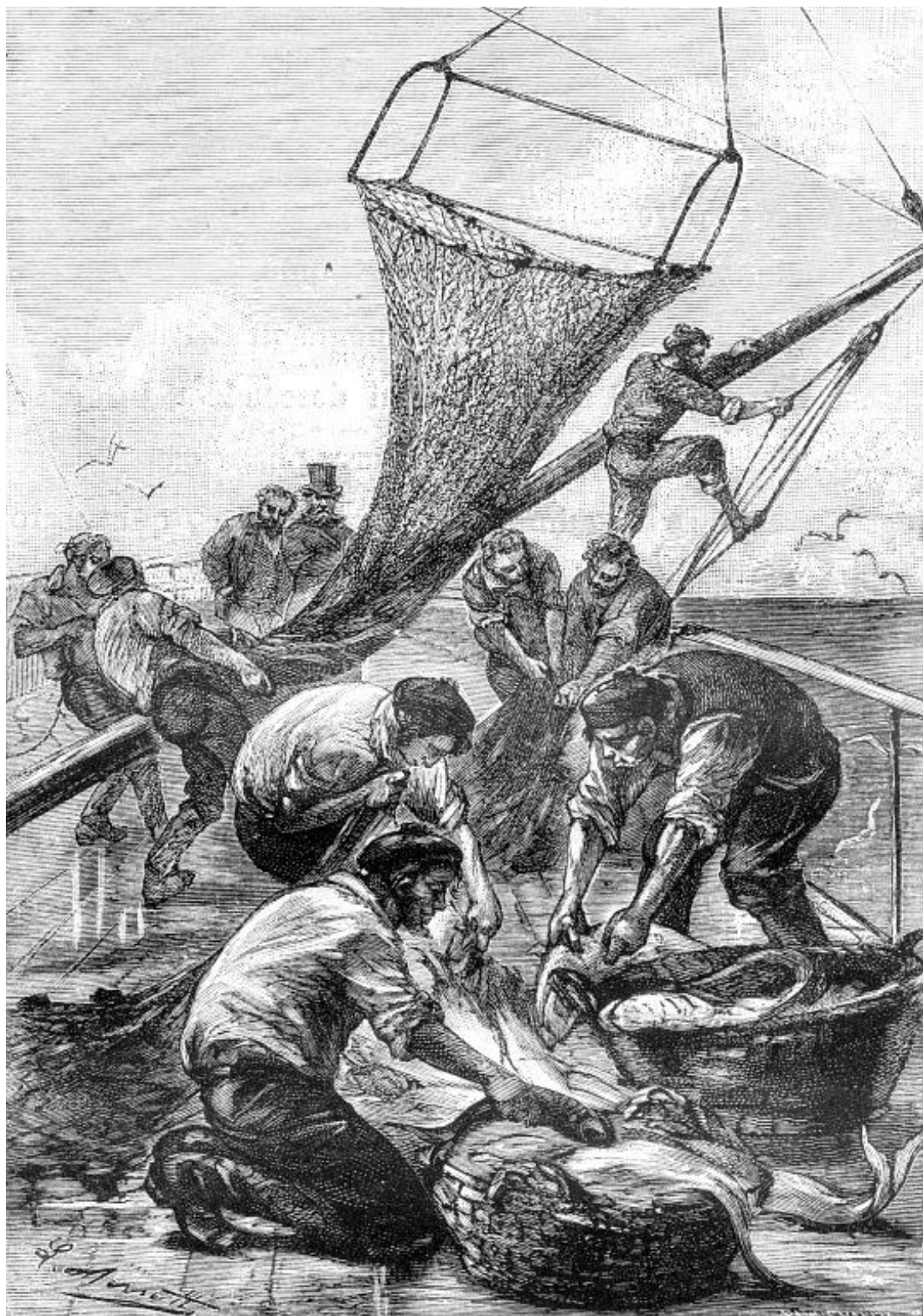
Враги приблизились друг к другу. Их взоры скрестились.

Помедлив, Робур пожал плечами и приказал:

— На канат его!

Том Тэрнер понял инженера. Фриколлина вытащили из каюты.

¹⁴ Tarage — шум, крик (фр.).

«Члены экипажа весело тянули сеть»

Как он кричал, когда боцман и один из членов экипажа схватили его и втиснули в корзину, которую прочно привязали к концу каната!

То был как раз один из тех канатов, каким дядюшка Прудент, как уже знает читатель, хотел воспользоваться в своих целях.

Сначала Фриколин подумал, что его собираются повесить... На самом же деле его собирались всего лишь подвесить!

Канат быстро размотали футов на сто в длину, и негр повис в пустоте.

Теперь он мог вопить сколько его душе угодно. Но от испуга у него перехватило дыхание, и несчастный совсем онемел.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс хотели воспротивиться этой экзекуции, но их оттолкнули.

— Это низость!.. Это подлость!.. — выкрикивал дядюшка Прудент вне себя от гнева.

— Вы полагаете? — отвечал Робур.

— Вы злоупотребляете силой, и я буду протестовать против этого не только словесно!

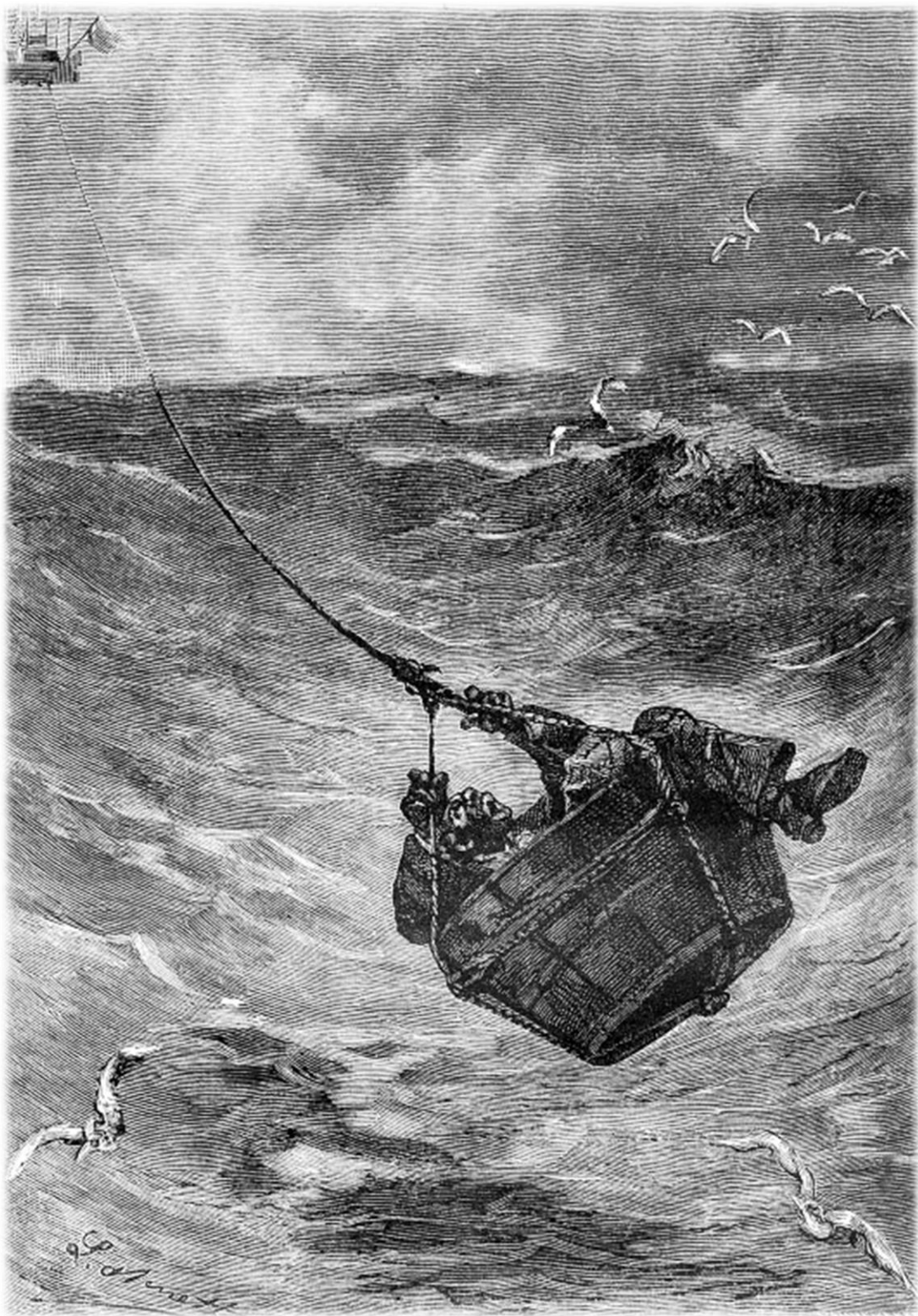
— Протестуйте, пожалуйста!

— Я отомщу, инженер Робур!

— Мстите себе на здоровье, председатель Уэлдонского ученого общества!

— Я отомщу и вам и вашим людям!

Члены экипажа «Альбатроса» приблизились с явно враждебными намерениями, Робур сделал им знак удалиться.

*«Канат быстро размотали футов на сто в длину,
и негр повис в пустоте»*

— Да!.. Я отомщу и вам и вашим людям!.. — повторял дядюшка Прудент, которого Фил Эванс безуспешно старался успокоить.

— Когда вам будет угодно! — ответил инженер.

— И всеми доступными мне средствами!

— Довольно! — крикнул Робур угрожающим тоном. — Ведь на борту есть и другие канаты, и господину недолго последовать за слугой!

Дядюшка Прудент умолк, но не из страха, а потому, что у него начался такой приступ удушья, что Фил Эванс поспешил увести его в каюту.

Между тем за последний час погода неожиданно переменилась. На небе появились признаки, в характере которых ошибиться было невозможно: приближалась гроза. Насыщенность атмосферы электричеством была необычайно велика, и около половины третьего Робур стал свидетелем явления, которого он еще никогда не наблюдал.

На севере, откуда надвигалась гроза, клубились какие-то светящиеся завитки тумана; это несомненно происходило от того, что грозовые тучи были в разной степени заряжены электричеством.

Отражение этих пылающих полос рождало на поверхности моря мириады движущихся бликов, которые становились тем ярче, чем сильнее темнело небо.

«Альбатрос» должен был вскоре встретиться с грозой, ибо они двигались навстречу друг другу.

А что же Фриколлин? Фриколлин все еще находился на буксире; буксир тут, пожалуй, самое

подходящее слово, ибо воздушный корабль несясь вперед со скоростью ста километров в час, и висевшая на канате корзина отставала от него и тянулась позади.

Пусть читатель сам судит об испуге, охватившем Фриколина, когда молнии начали прорезать тучи вокруг него, а раскаты грома, казалось, грозили обрушить небосвод.

Все члены экипажа готовились встретить грозу во всеоружии: надо было либо подняться над грозовой зоной, либо уйти от нее, устремившись в нижние слои атмосферы.

«Альбатрос» летел на своей обычной высоте — около тысячи метров, — когда раздался громовой удар неслыханной силы. Внезапно налетел шквал. И в то же мгновение полыхающие огнем тучи двинулись на воздушный корабль.

Фил Эванс счел нужным вновь вступить за Фриколина и потребовать, чтобы его вернули на борт.

Но Робур уже сам распорядился вытащить негра на палубу, и несколько человек дружно тянули канат. Вдруг, по какой-то необъяснимой причине, скорость вращения подъемных винтов «Альбатроса» заметно уменьшилась.

Инженер одним прыжком очутился возле центральной рубки.

— Полный ход!.. Быстрее!.. — закричал он механику. — Надо немедленно подняться над грозой!

— Невозможно, мистер Робур!

— Что произошло?

— Ток прерывается!.. Батареи работают с перебоями!..

И действительно, «Альбатрос» быстро снижался.

Подобно тому как это бывает во время грозы с током, бегущим по телеграфным проводам, прохождение тока в аккумуляторах воздушного корабля нарушилось. Но то, что является лишь досадной помехой, когда речь идет о депешах, таило грозную опасность для «Альбатроса»: он мог рухнуть в море, ибо управлять им становилось почти невозможно.

— Пусть снижается! — закричал Робур. — Так мы скорее выйдем из полосы, насыщенной электричеством! Держитесь, друзья, и сохраняйте присутствие духа!

Инженер занял свое место на носу корабля. Весь экипаж также стоял на своих постах и приготовился выполнять распоряжения командира.

Хотя «Альбатрос» снизился уже на несколько сот футов, он все еще не вышел из грозowych туч, и вокруг него сверкали молнии, перекрещиваясь, точно бенгальские огни. Можно было опасаться, что одна из них испепелит воздушный корабль. Винты его вращались все медленнее, и быстрый спуск грозил превратиться в головокружительное падение.

Всем было ясно, что не пройдет и минуты, как «Альбатрос» погрузится в море. А если он окажется в воде, ему уже никакими силами не вырваться из морской пучины!

Внезапно над воздушным кораблем появилось наэлектризованное облако. «Альбатрос» находился теперь всего лишь в шестидесяти футах над гребнями волн. Еще две-три секунды — и они затопят палубу!..

Но тут Робур, улучив момент, кинулся к центральной рубке, ухватился за пусковые рычаги и включил ток от батарей, которые больше не нейтрализовались напряжением электрического поля окружающей атмосферы... В одно мгновение ток возвратил винтам их обычную скорость, и «Альбатрос» остановился над самой поверхностью моря. И вот уже гребные винты уносили воздушный корабль подальше от грозы, которую он вскоре оставил позади.

Незачем говорить, что Фриколлину пришлось принять вынужденную ванну, продолжавшуюся, правда, всего несколько секунд. Однако, когда его вытащили на борт, он был такой мокрый, как будто побывал на дне морском. Разумеется, бедняга больше не кричал.

На следующий день, 4 июля, «Альбатрос» пересек северную границу Каспийского моря.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ, в которой знек дядюшки Прудента возрастает пропорционально квадрату скорости воздушного корабля

сли когда-нибудь дядюшке Пруденту и Филу Эвансу надо было отказаться от всякой надежды на побег, то именно в последовавшие за описанными событиями пятьдесят часов. Боялся ли Робур, что во время перелета над Европой охранять узников будет особенно трудно? Пожалуй. К тому же ему было известно, что они пойдут на все, лишь бы бежать.

Между тем любая попытка покинуть борт воздушного корабля была в тех условиях равносильна самоубийству. Когда человек соскакивает с поезда, идущего со скоростью ста километров в час, он рискует жизнью, но когда он прыгает с экспресса, несущегося со скоростью двухсот километров, — он идет на верную смерть.

А ведь именно с этой максимальной для него скоростью и летел тогда «Альбатрос». Она превосходила быстроту полета ласточки, равную ста восьмидесяти километрам в час.

Надо заметить, что почти все время дули северо-восточные ветры, благоприятные для воздушного корабля, который двигался в том же направлении — то есть, как правило, на запад. Но мало-помалу ветры эти начали стихать, и вскоре пребывание на палубе сделалось почти невозможным: от быстроты полета захватывало дыхание. Однажды обоих пассажиров чуть не снесло за борт, но, к счастью, давлением воздуха их притиснуло к рубке.

Хорошо, что рулевой заметил это из своей стеклянной будки я предупредил электрическим звонком своих товарищей, находившихся в рубке на носу.

Тотчас же четыре человека ползком пробрались на корму.

Пусть те, кто плавал в бурю на корабле, идущем против ветра, припомнят свои ощущения, и они поймут, какой страшной силы может достигнуть встречный поток воздуха. Только теперь давление воздуха создавалось не ветром, а неимоверной скоростью самого «Альбатроса».

В конце концов пришлось замедлить ход воздушного корабля, чтобы позволить дядюшке Пруденту и Филу Эвансу добраться до каюты. Как и говорил инженер во время полета, в рубках «Альбатроса» сохранялась вполне пригодная для дыхания атмосфера.

Какой же прочностью должен был обладать летательный аппарат, выдерживавший такую скорость! Это походило на чудо. Гребные винты,

помещавшиеся на носу и корме «Альбатроса», вращались с такой быстротой, что казались неподвижными. А между тем они с невероятной силой врезались в воздух.

Последним городом, замеченным в этих краях с борта воздушного корабля, была Астрахань, расположенная в самой северной части Каспийского моря.

Звезда пустыни — как назвал Астрахань, вероятно, какой-нибудь русский поэт — из светила первой величины ныне превратилась в светило пятой или даже шестой величины. Теперь Астрахань — всего лишь заурядный губернский город, расположенный в низовьях Волги неподалеку от ее устья, достигающего двух километров в ширину. Под воздушным кораблем промелькнули старинные стены, увенчанные ныне уже бесполезными зубцами, древние башни, возвышающиеся в центре города, мечети, соседствующие с церквями, построенными в современном стиле, и, наконец, собор с пятью позолоченными и усеянными синими звездами куполами, казалось, высеченными прямо в небе.

Начиная с этого места полет «Альбатроса» превратился в какую-то головокружительную скачку в небесном пространстве; можно было подумать, что в него впряжены легендарные гиппогрифы, преодолевавшие одним взмахом крыльев целое лье.

Часов в десять утра 4 июля воздушный корабль повернул на северо-запад и полетел над долиной Волги. Донские и уральские степи бежали по обеим

сторонам реки. Взгляд пассажиров скользил по этим безбрежным просторам, едва успевая заметить разбросанные здесь и там города и селенья. Наконец с наступлением вечера показалась Москва, и «Альбатрос» пролетел над нею, даже не отдав салюта флагу, реявшему над Кремлем. За десять часов он преодолел две тысячи километров, отделяющие Астрахань от древней столицы России.

Путь от Москвы до Петербурга занял всего несколько часов, и «Альбатрос», точности которого мог бы позавидовать экспресс, достиг Петербурга и берегов Невы к двум часам утра. Белая ночь, царившая на этой высокой широте, которую так ненадолго покидает июньское солнце, позволила путешественникам окинуть беглым взглядом архитектурный ансамбль огромной русской столицы.

Затем позади остались Финский залив, архипелаг Або, Балтийское море, Швеция, которую «Альбатрос» пересек на широте Стокгольма, и Норвегия, над которой он пролетел на широте Христиании¹⁵. Он «проглотил» эти две тысячи километров всего лишь за десять часов! Право, можно было подумать, что никаким силам человеческим не остановить отныне бег «Альбатроса»: казалось, равнодействующая силы тяги воздушного корабля и силы земного притяжения заставляет его двигаться по неизменной траектории вокруг земного шара.

¹⁵ Сейчас Осло.

И все же он остановился — как раз над знаменитым водопадом Рьюканфо, в Норвегии. На западе, точно гигантский пограничный барьер, который ему не дано было преодолеть, высилась громада Густы, вершина которой господствует над чудесной областью Телемарк.

Отсюда «Альбатрос», не уменьшая скорости, направился прямо на юг.

А что делал во время этого необычайного перелета Фриколлин? Он молча забрался в свою каюту и все время — от завтрака до обеда и от обеда до ужина — спал без просыпу.

Франсуа Тапаж, который разделял с ним трапезы, частенько потешался над страхами Фриколлина.

— Э-э, мой мальчик! — приговаривал он. — Ты, значит, больше не кричишь?!. Чего ты стесняешься?.. Подумаешь, великое дело — повисел бы еще часок-другой на канате!.. Только и всего!.. Зато при нашей теперешней скорости какая это была бы прекрасная воздушная ванна от ревматизма!

— Мне кажется, что эта штука вот-вот разлетится на куски! — причитал Фриколлин.

— Все может быть, мой храбрый Фри! Однако мы мчимся с такой быстротой, что даже не сможем упасть!.. И это, право, утешительно!

— Вы так думаете?

— Слово гасконца!

Франсуа Тапаж, конечно, преувеличивал. Но благодаря быстроте полета воздушного корабля

вращение его подъемных винтов в самом деле несколько замедлилось, и «Альбатрос» скользил по воздуху, точно ракета Конгрива.

— И это еще долго будет продолжаться? — не раз спрашивал Фриколлин.

— Долго?.. О нет! — отзывался повар. — Всю нашу жизнь, не дольше!

— Ох! — горестно вздыхал негр и принимался стонать.

— Берегись, Фри, берегись! — восклицал тогда Франсуа Тапаж. — Не то, как говорят в наших краях, тебя живо отправят на качели.

И Фриколлин, уплетая за обе щеки вкусную еду, проглатывал с нею и свои вздохи.

Между тем дядюшка Прудент и Фил Эванс, не принадлежавшие к числу людей, склонных предаваться бессмысленным жалобам, пришли к определенному решению. Очевидно, всякая попытка бежать была пока что обречена на неудачу. Однако если пленники и не могли возвратиться на землю, то разве нельзя хотя бы поставить в известность обитателей земного шара о том, что с ними произошло после их исчезновения, кто их похитил и что представлял собою воздушный корабль, на борту которого они находились. Быть может, тогда единомышленники отважатся на дерзкую попытку вырвать пленников из рук Робура?

Но каким образом, великий боже, подать о себе весть? Письмом?.. А как его отправить? Моряки, терпящие бедствие, закупоривают в бутылку

документ, указав в нем место кораблекрушения, и бросают бутылку в море. Не поступить ли так же?

Но в данном случае морем служила земная атмосфера. Плавать в ней бутылка не может. Хорошо еще, если она свалится прямо на какого-нибудь прохожего — и при этом не проломит ему череп, — в противном случае ее могут вообще никогда не найти.

Но так или иначе, а иного средства узникам не оставалось, и они уже решили было принести в жертву одну из имевшихся на борту бутылок, как вдруг дядюшку Прудента осенила новая мысль. Читатель помнит, что он нюхал табак, и этот небольшой порок вполне простителен, особенно если речь идет об американце, который мог бы делать вещи и похуже. И вот, как всякий человек, нюхающий табак, дядюшка Прудент не расставался с табакеркой; эта алюминиевая коробочка в то время была пуста. Если выбросить табакерку за борт, ее, возможно, найдет какой-нибудь почтенный обыватель; он, конечно, подберет ее и отнесет в полицейский участок, где и ознакомятся с документом, сообщающим о положении, в котором оказались обе жертвы Робура-Завоевателя.

Сказано — сделано. Записка была короткой, но в ней было изложено все самое существенное и указывался адрес Уэлдонского ученого общества с просьбой переслать записку по назначению.

Затем дядюшка Прудент вложил письмо в табакерку, которую он обернул плотной шерстяной тряпкой и крепко перевязал, чтобы она не

раскрылась в воздухе и не разбилась при падении на землю. Теперь оставалось только дожждаться удобного случая.

Надо сказать, что во время этого стремительного перелета над Европой всякая попытка выйти из рубки и проползти по палубе — да к тому же еще незаметно — была связана с опасностью вывалиться за борт. К тому же нельзя было допустить, чтобы табакерка упала в море, залив, озеро или какую-нибудь реку: попади она в воду, она навсегда была бы потеряна.

Однако все же оставалась надежда, что узникам удастся войти таким образом в сношения с обитаемым миром.

В дневные часы осуществить этот план было особенно трудно. Куда разумнее дожждаться наступления ночи и воспользоваться либо уменьшением скорости, либо остановкой «Альбатроса» для того, чтобы выйти из рубки. Быть может, тогда удастся благополучно добраться до борта и незаметно уронить драгоценную табакерку над каким-нибудь городом.

Впрочем, если бы обстоятельства и благоприятствовали пленникам, им все равно не удалось бы привести свой план в исполнение — по крайней мере в тот день.

В самом деле, оставив за собой территорию Норвегии на широте Густы, «Альбатрос» взял курс на юг. Он летел над Европой вдоль нулевого меридиана, на котором расположен Париж. Следуя в этом

направлении, он пересек Северное море, вызвав вполне понятное замешательство на борту множества кораблей, совершающих плавание между берегами Англии, Голландии, Франции и Бельгии. Если бы брошенная вниз табакерка не угодила прямо на палубу одного из этих судов, она, без всякого сомнения, пошла бы ко дну.

Вот почему нашим коллегам пришлось дожидаться более подходящего момента. Впрочем, как увидит читатель, вскоре им должен был представиться великолепный случай.

В десять часов вечера «Альбатрос» приблизился к берегам Франции примерно над Дюнкерком. Ночь была довольно темная. На мгновение электрический луч с маяка Гри-Нэ, расположенного на одном берегу пролива Па-де-Кале, скрестился с огнями дуврского маяка, расположенного по другую сторону этого пролива. Затем «Альбатрос» полетел над Францией, все время держась на высоте около тысячи метров.

Скорость его нисколько не уменьшилась. Он проносился, словно снаряд, над городами, городками и селениями, столь многочисленными в этих богатых провинциях Северной Франции. То были расположенные на одном меридиане с Парижем Дюнкерк, затем Дуллан, Амьен, Крей, Сен-Дени. Ничто не могло заставить воздушный корабль отклониться от прямой линии. И к полуночи он оказался над «Городом света», который вполне заслужил право на это название, ибо он залит светом

даже тогда, когда его обитатели спят или по крайней мере должны спать!

По какой необъяснимой причуде решил инженер сделать остановку над самым центром Парижа? Трудно сказать. Но как бы то ни было, «Альбатрос» снизился и парил теперь всего лишь в нескольких сотнях футов над городом. Робур вышел из своей каюты, и вслед за ним весь экипаж воздушного корабля высыпал на палубу подышать воздухом ночного Парижа.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс твердо решили не пропустить представившегося им великолепного случая. Выйдя из своей рубки, они отошли подальше от остальных и теперь выжидали подходящей минуты, стараясь не привлекать к себе внимания.

«Альбатрос», напоминавший гигантского жука, плавно скользил над великим городом. Он пролетел над линией бульваров, ярко освещенных в эти ночные часы фонарями Эдисона. До палубы долетал шум экипажей, еще разъезжавших по улицам, и грохот поездов, спешивших в Париж по многочисленным железнодорожным путям. Затем воздушный корабль медленно поплыл на уровне самых высоких сооружений города, словно собираясь коснуться купола Пантеона или креста Дома инвалидов. Миновав оба шпиля Трокадеро, он приблизился к металлической башне на Марсовом поле, чей мощный рефлектор заливал всю столицу электрическим светом.

«...„Альбатрос“, без сомнения, был ясно виден с земли...»

Эта воздушная прогулка, походившая на блуждания лунатика, продолжалась около часа. Казалось, «Альбатрос» отдыхает перед тем, как снова пуститься в далекий путь.

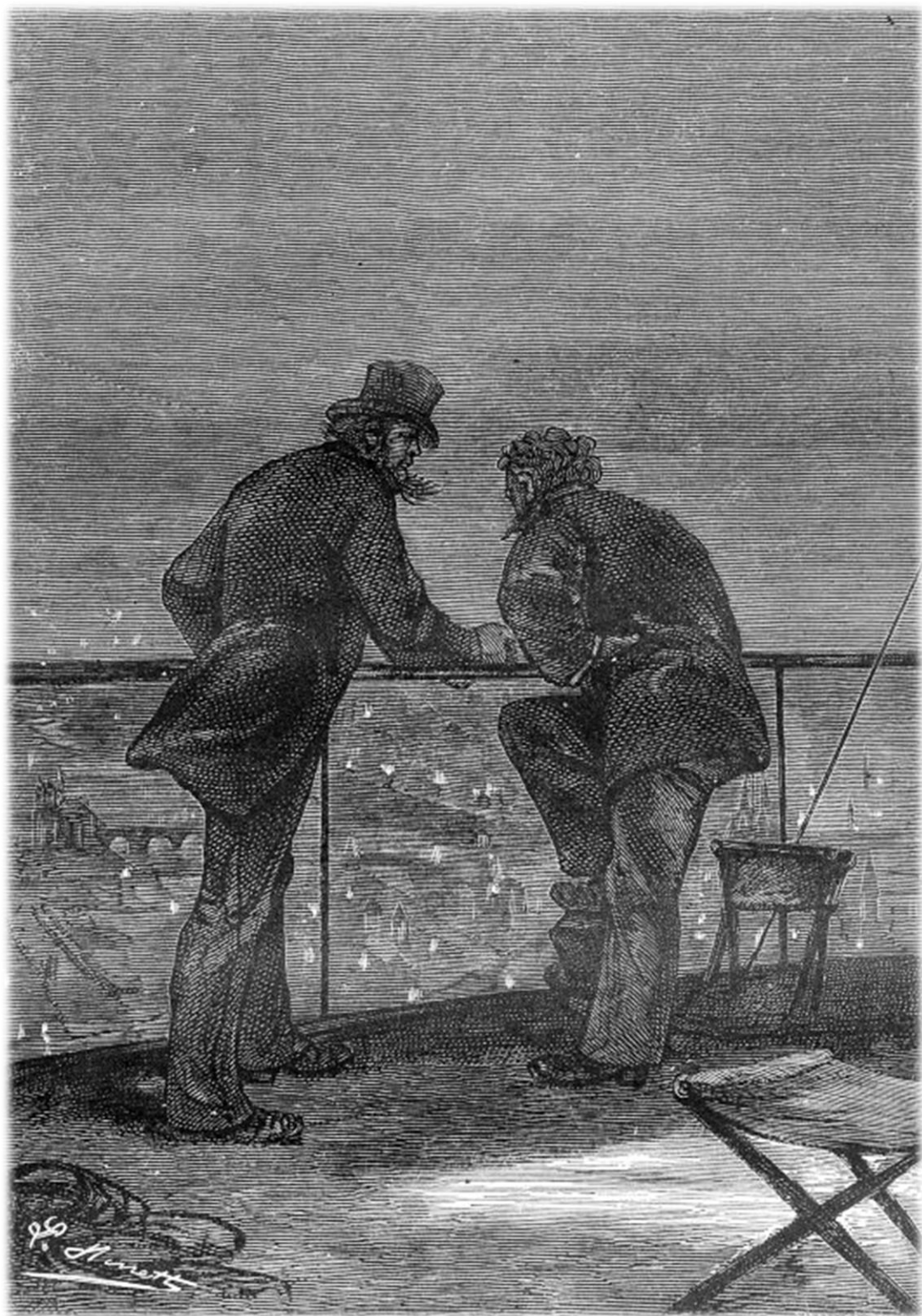
Очевидно, инженер Робур хотел дать парижанам возможность насладиться зрелищем небесного явления, которого астрономы не предвидели, да и не могли предвидеть. На «Альбатросе» зажглись фонари, и два ярких электрических луча заскользили по площади, скверам, садам, дворцам и по крышам шестидесяти тысяч домов Парижа, отбрасывая огромные пучки света от одного края горизонта до другого.

На этот раз «Альбатрос», без сомнения, был ясно виден с земли, и парижане не только разглядели, но и услышали его, ибо Том Тэрнер, приложив к губам свою трубу, огласил небо над городом звучной руладой. В это мгновение дядюшка Прудент, перегнувшись через перила, разжал ладонь, и табакерка полетела; вниз...

Почти тотчас же «Альбатрос» стремительно взмыл в поднебесье.

И тогда над Парижем раздались громкие клики «ура». Это толпы изумленных людей, собравшихся на бульварах, восторженно приветствовали необычайную летательную машину.

Внезапно фонари воздушного корабля погасли, тьма и тишина вновь воцарились вокруг, и он продолжал свой полет со скоростью двухсот километров в час.

*«дядюшка Прудент... разжал ладонь,
и табакерка полетела; вниз...»*

Вот и все, что удалось увидеть дядюшке Пруденту и Филу Эвансу из достопримечательностей французской столицы.

К четырем часам утра «Альбатрос» уже оставил за собой большую часть территории Франции. Затем, чтобы не, тратить времени на преодоление Пиренеев или Альп, он пролетел над просторами Прованса вплоть до самого мыса Антиб. В девять часов утра жители Рима, собравшиеся на террасе собора св.Петра, застыли от изумления при виде воздушного корабля, пролетавшего над Вечным городом. Двумя часами позднее он уже мчался над Неаполитанским заливом, на мгновение погрузившись в дымные клубы Везувия. После этого «Альбатрос» пересек по кривой Средиземное море и в час пополудни был замечен часовыми вблизи Ла-Гулетт на побережье Туниса.

Вслед за Америкой — Азия! Вслед за Азией — Европа! Чудесный летательный аппарат инженера Робура преодолел за двадцать три дня более тридцати тысяч километров!

И теперь он углублялся в воздушные просторы над уже изученными и еще не изученными областями Африки!

Быть может, читатель захочет узнать, что случилось со знаменитой табакеркой после ее падения на землю.

Табакерка упала напротив дома номер 210 по улице Риволи в то время, когда улица эта была совершенно безлюдна. Наутро ее подобрала

почтенная женщина, подметавшая мостовую, и поторопилась отнести в полицейский участок.

Там табакерку приняли сначала за адскую машину; ее развязали, распаковали и раскрыли с величайшими предосторожностями.

Внезапно слышалось нечто, похожее на взрыв... Это оглушительно чихнул начальник полицейского участка.

Затем из табакерки извлекли документ и, ко всеобщему изумлению, огласили вслух следующие строки:

«Дядюшка Прудент и Фил Эванс, председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества в Филадельфии, похищены на воздушном корабле „Альбатрос“ инженером Робуром.

Довести до сведения друзей и знакомых.

Д. П. и Ф.Э.»

Вот каким образом жителям Старого и Нового Света было, наконец, объяснено дотоле необъяснимое небесное явление. И среди ученых многочисленных обсерваторий земного шара вновь воцарилось спокойствие.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой инженер Робур ведет себя так, будто он намерен добиваться премии Монтиона

 а этом этапе кругосветного путешествия воздушного корабля вполне уместно поставить следующие вопросы:

Кто же все-таки этот Робур, о котором читатель до сих пор ничего не знает, кроме его имени? Проводит ли он всю свою жизнь в воздухе? Неужели его воздушный корабль никогда не отдыхает? Нет ли у него убежища в каком-нибудь недоступном месте, где «Альбатрос», если уж он не нуждается в отдыхе, то по крайней мере пополняет свои запасы? Было бы весьма удивительно, если бы дело обстояло иначе. Ведь даже у самых могучих птиц есть свой приют, свое гнездо.

И что, в частности, собирается инженер делать со своими беспокойными узниками? Думает ли он без конца держать их в плену и обречь на вечные скитания в воздухе? Или же, промчав злополучных воздухоплавателей еще и над просторами Африки, Южной Америки, Австралии, Индийского,

Атлантического и Тихого океанов, чтобы заставить их против воли признать достоинства «Альбатроса», он намерен возвратить им свободу, сказав при этом: «А теперь, господа, надеюсь, вы будете проявлять меньше недоверия к аппаратам тяжелее воздуха!»

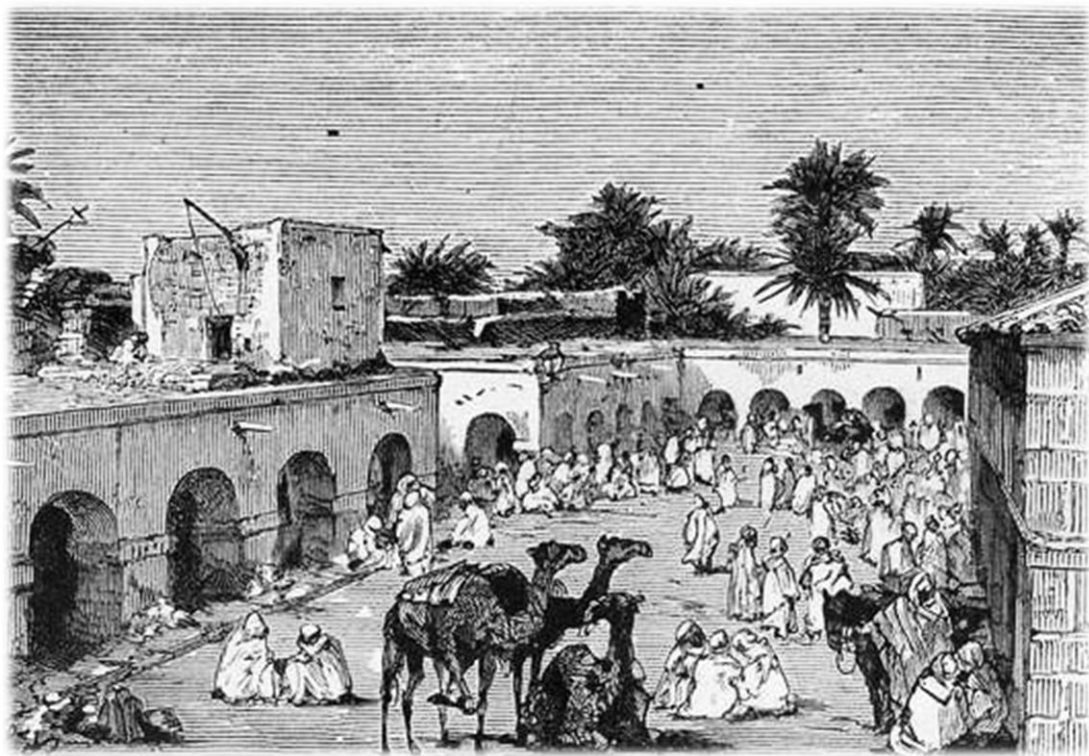
Ответить на все эти вопросы пока невозможно, Это — тайна будущего. Быть может, в один прекрасный день она разъяснится!

Во всяком случае, крылатый Робур, очевидно, не собирался искать свое «гнездо» у северных границ Африки. Он, видимо, решил провести конец дня над регентством Тунис — между мысом Бон и мысом Карфаген, — направляя «Альбатрос» то быстрее, то медленнее, по своему капризу. Затем он устремился в глубь материка и пролетел над восхитительной долиной реки Меджерд, придерживаясь течения ее желтоватых вод, затерянных между зарослями кактусов и олеандров. Его появление спугнуло сотни попугаев, которые, усевшись на телеграфных проводах, казалось, ожидали приближения депеш, чтобы подхватить их и унести на крыльях!

С наступлением ночи «Альбатрос» уже парил над границами области крумиров, и если там оставался в живых хотя бы один крумир, то при виде этого гигантского орла он, вероятно, пал ниц, призывая Аллаха.

На следующее утро перед воздушным кораблем предстали Бон и изящные очертания его холмистых окрестностей; затем внизу промелькнул Филиппвиль, напоминающий Алжир в миниатюре, с новыми

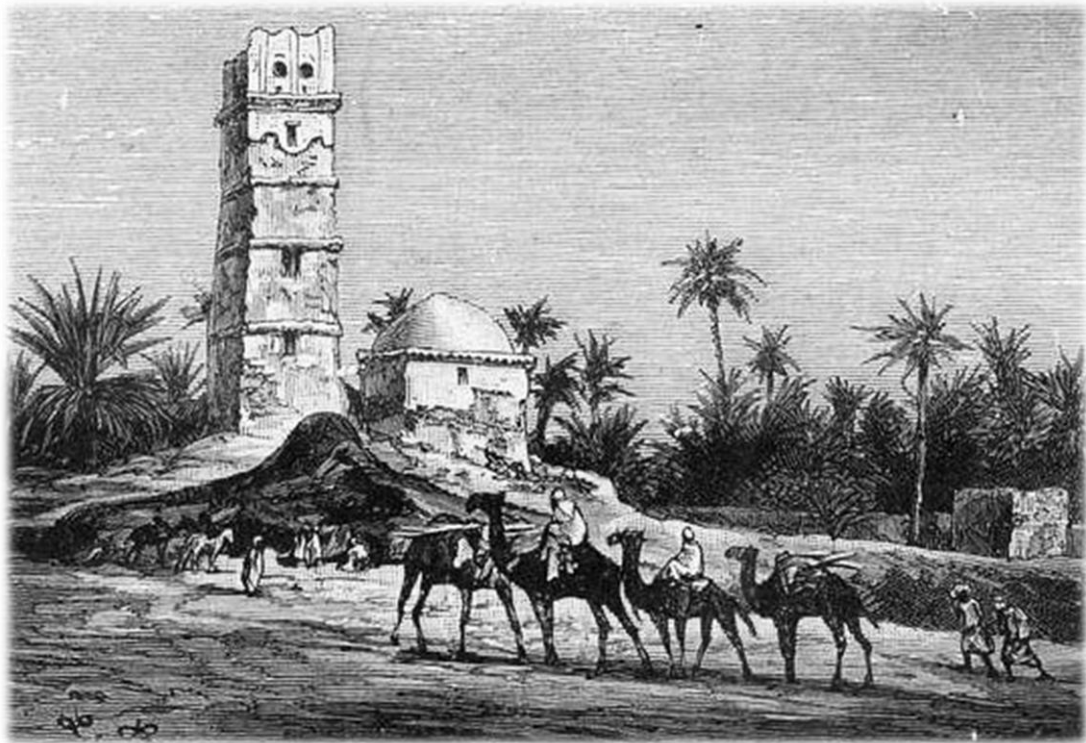
дугообразными набережными и великолепными виноградниками, зеленым ковром покрывшими всю область, которая кажется перенесенной сюда из Бургундии или окрестностей Бордо.

Бискра, арабский рынок (провинция Константина, ныне вилайет Бискра, Алжир)

Эта пятисоткилометровая прогулка над Большой и Малой Кабилией окончилась в полдень над Касбой в Алжире. Какая неповторимая картина предстала пассажирам воздушного корабля! Открытый рейд между мысом Матифу и Пескадсхой косой, побережье, украшенное дворцами, мечетями и вилами, причудливые долины, укутанные в виноградники, точно в плащи, и, наконец, синее Средиземное море, воды которого рассекали океанские пароходы, казавшиеся с высоты

маленькими катерами! Так продолжалось вплоть до Орана, и обитатели этого живописного города, гулявшие в тот поздний час в садах городской цитадели, могли наблюдать, как огни «Альбатроса» мелькали среди первых вечерних звезд.

Минарет в старой Бискре

Весь день дядюшка Прудент и Фил Эванс недоумевали, по какому капризу инженер Робур направил их летающую тюрьму над территорией Алжира, которая служит продолжением Франции по другую сторону моря, прозванного французским озером; но часа через два после захода солнца они с полным основанием сочли, что этот необъяснимый каприз удовлетворен. Одним поворотом руля кормчий устремил полет «Альбатроса» на юго-восток, и наутро, преодолев гористую часть области Телль,

воздушный корабль приветствовал восход дневного светила над песками Сахары.

Вот каков был маршрут на следующий день, 8 июля. Начался он с небольшого городка Жеривиль, построенного, как и Лагаут, на самой границе пустыни, чтобы облегчить последующее завоевание Кабилии. Затем «Альбатрос» пролетел через ущелье Стиллен, что было нелегко из-за довольно сильного ветра. После этого он начал полет над пустыней, то медленно паря над зеленеющими оазисами, которые местные жители называют «ксарами», то стремительно проносясь над песками, со скоростью, превышавшей быстроту полета орлов-ягнятников. Не раз приходилось даже открывать огонь по этим грозным птицам, которые стаями по двенадцать — пятнадцать штук бесстрашно набрасывались на воздушный корабль к великому ужасу Фриколина.

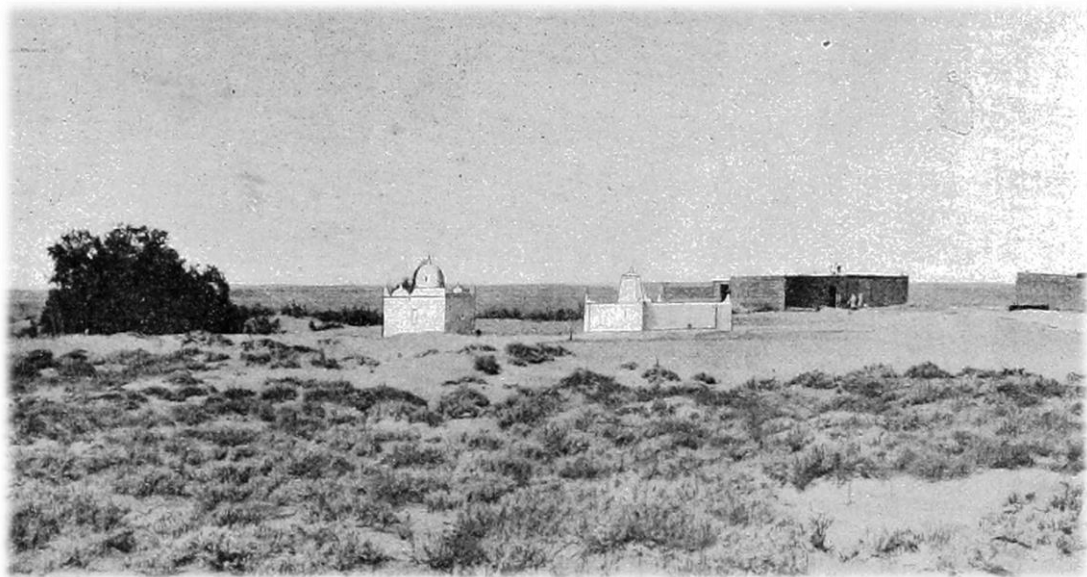
Но если орлы-ягнятники могли отвечать на выстрелы лишь ужасными криками да ударами клювов и когтистых лап, то не менее дикие туземцы встречали воздушный корабль ружейными залпами, особенно когда он проносился над горою Сель, зеленовато-фиолетовый скелет которой проступал из-под ее белого одеяния. Теперь «Альбатрос» парил над великой Сахарой. Здесь все еще виднелись остатки биваков Абд-эль-Кадира. Местность эта по-прежнему опасна для путешественника-европейца, особенно на землях союза племен Бени-Мзаль.

«Альбатросу» пришлось на время подняться в верхние слои атмосферы, чтобы спастись от

бешеного самума, который перекатывал волны красноватого песка на поверхности земли, подобно тому, как сильный прилив вздымает волны на поверхности океана. Вскоре показались унылые, покрытые темной лавой плоскогорья Шебка, которые тянутся до свежей и зеленой долины Айн-Массен. Трудно представить себе разнообразный ансамбль этих мест, которые с высоты видны были во всей своей живописности. Холмы, поросшие деревьями и кустарниками, сменялись длинными волнообразными грядами сероватого цвета, блестящие изломы которых напоминали огромные складки арабского бурнуса. Вдали то и дело мелькали реки, шумными потоками сбегавшие по склонам, пальмовые рощи, маленькие хижины, группами лепившиеся на пригорках вокруг мечетей; в их числе находится и мечеть Метлити, где пребывает глава местного духовенства — великий марабут Сиди-шейх.

Еще до наступления ночи воздушный корабль пролетел несколько сот километров над довольно ровной, пересеченной большими дюнами местностью. Если бы «Альбатрос» вздумал сделать здесь остановку, он мог бы спуститься в низину оазиса Уаргла, укрывшегося в тени огромной пальмовой рощи. Вскоре показался город с тремя четко отделенными друг от друга кварталами, древним дворцом султана — своего рода укрепленной Касбой, многочисленными домами, построенными из кирпичей, труд обжечь которые

солнце взяло на себя, и артезианскими колодцами, вырытыми в недрах долины; воздушный корабль мог бы возобновить здесь свой запас воды, но благодаря необычайной скорости полета даже теперь, в самом сердце африканских пустынь, баки «Альбатроса» все еще были наполнены водой, взятой из Гидаспа, в долине Кашмира.

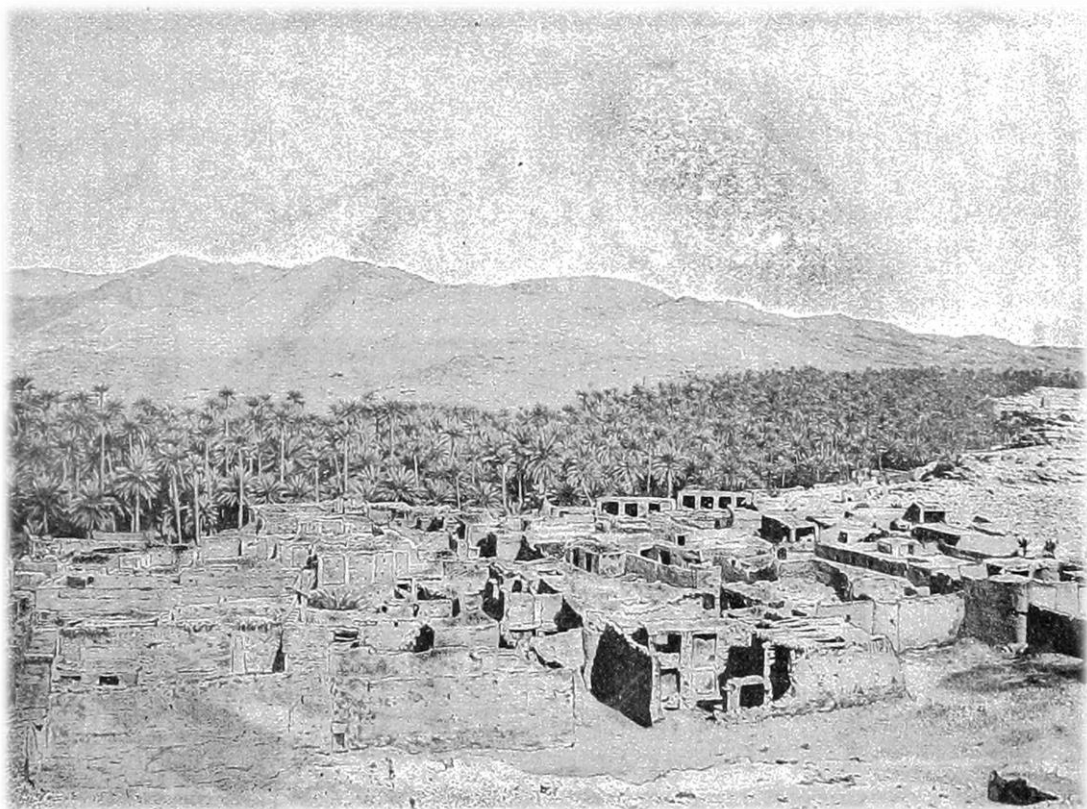

Si el Hadj el Dine (фото Летора)

Был ли замечен воздушный корабль арабами, мозамбитами и неграми, между которыми поделены земли оазиса Уаргла? Несомненно, ибо они приветствовали его сотнями ружейных выстрелов; однако пули упали обратно на землю, не коснувшись воздушного корабля.

Затем спустилась ночь, та безмолвная ночь пустыни, тайны которой так поэтично воспел Фелисьен Давид.

Вскоре «Альбатрос» вновь повернул на юго-запад и пересек дороги Эль-Голеа; одной из них в 1859 году прошел неустрашимый француз Дюверье.

Moghar Tahtani (фото д-ра Пейша)

Царила глубокая тьма. С воздушного корабля нельзя было различить сооружений строившейся по проекту Дюпонше Транссахарской железной дороги: этой длинной стальной ленте предстояло соединить Алжир и Тимбукту через Лагуат и Гардаю, а позднее — достичь берегов Гвинейского залива.

«Альбатрос» вступил к тому времени в область, лежащую между экватором и тропиком Рака. В тысяче километров от северной границы Сахары он пересек путь, где майор Ленг нашел в 1846 году свою гибель; затем воздушный корабль миновал

караванную тропу из Марокко в Судан, и над той частью пустыни, где бесчинствуют туареги, пассажиры «Альбатроса» слышали то, что часто называют «пением песков», — нежный и жалобный ропот, который как будто доносится из-под земли.

За все это время случилось лишь одно происшествие: целая туча саранчи поднялась в небо и обрушилась на палубу воздушного корабля такой тяжестью, что ему угрожала опасность «затонуть». Этот ненужный балласт поторопились спросить, но несколько сот насекомых попали на кухню к Франсуа Тапажу. И он приготовил из них такое лакомое блюдо, что Фриколин на время позабыл все свои страхи.

— Они не хуже креветок! — приговаривал он, облизываясь.

«Альбатрос» находился тогда на расстоянии тысячи восьмисот километров от оазиса Уаргла, — почти над северной границей обширного королевства Судан.

К двум часам пополудни в излучине большой реки показался город. Река эта была Нигер. Город — Тимбукту.

До той поры в этой африканской Мекке довелось побывать лишь несколькими путешественникам — жителям Старого Света, таким, как Батута, Казан, Эмбер, Мунго Парк, Адамс, Ленг, Кайе, Барт, Ленц; но в тот день благодаря превратностям этого необычайного путешествия два американца получили возможность рассказывать по

возвращении в Америку об этом городе *de visu*, *de auditu* и даже *de olfactu*¹⁶, если только им предстояло когда-нибудь возвратиться домой.

De visu — ибо их взгляд мог обозреть все уголки этого города, образующего треугольник площадью в пять-шесть километров; *de auditu* — ибо дело происходило в базарный день и на улицах стоял невероятный шум; *de olfactu*, — ибо их обоняние сильно раздражали запахи, поднимавшиеся с площади Юбу-Камо, где поблизости от дворца древних королей Со-Маи помещается мясной рынок.

Инженер счел нужным осведомить председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества, что на их долю выпала счастливейшая возможность лицезреть владыку Судана — город Тимбукту, который в ту пору находился во власти туарегов из Таганета.

— Тимбукту, господа! — провозгласил он тем же тоном, каким двенадцать дней назад возвестил: «Индия, господа!»

Затем Робур продолжал:

— Тимбукту находится на восемнадцатом градусе северной широты и пятом градусе пятьдесят шестой минуте западной долготы по Парижскому меридиану; город этот расположен на высоте двухсот сорока пяти метров над уровнем моря. Это важный центр с двенадцатью — тринадцатью тысячами жителей, некогда знаменитый развитием

¹⁶ Здесь: основываясь на собственном зрении, слухе и обонянии (лат.).

науки и искусства. Быть может, вы захотите остановиться здесь на несколько дней?

Подобное предложение инженер мог сделать лишь в насмешку.

— Однако, — продолжал он, — для чужеземцев было бы небезопасно очутиться среди негров, берберов, фулланов и арабов, захвативших этот город, особенно если иметь в виду, что наше прибытие на воздушном корабле может им весьма не понравиться.

— Сударь, — отвечал Фил Эванс в том же тоне, — ради удовольствия расстаться с вами мы охотно подвергнем себя опасности столкнуться с дурным приемом со стороны здешних туземцев. Если уж выбирать себе тюрьму, — то лучше Тимбукту, чем «Альбатрос»!

— О вкусах не спорят, — возразил инженер. — Во всяком случае, я не отважусь на столь рискованное приключение, ибо отвечаю за безопасность своих гостей, которые оказывают мне честь, путешествуя в моем обществе...

— Я вижу, инженер Робур, — вмешался дядюшка Прудент, задыхаясь от негодования, — вам мало быть нашим тюремщиком. К покушению на нашу свободу вы прибавляете еще и оскорбления!

— О, всего лишь иронию!

— Неужели у вас на борту нет оружия?

— Конечно есть, целый арсенал.

— Двух револьверов хватило бы, сударь, если бы один из них был в моих руках, а другой — в ваших.

— Дуэль! — вскричал Робур. — Дуэль, которая может привести к гибели одного из нас!

— Которая непременно к этому приведет!

— О нет, господин председатель Уэлдонского ученого общества! Мне куда приятнее видеть вас живым!

— Чтоб быть уверенным в том, что вы и сами уцелеете! Да, это весьма похвальное благоразумие!

— Похвальное или нет, — об этом разрешите судить мне. Вы же вольны смотреть на вещи, как угодно, и жаловаться, кому угодно, если только вам это удастся.

— Уже удалось, инженер Робур!

— Вот как?

— Разве так трудно было бросить вниз документ, когда мы пролетали над густо населенными странами Европы...

— И вы посмели? — вскричал Робур, охваченный неодолимым порывом гнева.

— А что, если посмели?

— Если вы это сделали... вас следует...

— Что, господин инженер?

— ...Отправить за борт вслед за вашим документом!

— Так выбрасывайте нас! — воскликнул дядюшка Прудент. — Мы это сделали!

Робур двинулся к своим узникам. По первому его знаку подбежали Том Тэрнер и несколько членов экипажа. Инженера охватило яростное желание привести свою угрозу в исполнение, и из боязни

поддаться гневу он стремительно удалился к себе в каюту.

— Отлично! — проговорил Фил Эванс.

— Я не останавлиюсь перед тем, на что он не отважился, — заявил дядюшка Прудент. — И когда придет мой черед действовать, я его сокрушу!

Тем временем жители Тимбукту толпами собирались посреди площадей, на улицах, на террасах построенных амфитеатром домов. В богатых кварталах Санкор и Сарахам, как и среди жалких конических хижин квартала Рагиди, священнослужители с высоты минаретов встречали воздушное чудовище самыми свирепыми проклятиями. Но эти проклятия были много безобиднее ружейных выстрелов.

По всему Нигеру, вплоть до порта Кабара, расположенного в излучине реки, экипажи туземных флотилий пришли в движение. Вздумай «Альбатрос» спуститься на землю, его несомненно разнесли бы на куски.

На протяжении нескольких километров стаи крикливых цапель, ибисов и лесных куропаток сопровождали «Альбатрос», состязаясь с ним в скорости; однако быстроходный воздушный корабль вскоре оставил их позади.

С наступлением вечера воздух наполнился трубными звуками: внизу, по местности, которая

*«С наступлением вечера воздух
наполнился трубными звуками»*

отличается воистину чудесным плодородием, проходили многочисленные стада слонов и буйволов.

За сутки вся область, заключенная между нулевым меридианом и вторым градусом, в изгибе реки Нигер, пронеслась перед глазами пассажиров «Альбатроса».

Если бы какой-нибудь географ располагал подобным летательным аппаратом, с какой легкостью мог бы он провести топографическую съемку местности, получить данные о ее высоте над уровнем моря, точно определить путь рек и их притоков, отметить местоположение городов и деревень. Тогда не осталось бы больше неизученных мест на картах Центральной Африки, ни расплывчатых белых пятен, ни пунктирных линий, ни всех этих туманных обозначений, приводящих в отчаяние картографов.

Одиннадцатого утром «Альбатрос» пересек горы Северной Гвинеи, зажатой между Суданом и заливом, носящим ее имя. На горизонте смутно вырисовывались горы Конг, расположенные в королевстве Дагомея.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс отметили, что «Альбатрос», оставив позади Тимбукту, все время двигался с севера на юг. Из этого они заключили, что, преодолев расстояние, равное шести географическим градусам, воздушный корабль должен достичь линии экватора, если только направление его полета не изменится. Неужели «Альбатрос» намеревался вновь покинуть

пространство над материками и устремиться в воздушные сферы, лежащие на этот раз уже не над Беринговым, Каспийским, Северным или Средиземным морем, а над Атлантическим океаном?

В таком предположении не было ничего утешительного для обоих коллег, ибо тогда их шансы на побег свелись бы к нулю.

Между тем «Альбатрос» летел не спеша, словно раздумывая, стоит ли ему расставаться с африканской землей. Не собирался ли инженер повернуть назад? Нет! Но его внимание неспроста привлекала страна, над которой в то время парил воздушный корабль.

Читатель знает, так же как это знал Робур, что королевство Дагомея — одно из наиболее могущественных на западном побережье Африки. Достаточно сильное, чтобы вести борьбу со своим соседом, королевством Ашантис, оно тем не менее потеряло часть своей территории и теперь насчитывает всего лишь сто двадцать лье в длину и шестьдесят — в ширину; однако, с тех пор как Дагомея присоединила к себе прежде независимые области Ардра и Уида, население ее составляет от семисот до восьмисот тысяч человек.

Хотя королевство это и невелико, оно заставляет часто говорить о себе. Дагомея снискала себе мрачную известность невероятными жестокостями, которыми отмечает свои ежегодные празднества, человеческими жертвоприношениями, ужасными гекатомбами, происходящими в честь умершего

властелина и его преемника. Считается даже признаком хорошего тона, когда король Дагомеи, принимая у себя какую-нибудь высокопоставленную особу или иноземного посла, делает гостю сюрприз, преподнося ему в дар дюжину голов, отрубленных в честь его прибытия, — причем отрубает эти головы сам дагомейский министр юстиции, так называемый «минган», который как нельзя лучше справляется с обязанностями палача.

Когда «Альбатрос» пролетал над границей Дагомеи, властелин страны Бахаду как раз скончался, и население готовилось принять участие в торжественной коронации его преемника. Вот почему во всей стране царило большое оживление, которое и не укрылось от Робура.

Бесконечные процессии дагомейских крестьян тянулись из деревень к столице королевства Абомей. Они двигались по хорошим дорогам, проложенным среди обширных равнин, заросших гигантскими травами, шли бескрайними полями маниоки, пробирались сквозь заросли мимоз, великолепные апельсиновые рощи и леса из обыкновенных и кокосовых пальм и манговых деревьев. В ярко-зеленой листве резвились тысячи разноцветных попугаев, которые, казалось, купались в волнах аромата, поднимавшегося вверх к «Альбатросу».

Робур стоял в раздумье, опершись о перила, и лишь изредка обменивался несколькими словами с Томом Тэрнером.

До сих пор «Альбатрос» не мог похвалиться тем, что привлек к себе внимание двигавшихся человеческих толп, по большей части скрытых под непроницаемыми купами деревьев. Это происходило, очевидно, потому, что он летел на значительной высоте, за легкими облаками.

К одиннадцати часам утра на равнине показалась столица, опоясанная стенами и защищенная рвом, достигающим двенадцати миль в окружности; ее широкие, прямые улицы выходят на обширную площадь, северную часть которой занимает королевский дворец. Над всем ансамблем дворцовых сооружений возвышается площадка, расположенная неподалеку от места, где совершают жертвоприношения. В дни празднеств с этой террасы толпе бросают узников в корзинах из ивовых прутьев, и трудно вообразить, с какой яростью она терзает этих несчастных.

В одном из крыльев дворца владыки Дагомеи живут четыре тысячи женщин-воительниц; они составляют один из храбрейших отрядов королевского войска.

Есть ли амазонки на реке того же названия — еще не доказано; но в Дагомее они бесспорно есть. Одни носят голубые рубахи, опоясанные голубым или красным шарфом, белые шаровары с голубыми полосами и белую шапочку, к поясу у них привязана пороховница; другие, занимающиеся охотой на слонов, вооружены тяжелым карабином и кинжалом с коротким клинком, на голове у них красуются рога

антилопы, скрепленные железным обручем; третьи, входящие в состав артиллерийских отрядов, одеты в голубые с красным туники и вооружены короткими ружьями с чугунным раструбом для картечи; и, наконец, — отряд юных девушек в голубых туниках и белых шароварах — подлинные весталки, целомудренные, как Диана, и, как она, владеющие луком и стрелами.

Если прибавить к амазонкам пять или шесть тысяч мужчин в белых штанах и хлопчатобумажных рубашках, перехваченных в талии широким матерчатым кушаком, то можно считать смотр дагомейской армии законченным.

Абомея в тот день была совершенно пустынна. Король, его свита, мужское и женское войско, жители города — все покинули пределы столицы и заполнили расположенную в нескольких милях от нее просторную долину, окаймленную густыми лесами.

Именно здесь, в этой долине, должна была состояться коронация нового короля. Именно здесь должны были казнить во славу нового властелина тысячи пленников, захваченных во время недавних набегов.

Было около двух часов, когда «Альбатрос», достигнув долины, стал снижаться в дымке легких облаков, скрывавших его до поры до времени от взоров дагомейцев.

Сюда стеклось не меньше шестидесяти тысяч человек со всех концов королевства: из области

Уида, из Керапая, из Ардра, из Томбори, из самых далеких деревень.

Новый король — здоровенный детина двадцати пяти лет, по имени Бу-Нади, — находился на небольшом холме, осененном группой густолиственных деревьев. Вокруг теснился его новый двор, мужское войско, амазонки и весь дагомейский народ.

У подножья полсотни музыкантов играли на своих варварских инструментах — слоновых бивнях, издающих хриплый звук, барабанах, обтянутых шкурой лани, выдолбленных тыквах, гитарах, колокольчиках, по которым ударяют железными пластинками, и флейтах из бамбука, пронзительный свист которых покрывал шум остальных инструментов. Каждое мгновение раздавались залпы из ружей и мушкетенов, стреляли пушки, лафеты которых подскакивали с такой силой, что грозили раздавить орудийную прислугу, состоявшую из амазонок, — словом, вокруг царя ужасная суматоха, а дикие крики вполне могли бы заглушить раскаты грома.

В стороне, под охраной солдат, сбились в кучу пленники, которым предстояло сопровождать усопшего короля в лучший мир, ибо со смертью он не должен был утратить ни одной из привилегий, подобающих его сану. На похоронах короля Гхозо, отца Бахаду, любящий сын отправил вслед за умершим отцом три тысячи человек. Бу-Нади не мог сделать меньше для своего предшественника. Разве

не нужны многочисленные гонцы, чтобы собрать не только духов, но и всех обитателей небес, которым предстоит составить кортеж обожествленного монарха.

Целый час продолжались речи, причитания, восхваления, чередовавшиеся с плясками, в которых принимали участие не только признанные танцовщицы, но также и амазонки, вносявшие в танец своеобразную воинственную грацию.

Время гекатомбы приближалось. Робур, которому были известны кровавые обычаи жителей Дагомеи, не терял из виду пленников — всех этих мужчин, женщин и детей, приведенных на убой.

Минган стоял у подножья холма. Он размахивал своей саблей палача с коротким клинком и металлической птицей на эфесе, вес которого придает большую верность удару.

На сей раз он был не один. Где ему было управиться самому с таким грандиозным избиением! Вокруг него теснилось до сотни палачей, набивших руку в искусстве рубить головы одним ударом.

Между тем «Альбатрос» мало-помалу приближался, уменьшая скорость своих гребных и подъемных винтов. И вот, описав кривую, он вынырнул из-за скрывавших его облаков и показался над равниной не больше чем в ста метрах от земли.

И тогда произошло нечто неожиданное: свирепые туземцы приняли воздушный корабль за неземное

существо, сошедшее с небес для того, чтобы воздать последние почести королю Бахаду.

Его появление вызвало неопиcуемый восторг. Страстные призывы, громогласные просьбы, всеобщие молитвы вознеслись к этому сверхъестественному гиппогрифу, который, без сомнения, явился лишь затем, чтобы взять тело усопшего владыки и вознести его в высшие сферы дагомейских небес.

И тут от удара сабли мингана на землю скатилась первая голова. Вслед за тем и остальных пленников, разделенных на сотни, подвели к отвратительным палачам.

Вдруг с «Альбатроса» послышался ружейный выстрел. Министр юстиции ничком упал на землю.

— Меткий выстрел, Том! — воскликнул Робур.

— Пустяки... я бил прямо в кучу! — отозвался боцман.

Остальные члены экипажа с ружьями в руках ожидали лишь приказа инженера, чтобы открыть стрельбу.

Настроение толпы круто переменялось. Люди поняли: это крылатое чудище — вовсе не добрый дух, а дух, враждебный славному народу Дагомеи. Поэтому, как только минган упал на землю, отовсюду послышались крики о мщении. И над равниной тотчас же поднялась ружейная пальба.

Эти угрозы не испугали «Альбатроса», который отважно снизился до высоты не более ста пятидесяти футов над землей. Дядюшка Прудент и

Фил Эванс, каковы бы ни были их чувства к Робуру, могли лишь присоединиться к подобному акту гуманности.

— Верно! Освободим пленников! — вскричали они.

— Я это и намерен сделать, — отвечал инженер.

По примеру членов экипажа коллеги вооружились магазинными ружьями, и все, кто находился на «Альбатросе», открыли дружный огонь, причем ни одна пуля не пропала даром, находя себе мишень в толпе, стоявшей внизу. Даже стоявшая на борту «Альбатроса» маленькая пушка, жерло которой опустили как можно более отвесно, послала наудачу несколько зарядов картечи, и они посеяли смятение в толпе.

Воспользовавшись тем, что охранявшие их воины отвечали выстрелами на огонь, открытый с воздушного корабля, пленники, так и не понявшие, что за помощь пришла к ним с небес, разорвали стягивавшие их путы. Передний винт «Альбатроса» был пробит, несколько других пуль угодили в корпус воздушного корабля. Фриколина, укрывавшегося в глубине каюты, едва не задела пуля, пробившая стену рубки.

— Ах, так им, видно, еще мало! — воскликнул Том Тэрнер.

И, спустившись в пороховой склад, он возвратился с дюжиной динамитных патронов, которые роздал своим товарищам. По знаку Робура эти патроны были брошены на холм и, ударившись о

*«...маленькая пушка... послала наудачу
несколько зарядов картечи...»*

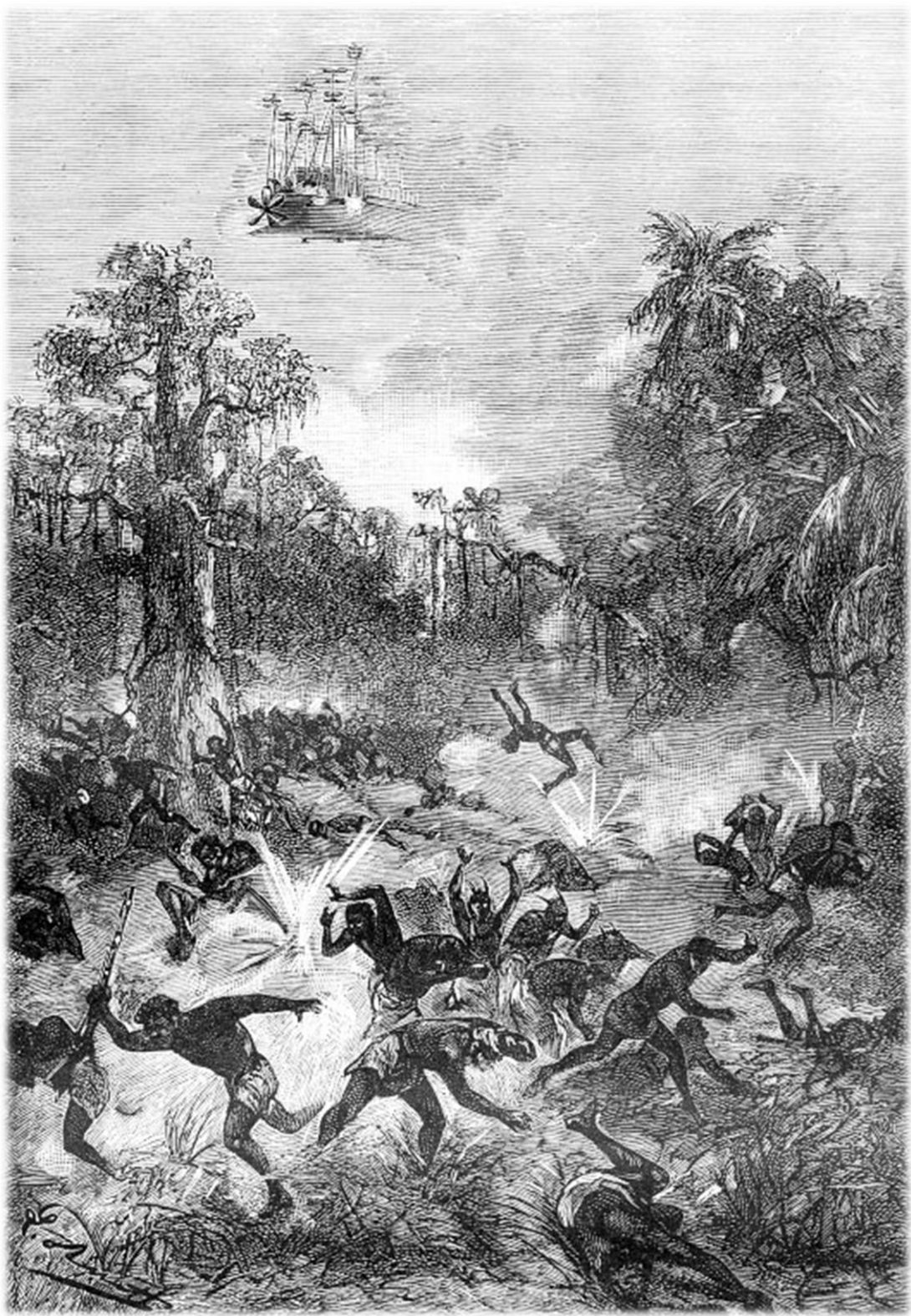
землю, взорвались, точно небольшие гранаты.

Какое замешательство поднялось внизу! Король, его двор, армия, народ — все были охвачены ужасом, вполне понятным после такого нападения. Все кинулись под защиту деревьев, а пленники тем временем пустились наутек, и никто даже не думал их преследовать.

Празднество в честь нового короля Дагомеи было окончательно испорчено. А дядюшке Пруденту и Филу Эвансу довелось убедиться, какой мощью обладает летательный аппарат и какую службу он может сослужить человечеству.

Затем «Альбатрос» спокойно поднялся в средние слои атмосферы; он пересек область Уида и уже вскоре потерял из виду пустынный скалистый берег, который постоянный прибой — следствие юго-западных ветров — делает почти неприступным.

Теперь воздушный корабль парил над Атлантическим океаном.

«Какое замешательство поднялось внизу!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой дядюшка Нрудент и Эдил Эванс пересекают океан, не страдая от морской болезни

На, под ними раскинулся Атлантический океан! Опасения обоих коллег оправдались. Впрочем, Робур, казалось, не испытывал и тени беспокойства, пускаясь в путешествие над этим громадным океаном. Это нимало не тревожило ни его самого, ни членов экипажа «Альбатроса», которые, должно быть, привыкли к подобным перелетам. Все они спокойно разошлись по своим местам. Никакие кошмары не нарушали их сна.

Куда направляется «Альбатрос»? Неужели воздушный корабль, как говорил инженер, действительно совершит «больше, чем кругосветное путешествие»? Но так или иначе, должно же и оно где-нибудь закончиться? Ведь невозможно допустить, что Робур всю свою жизнь проводит в небе, на борту воздушного корабля, и никогда не спускается на землю! Как мог бы он тогда пополнять запасы провизии и боевого снаряжения, не говоря уже о различных технических материалах,

необходимых для бесперебойной работы двигателей? Несомненно, в каком-нибудь никому не известном и трудно доступном уголке земного шара должно существовать какое-то пристанище, какое-то место для передышки, где «Альбатрос» мог бы получать все, в чем он испытывает нужду. Инженер Робур был способен прервать всякие отношения с обитателями земли, но прервать всякую связь с земной поверхностью даже он не был способен!

Но если дело обстояло так, где же находилось это пристанище? Что заставило инженера выбрать именно его? Ожидала ли там возвращения Робура маленькая колония, которую он возглавлял? Мог ли он набрать там новый экипаж? И как получилось, что судьбы его спутников — выходцев из различных стран — оказались связанными с его собственной судьбой? И откуда он взял средства, чтобы построить такой дорогостоящий аппарат, конструкцию которого держал в секрете? Правда, содержание экипажа воздушного корабля не могло быть особенно разорительным: на борту «Альбатроса» все жили дружно, одной семьей, как живут люди, довольные своей судьбою и не скрывающие этого. Однако кто же был в конце концов этот Робур? Откуда он взялся? Каково его прошлое? Словом, тут вставали тысячи необъяснимых загадок, а единственный человек, который мог их разрешить, конечно, никогда не станет этого делать!

Вполне понятно, что такое нагромождение неразрешимых проблем выводило из себя обоих

воздухоплавателей. Сознать, что летят неведомо куда, не находить никакого выхода из этого опасного приключения, не представлять себе даже, окончится ли оно вообще когда-нибудь, быть обреченными на вечные скитания в воздухе, — разве всего этого было недостаточно, чтобы толкнуть председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества на какой-нибудь безрассудный поступок?..

А пока что, начиная с вечера 14 июля, воздушный корабль летел над просторами Атлантического океана. Наутро солнце поднялось над дугообразной линией, где небо, казалось, сливается с водой. На безбрежной поверхности океана не видно было ни клочка земли. Африка скрылась на северной стороне горизонта.

Когда Фриколлин отважился покинуть свою каюту и увидел под собою бескрайнее море, ужас охватил его с новой силой. Правильнее было бы сказать, увидел не «под собою», а «вокруг себя», ибо человеку, находящемуся в верхних слоях атмосферы, кажется, будто бездна обступает его со всех сторон, а горизонт, поднимаясь до уровня его глаз, отходит все дальше и дальше и представляется недостижимым.

Фриколлин, без сомнения, не отдавал себе отчета в физических причинах этого явления, но зато очень ясно его ощущал. Этого было достаточно, чтобы породить в нем «ужас перед бездной», от которого не могут избавиться даже некоторые смелые люди. Тем не менее негр благоразумно не стал жаловаться вслух. С закрытыми глазами, он ощупью добрался до

своей каюты, решив, как можно дольше из нее не выходить.

Заметим кстати, что на долю Атлантического океана приходится больше четвертой части всей площади морской поверхности земного шара, которая составляет триста семьдесят четыре миллиона пятьдесят семь тысяч девятьсот двенадцать квадратных километров. Между тем ничто не говорило о том, что инженер торопится вперед. Он даже не отдал распоряжения увеличить быстроту полета «Альбатроса». Впрочем, воздушный корабль не мог бы в то время развить такую скорость, с какой он несся над Европой, — то есть до двухсот километров в час. В тех широтах, где господствуют преимущественно юго-западные воздушные течения, ветер дул навстречу «Альбатросу», и хотя не достигал большой силы, однако мешал полету воздушного корабля.

Самые последние труды метеорологов, опирающиеся на многочисленные наблюдения, позволили установить, что в этой лежащей между тропиками области пассаты постоянно дуют либо по направлению к Сахаре, либо по направлению к Мексиканскому заливу. Эти периодические воздушные течения движутся здесь или с запада — к Африке, или с востока — к Новому Свету; это верно по крайней мере для жаркого времени года.

Итак, борясь со встречным ветром, Робур не использовал всей мощи гребных винтов «Альбатроса». Он вел воздушный корабль с умеренной скоростью,

которая, впрочем, превышала скорость трансатлантических пароходов.

Тринадцатого июля инженер объявил всему экипажу, что «Альбатрос» пересек экватор.

Вот каким образом дядюшка Прудент и Фил Эванс узнали, что они покинули Северное и вступили в Южное полушарие. Перелет через экватор не повлек за собой ни одной из тех шуточных проделок и торжественных церемоний, которыми отмечают на борту некоторых военных и торговых кораблей переход из одного полушария в другое.

Один лишь Франсуа Тапаж не мог отказать себе в удовольствии вылить пинту воды за шиворот Фриколлину; но так как после этого «крещения» негр получил несколько стаканов джина, то он заявил, что готов сколько угодно раз пересекать экватор, но только не на спине механической птицы, ибо она не внушает ему никакого доверия.

Пятнадцатого июля утром «Альбатрос» находился между островами Вознесения и Святой Елены, но ближе ко второму острову, чьи гористые берега виднелись на горизонте в продолжение нескольких часов.

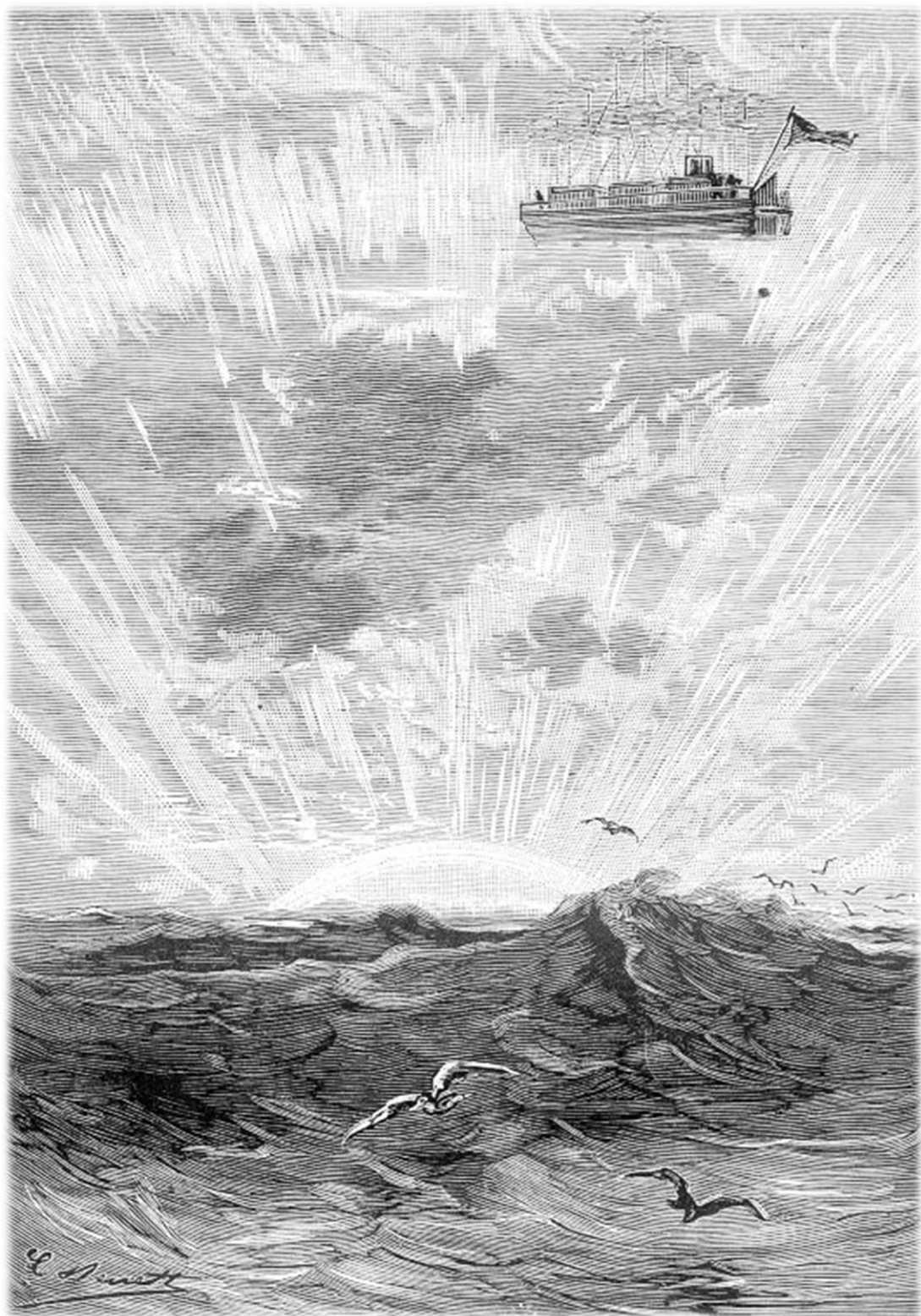
Нет сомнения, что если бы в эпоху, когда Наполеон находился во власти англичан, уже существовал летательный аппарат вроде воздушного корабля инженера Робура, то, вопреки всем оскорбительным мерам предосторожности,

принятым Гудзоном Лоу, его прославленный узник мог бы, чего доброго, ускользнуть от него по воздуху!

Шестнадцатого и семнадцатого июля с наступлением вечера пассажиры «Альбатроса» наблюдали любопытное явление. В более высоких широтах его можно было бы принять за северное сияние. В действительности же это явление правильнее назвать сумеречным свечением: лучи заходящего солнца переливались различными оттенками, а некоторые из них горели ослепительным зеленым светом.

Не было ли это следствием того, что земля встретила на своем пути облако космической пыли, которое и отражало угасавший свет дня? Именно так и объясняют сумеречное свечение некоторые наблюдатели. Однако, если бы эти ученые находились на борту воздушного корабля, они отказались бы от такого предположения.

После тщательного изучения было установлено, что при сумеречном свечении в воздухе находятся в подвешенном состоянии мельчайшие кристаллы пироксена, микроскопические стекловидные шарики, легчайшие частицы магнитного железа, — словом, вещества, подобные тем, какие извергают некоторые огнедышащие горы. Поэтому не оставалось сомнения, что какой-то действующий вулкан выбросил в пространство это облако и составлявшие его мельчайшие кристаллические частицы были причиной наблюдавшегося явления;

*«...с наступлением вечера пассажиры «Альбатроса»
наблюдали любопытное явление»*

воздушные течения удерживали это облако над Атлантическим океаном.

В те же дни путешественники наблюдали и другие любопытные явления в атмосфере. Не раз тучи, покрывавшие небо, придавали ему какой-то необычайный, серый оттенок; когда воздушный корабль поднимался над этой завесой испарений, можно было видеть, что ее поверхность покрыта блестящими завитками ярко-белого цвета, усеянными отвердевшими крупинками. В таких широтах подобное явление можно объяснить лишь образованием чего-то, напоминающего град.

В ночь с 17-го на 18-е показалась лунная радуга зеленовато-желтого цвета; это редкое явление было связано с тем, что воздушный корабль находился между полной луной и сеткой мелкого дождя, который испарялся, не достигая поверхности моря.

Следовало заключить из этого, что предстоит перемена погоды? Пожалуй. Как бы то ни было, но в этой экваториальной области юго-западный ветер, упорно дувший с того времени, как «Альбатрос» покинул берега Африки, начал постепенно стихать. В тропическом поясе стояла невероятная жара, и поэтому Робур в поисках прохлады направился в верхние слои атмосферы. Кроме того, стоило подумать и о том, чтобы укрыться от палящих солнечных лучей, выносить которые становилось невозможно.

Судя по изменившемуся направлению воздушных течений, можно было предвидеть, что за

пределами экватора путешественники окажутся в иных климатических условиях. Как известно, июль месяц в Южном полушарии соответствует январю в Северном, то есть приходится на самый разгар зимы. И если бы «Альбатрос» продолжал движение на юг, ему вскоре пришлось бы испытать это на себе.

Впрочем, море уже «дышало холодом», как выражаются моряки. 18 июля, когда тропик Козерога остался позади, с «Альбатроса» было замечено новое грозное явление, которое привело бы в трепет экипаж любого корабля.

Как будто догоняя друг друга, по поверхности океана с быстротой не менее шестидесяти миль в час мчались какие-то светящиеся валы. Соблюдая расстояние футов в восемьдесят, они бороздили море длинными полосами света. Спустилась ночь, и их яркий отблеск достиг «Альбатроса». На этот раз его действительно можно было принять за светящийся болид. Робуру впервые пришлось парить над морем огня, но огня холодного, от которого не было нужды убегать, поднимаясь в верхние слои атмосферы.

Причину этого явления следовало, по-видимому, искать в электричестве, ибо его нельзя было объяснить ни присутствием огромного косяка рыбы, мечущей икру, ни гигантским скоплением микроскопических животных, которые вызывают свечение поверхности моря.

Это позволяло предполагать, что электрическое напряжение в атмосфере было весьма значительно.

На следующий день, 19 июля, море так разбушевалось, что грозило гибелью всякому кораблю. Однако «Альбатрос», подобно могучей птице, чье имя он носил, как будто смеялся над ветрами и волнами. Когда ему надоедало носиться над поверхностью моря, подобно буревестнику, он мог, словно орел, взмыть в поднебесье в поисках солнца и тишины.

К этому времени воздушный корабль пересек сорок седьмой градус южной широты. Теперь продолжительность дня не превышала семи-восьми часов. По мере приближения к антарктическим областям дни должны были стать еще короче.

В час пополудни «Альбатрос», в поисках более благоприятных воздушных течений, заметно снизился. Теперь он летел всего в какой-нибудь сотне футов над поверхностью океана.

Стояла безветренная погода. Все небо обложили грозные темные тучи, сверху бугристые, а снизу заканчивавшиеся четкой горизонтальной линией. Из этих туч спускались длинные языки, почти касавшиеся воды, которая бурлила под ними, образуя водовороты и причудливые фонтаны.

Внезапно вода под «Альбатросом» взметнулась вверх, приняв форму гигантской бутылки.

В то же мгновение воздушный корабль был втянут в орбиту исполинского смерча, за которым следовало еще десятка два смерчей чернильного цвета. По счастью, подъемные винты «Альбатроса» вращались в противоположном со смерчем

«...воздушный корабль был втянут в орбиту исполинского смерча...»

направлении, — иначе работа винтов прекратилась бы, и воздушный корабль рухнул бы в море; но все же он начал с головокружительной быстротой вертеться вокруг своей оси.

Опасность была чрезвычайно велика, и ее, по-видимому, нельзя было отворотить, ибо «Альбатрос» не мог вырваться из смерча, всасывающая сила которого затягивала его, несмотря на бешеное вращение гребных винтов. Людям, отброшенным под действием центробежной силы на нос и на корму воздушного корабля, пришлось уцепиться за перила, чтобы их не снесло с палубы.

— Спокойствие! — скомандовал Робур.

Спокойствие было действительно необходимо, так же как и присутствие духа.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс, незадолго перед тем вышедшие на палубу, отлетели на корму и едва не свалились за борт.

Не переставая вращаться-вокруг собственной оси, «Альбатрос» в то же время перемещался вместе со смерчами, крутившимися в воздухе с быстротой, которой могли позавидовать винты воздушного корабля. Едва он вырывался из одного смерча, как тут же попадал в орбиту другого; каждую минуту ему грозила опасность расколоться или даже разлететься на куски.

— К орудию!.. — крикнул инженер.

Этот приказ был отдан Тому Тэрнеру. Боцман припал к небольшой пушке, установленной посреди палубы, где меньше всего ощущалось действие

центробежной силы. Он понял план Робура, в мгновение ока открыл казенную часть орудия и вложил в нее снаряд, который вынул из зарядного ящика, прикрепленного к лафету. Послышался выстрел, и смерчи внезапно обрушились вместе с облачным потолком, который они, казалось, поддерживали.

Сотрясения воздуха было достаточно, чтобы покончить с грозным явлением природы; громадная туча разрешилась ливнем и избороздила горизонт вертикальными струями, как будто между небом и поверхностью океана натянули огромную сеть дождя.

Освобожденный «Альбатрос» поспешил подняться на несколько сот метров.

— Нет ли повреждений? — осведомился инженер.

— Нет, — ответил Том Тэрнер, — но, право, эту опасную игру в волчок не стоит повторять!

В самом деле, несколько минут «Альбатрос» находился на краю гибели. Если бы не его необычайная прочность, он был бы уничтожен в вихре смерчей.

В продолжение этого полета над Атлантическим океаном время тянулось очень медленно, особенно когда никакие приключения не нарушали однообразия. Дни все уменьшались, а холод делался все чувствительнее. Дядюшка Прудент и Фил Эванс почти не видели Робура. Инженер большую часть времени проводил у себя в каюте, намечая путь «Альбатроса», нанося на карту его маршрут,

определяя при каждой возможности местоположение воздушного корабля, записывая показания барометров, термометров и хронометров и, наконец, внося в бортовой журнал все, что происходило в пути.

Что касается обоих коллег, то, хорошенько закутавшись, они стояли на носу «Альбатроса», упрямо стараясь обнаружить какую-нибудь землю на юге.

Со своей стороны, Фриколлин, по особому поручению дядюшки Прудента, пытался вывести у повара хоть что-нибудь об инженере. Но можно ли было верить тому, что болтал этот гасконец Франсуа Тапаж? Послушать его, так Робур некогда был и министром Аргентинской республики, и главой адмиралтейства, и президентом Соединенных Штатов, ушедшим в отставку, и испанским генералом, уволенным в запас, и, наконец, вице-королем Индии, но пожелал подняться в еще более высокие сферы. То выходило, что Робур обладает миллионным состоянием, награбленным при помощи летательной машины, и привлечен к суду за свои преступления; то оказывалось, что он разорился, соорудив свой летательный аппарат, и ему скоро придется совершать публичные полеты, чтобы вернуть свои денежки. Что же касается того, намерен ли инженер когда-либо остановиться, — то, разумеется, нет! Впрочем, он думает отправиться на Луну, и если тамошние места придутся ему по вкусу, тогда уж он обоснуется на этой планете.

— Признайся, Фри... дружище!.. Тебе ведь не терпится побывать на Луне и посмотреть, что там делается?

— Я не полечу!.. Я отказываюсь!.. — отвечал простофиля, который верил всем этим рассказням.

— Почему же, Фри? Почему? Мы тебя женим там на какой-нибудь лунной красотке!.. И ты станешь родоначальником негров на Луне!

Когда Фриколлин пересказывал всю эту болтовню дядюшке Пруденту, тот всякий раз убеждался, что ему не добиться сколько-нибудь достоверных сведений о Робуре, и думал лишь о том, как отомстить инженеру.

— Фил, — обратился он однажды к своему коллеге, — теперь вы убедились, что мы не можем рассчитывать на побег?

— Не можем, дядюшка Прудент.

— Отлично. Но ведь каждый человек волен распоряжаться собою и пожертвовать в случае нужды своей жизнью...

— Если уж без такой жертвы не обойтись, то сделаем это поскорее! — вскричал Фил Эванс, которому изменило обычное хладнокровие. — Да! Пора с этим покончить! Куда летит «Альбатрос»?.. Теперь он уж почти пересек Атлантический океан, и если направление его полета не изменится, он вскоре достигнет побережья Патагонии, а затем и берегов Огненной Земли... Ну, а дальше что?.. Полетит ли он над Тихим океаном или направится к Южному полюсу?.. С этим Робуром надо быть ко

всему готовым!.. А уж тогда мы пропали!.. Так что речь идет о законной самозащите, и если нам суждено погибнуть...

— То перед смертью, — подхватил дядюшка Прудент, — мы должны отомстить и уничтожить летательный аппарат со всеми, кто на нем находится!

Бессильный гнев и долго сдерживаемая ярость толкнули злосчастных воздухоплавателей на это страшное решение. Да! Если потребуется, они пожертвуют своей жизнью, лишь бы уничтожить изобретателя вместе с секретом его изобретения! Пусть чудесный воздушный корабль, бесспорное превосходство которого в воздухе им скрепя сердце пришлось признать, просуществует всего несколько месяцев со дня своего появления на свет!

Эта мысль так прочно засела в их голове, что они день и ночь только и думали, как бы привести ее в исполнение. Каким способом? Хорошо бы похитить один из динамитных патронов, имевшихся на борту, и с его помощью разнести в щепы летательный аппарат. Но для этого надо было проникнуть в склад, где хранились боевые припасы.

По счастью, Фриколин и не подозревал об этом проекте. При одной мысли, что «Альбатросу» грозит опасность взорваться в воздухе, слуга был способен донести на своего господина.

Двадцать третьего июля на юго-западе, близ мыса Дев, у входа в Магелланов пролив, снова показалась земля. За пределами пятьдесят четвертой

параллели в эту пору года ночь продолжается уже около восемнадцати часов и температура падает в среднем до шести градусов ниже нуля.

Вместо того чтобы углубляться дальше к югу, «Альбатрос» сначала полетел вдоль извилистых берегов пролива, словно направляясь к Тихому океану. Миновав бухту Ломас и оставив гору Грегори на севере и горную гряду Брекнок на западе, он пролетел над небольшим чилийским селением Пунта-Аренас, в то время когда в местной церкви звонили во все колокола; через несколько часов с «Альбатроса» были замечены старинные сооружения Порт-Фамин.

Говорят, что патагонцы, чьи костры виднелись на земле, отличаются высоким ростом; однако пассажиры воздушного корабля не могли об этом судить, ибо с высоты люди казались им карликами.

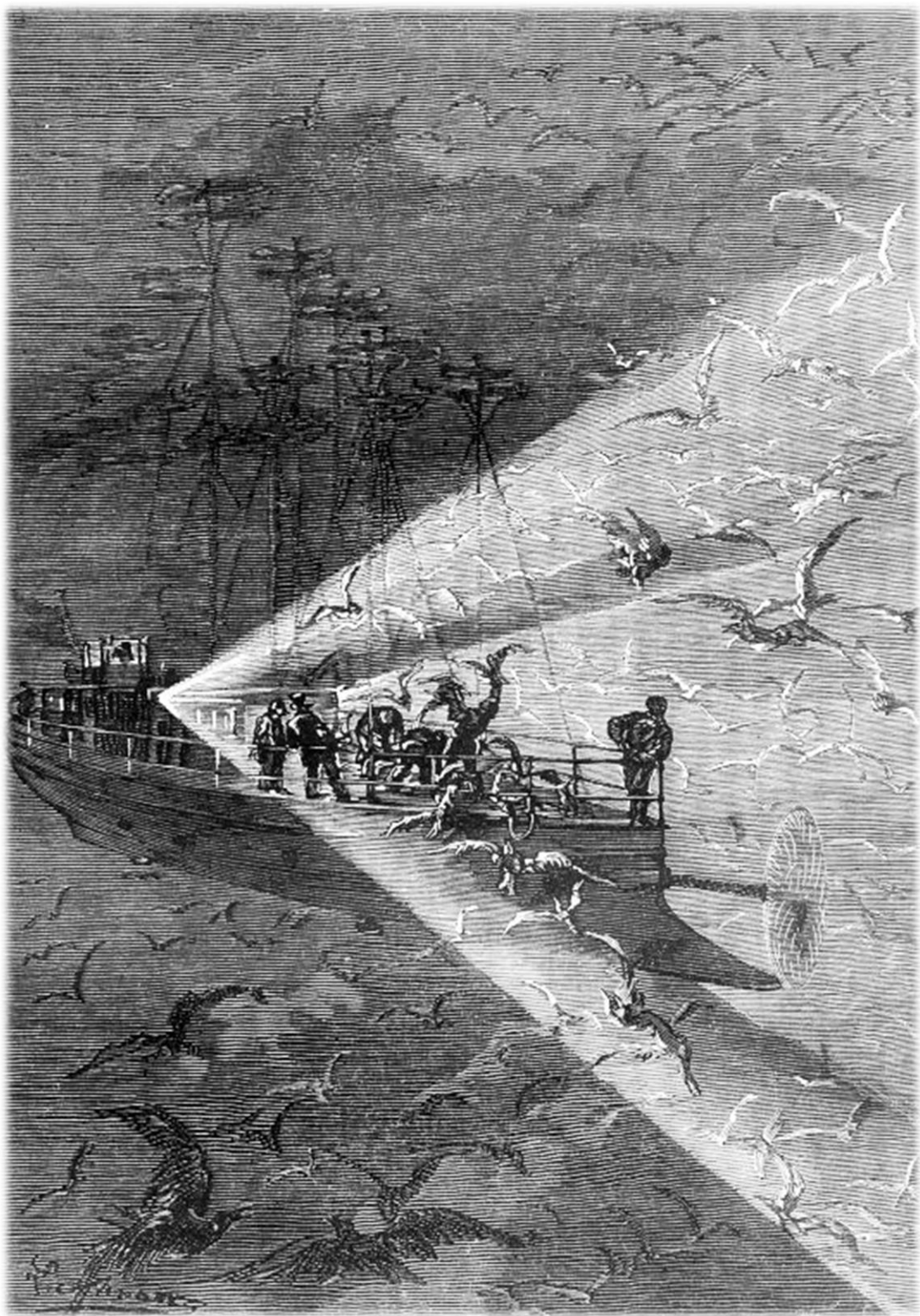
Какое изумительное зрелище открылось им в эти часы короткого зимнего дня в Южном полушарии! Крутые горы, покрытые вечными снегами вершины, густые леса, спускающиеся уступами по горным склонам, внутренние моря, бухты среди полуостровов и островов архипелага, который образуют земли Кларенса, Доусона и Дезолейшн, каналы и проливы, многочисленные мысы и скалы — все это хаотическое нагромождение было уже сковано льдами в единое целое, — от мыса Форвард, где оканчивается американский материк, до мыса Горн, где кончается Новый Свет!

Когда «Альбатрос» прибыл в Порт-Фамин, узникам стало ясно, что Робур собирается продолжать свой полет к югу. Проскользнув между горой Тарн, на полуострове Брунsvик, и горой Грэвса, воздушный корабль направился к горе Сармьенто, гигантская вершина которой, укутанная льдами, господствует над Магеллановым проливом, поднимаясь на две тысячи метров над уровнем моря.

Внизу лежала страна печереев, или фуэгийцев, — туземцев, населяющих Огненную Землю.

Какой прекрасной и плодородной показалась бы эта земля, особенно в южной своей части, полгода назад, в самый разгар лета, когда день длится здесь целых пятнадцать — шестнадцать часов! Тогда повсюду взор ласкали бы зеленые долины и пастбища, способные прокормить тысячи животных; девственные леса, состоящие из гигантских деревьев — берез, буков, ясеней, кипарисов, древовидных папоротников; широкие равнины, по которым проносятся стада гуанако, вигоней и страусов, наконец целые армады пингвинов и всяких пернатых. Когда на «Альбатросе» зажглись электрические фонари, целые стаи кайр, уток, гусей и других птиц устремились к его бортам. Их было столько, что хватило бы пополнить дичью сотню таких кладовых, как у Франсуа Тапажа.

Это нашествие птиц принесло немало хлопот повару, который умел мастерски готовить их, уничтожая неприятный привкус жира. Прибавилось хлопот и у Фриколина, который охотно ощипывал

«Когда на «Альбатросе» зажглись электрические фонари...»

десяток за десятком этих лакомых представителей мира пернатых.

В тот день, около трех часов пополудни, перед самым заходом солнца, впереди показалось огромное озеро, окаймленное густыми лесами. В ту пору оно полностью замерзло, и несколько туземцев быстро скользили на длинных лыжах по его ледяной поверхности.

Едва завидев воздушный корабль, насмерть перепуганные фуэгийцы пустились наутек, а когда у них уже не было сил бежать, они спрятались, зарывшись в снег, словно животные.

Двигаясь к югу, «Альбатрос» пролетел над каналом Бигл, оставив позади остров Наварино, чье греческое имя ласкает ухо на фоне неблагозвучных названий этих далеких мест, и миновал остров Уолластон, расположенный в самой южной части Тихого океана. Наконец, преодолев семь тысяч пятьсот километров от берегов Дагомеи, он пролетел над последними островками Магелланова архипелага и самой южной точкой Нового Света — страшным мысом Горн, острый выступ которого вечно гложет прибой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой «Альбатрос» совершает то, чего, пожалуй, никому не совершить

 наступило 24 июля. А ведь этому дню в Южном полушарии соответствует 24 января в Северном. Больше того, только что пройденный пятьдесят шестой градус южной широты соответствует на севере параллели, которая в Европе проходит через Шотландию на уровне Эдинбурга.

Поэтому термометр постоянно показывал среднюю температуру ниже нуля. Так что путешественникам приходилось занимать немного искусственного тепла у аппаратов, предназначенных для обогрева рубок воздушного корабля.

Следует упомянуть, что хотя продолжительность дня должна была постепенно возрастать после зимнего равноденствия, которое в Южном полушарии приходится на 21 июня, на самом деле день заметно уменьшался, ибо «Альбатрос» неуклонно приближался к полярным областям.

По этой причине южная часть Тихого океана, граничащая с Полярным кругом, освещалась очень ненадолго. Итак, днем — весьма мало света, а ночью

— к тому же и весьма чувствительный холод. Чтобы сносить его, приходилось одеваться на манер эскимосов или фуэгийцев. И так как на борту «Альбатроса» теплых вещей было достаточно, то дядюшка Прудент и Фил Эванс, хорошенько укутавшись, могли подолгу оставаться на палубе, тщательно обдумывая свой план мести и ожидая лишь удобного случая, чтобы привести его в исполнение. Робура они видели мало; надо сказать, что после обмена обоюдными угрозами во время полета над Тимбукту инженер и его пленники вовсе не разговаривали.

Что касается Фриколина, то он ни разу не выходил из кухни, где помогал Франсуа Тапажу готовить пищу, за что повар оказывал ему самое радушное гостеприимство. Эту выгодную должность негр охотно принял с разрешения своего господина. К тому же, оставаясь взаперти, Фриколин не видел того, что происходит снаружи, и мог считать себя защищенным от опасности. Не походил ли он на страуса не только физически, из-за своего удивительного желудка, но и нравственно, из-за своей редкой бестолковости?

В какой же пункт земного шара держал теперь пучь «Альбатрос»? Можно ли было предположить, что в самый разгар зимы он отважится проникнуть в область над южными морями или над землями, лежащими у самого полюса? Даже если допустить, что химические элементы батарей были бы достаточно морозостойкими, следовало помнить, что

уже одно пребывание в ледяной атмосфере грозило гибелью всему экипажу, страшной гибелью от холода! Если бы Робур вздумал пересечь полюс в жаркое время года — еще куда ни шло! Но решиться на такой перелет в самый разгар антарктической зимы, во мгле вечной ночи, мог только безумец!

Так рассуждали председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества, оказавшиеся против воли над тем материком Нового Света, который хоть и называется Америкой, но отнюдь не той, где расположены Соединенные Штаты!

В самом деле! До чего еще дойдет этот невыносимый Робур? И не наступило ли время покончить с путешествием, разрушив его летательный аппарат?

В тот день, 24 июня, инженер то и дело беседовал с боцманом. Не раз Том Тэрнер и Робур записывали показания барометра — и, видимо, не для определения достигнутой высоты, а чтобы получить данные, относящиеся к погоде. Без сомнения, в атмосфере происходили какие-то изменения, которые следовало принять во внимание.

Дядюшке Пруденту показалось даже, что Робур составляет опись всех оставшихся на борту запасов — как тех, что служат для питания тяговых и подъемных механизмов воздушного корабля, так и тех, что служат для питания человеческих организмов, о бесперебойной работе которых также следовало позаботиться.

Все это, возможно, говорило о том, что инженер готовится в обратный путь.

— В обратный путь? — заметил Фил Эванс. — Интересно, куда?

— Туда, где этот Робур может пополнить свои запасы, — отвечал дядюшка Прудент.

— Должно быть, на какой-нибудь остров, затерянный в Тихом океане, где существует колония таких же проходимцев, как их вожак.

— И я того же мнения. Фил Эванс. Я полагаю, что Робур в самом деле помышляет о том, чтобы двинуться на запад, а при той скорости, какой обладает его воздушный корабль, он быстро достигнет цели.

— Но если он туда доберется... нам не удастся привести в исполнение свой план...

— Он туда не доберется. Фил Эванс!

Очевидно, коллеги отчасти проникли в замыслы инженера. К вечеру этого дня уже не оставалось сомнений, что «Альбатрос», достигнув границ антарктических вод, намеревался, наконец, повернуть назад. Как только льды сковывают все эти воды, вплоть до мыса Горн, все южные области Тихого океана покрываются ледяными полями и айсбергами. Ледовый пояс образует мощный барьер, который не могут преодолеть ни самые прочные корабли, ни самые отважные мореплаватели.

Разумеется, ускорив взмахи своих крыльев-винтов, «Альбатрос» мог бы перелететь сначала ледяные горы, во множестве скопившиеся на

поверхности океана, а затем и горы сухопутные, возвышающиеся на материке вблизи полюса, если только самая южная точка земного шара действительно лежит на материке. Но разве мог он отважиться продолжать свой полет в ледяной атмосфере, которая в период полярной ночи охлаждается до шестидесяти градусов ниже нуля? Конечно, нет!

Поэтому, углубившись километров на сто к югу, «Альбатрос» вскоре повернул к западу, взяв курс на один из неизвестных островов, расположенных в Тихом океане.

Внизу простиралась бескрайняя гладь океана, омывающего американский и азиатский материки. В это время его воды приняли ту своеобразную окраску, благодаря которой их называют «молочным морем». Немощные лучи полярного солнца не могли преодолеть полумрак, и вся поверхность этой части Тихого океана казалась молочно-белой. Ее можно было принять за огромное снежное поле, ибо с высоты водная гладь казалась совершенно невозмутимой. Вероятно, именно так выглядит эта часть океана, когда мороз сковывает его воды, превращая их в безграничное ледяное поле.

Как известно, это необычайное явление вызывают мириады светящихся телец, фосфоресцирующих микроорганизмов. Но удивительнее всего, что такое скопление мельчайших живых существ, излучающих опаловый свет, наблюдалось за пределами Индийского океана.

Внезапно барометр, который в утренние часы держался довольно высоко, резко упал. В атмосфере появились признаки, которые заставили бы насторожиться обыкновенный корабль, но воздушный корабль мог ими пренебречь. Очевидно, какая-то страшная буря не так давно возмутила воды Тихого океана.

В час пополудни Том Тэрнер, подойдя к инженеру, сказал:

— Мистер Робур, взгляните на эту черную точку на горизонте! Вон... там... прямо к северу от нас. Не утес ли это?

— Нет, Том, в той стороне не может быть земли.

— Тогда это, должно быть, корабль или по крайней мере шляпка.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс, стоявшие на носу «Альбатроса», напряженно всматривались в точку, указанную Томом Тэрнером.

Робур приказал принести свой морской бинокль и принялся внимательно наблюдать за движущимся предметом.

— Это какая-то шляпка, — объявил он, — и я уверен, что в ней люди.

— Потерпевшие кораблекрушение? — воскликнул Том.

— Да, потерпевшие кораблекрушение люди, которым пришлось оставить свое судно, — продолжал Робур, — несчастные, потерявшие представление о том, где находится земля, быть может, погибающие от голода и жажды! Ну, что ж!

Никто не посмеет сказать, что «Альбатрос» не пришел им на помощь!

Механику и двум его помощникам был отдан короткий приказ, и воздушный корабль начал медленно опускаться. Метрах в ста от поверхности моря «Альбатрос» остановился и, ускорив вращение гребных винтов, быстро понесся к северу.

На волнах беспомощно покачивалась шлюпка. Ее парус бессильно повис на мачте. Из-за отсутствия ветра она лишилась управления, а на борту ее, по-видимому, ни у кого не было сил справиться с веслом.

В глубине шлюпки лежали пять человек: они либо спали, либо не могли пошевелиться от истощения, если вообще были живы.

Подлетев ближе, «Альбатрос» начал постепенно снижаться.

На корме лодки можно было разобрать название судна, с которого она была спущена: то был французский корабль «Жаннетта» из Нанта, очевидно покинутый своим экипажем.

— Э-эй! — закричал Том Тэрнер.

Его должны были услышать, ибо шлюпка находилась в каких-нибудь восьмидесяти футах под «Альбатросом».

Никакого ответа.

— Стреляйте! — приказал Робур.

Команда была выполнена, и громкий звук выстрела прокатился над поверхностью воды.

И тогда с «Альбатроса» увидели, как один из потерпевших бедствие с трудом поднялся: глаза его блуждали, а изможденное лицо напоминало лицо скелета.

При виде «Альбатроса» он вздрогнул от испуга.

— Не бойтесь, — крикнул Робур по-французски. — Мы пришли к вам на помощь!.. Кто вы?

— Матросы с «Жаннетты», трехмачтового судна, на котором я был помощником капитана, — ответил человек. — Вот уже пятнадцать дней... мы оставили его... когда оно пошло ко дну!.. У нас нет ни воды, ни пищи!..

Четверо других потерпевших кораблекрушение медленно при-поднимались. Измученные, исхудавшие, дошедшие до последней степени истощения, они простирали руки к воздушному кораблю.

— Внимание! — закричал Робур.

С «Альбатроса» на веревке было спущено в шлюпку ведро с пресной водой. Несчастные накинулись на воду с такой жадностью, что на них было больно смотреть.

— Хлеба!.. хлеба!.. — кричали они.

Немедленно была спущена и корзина с провизией: в ней были консервы, бутылка бренди и несколько литров кофе. Помощник капитана с большим трудом удерживал изголодавшихся людей, набросившихся на еду.

Затем из шлюпки донеслось:

«...один из потерпевших бедствие с трудом поднялся...»

— Где мы?

— В пятидесяти милях от берегов Чили и от архипелага Чонос, — ответил Робур.

— Благодарю. Но без ветра нам...

— Мы возьмем вас на буксир!

— Кто вы такие?..

— Люди, которые рады оказать вам помощь, — кратко ответил Робур.

Помощник капитана понял, что должен уважать инкогнито своих спасителей.

Но можно ли было надеяться, что летательная машина окажется достаточно сильной, чтобы взять шлюпку на буксир?

Разумеется! И, привязанная к концу каната длиной в сто футов, шлюпка быстро понеслась на восток, увлекаемая мощным летательным аппаратом.

К десяти часам вечера появилась земля: с «Альбатроса» заметили береговые огни. Для потерпевших кораблекрушение моряков «Жаннетты» эта помощь с неба пришла как раз вовремя, и они имели все основания считать свое спасение чудом!

Как только шлюпка оказалась вблизи проливов между островами Чонос, Робур крикнул, чтобы матросы отвязали конец каната, что они и сделали, благословляя своих спасителей; затем «Альбатрос» вновь направился в сторону открытого моря.

Положительно, он был великолепен, этот воздушный корабль, способный прийти на помощь потерпевшим кораблекрушение морякам,

затерянным среди океана! Какой воздушный шар, даже самой совершенной конструкции, был бы способен сослужить подобную службу! Дядюшке Пруденту и Филу Эвансу пришлось с этим согласиться, несмотря на то, что они пребывали в таком расположении духа, когда люди готовы спорить даже против очевидности.

А волнение на море все не успокаивалось. Тревожные признаки нарастали. Барометр упал еще на несколько делений. Порывистый ветер то яростно свистел между подъемными винтами «Альбатроса», то на минуту совсем затихал. При таких условиях парусному судну пришлось бы уже взять два рифа в марселях и один риф в фоке. Все указывало на то, что направление ветра вот-вот переменится и он задует с северо-запада. Стекло штормгласса затуманилось, и это также внушало тревогу.

К часу ночи ветер достиг бешеной силы. Однако, хотя воздушный корабль шел теперь против ветра, он еще мог благодаря своим мощным гребным винтам преодолевать его и продвигаться вперед со скоростью четырех-пяти миль в час. Но большего от него нельзя было требовать.

Очевидно, надвигался грозный циклон — явление в тех широтах весьма редкое. Как бы его ни называли — ураганом в Атлантическом океане, тайфуном в Китайских морях, самумом в Сахаре, торнадо на западном побережье, — это всегда и всюду свирепый и весьма опасный вихрь! Да, опасный для всякого судна, попавшего в орбиту этой

крутящейся бури, вращательное движение которой усиливается от окружности к центру; лишь в самой середине этого воздушного Мальмстрема остается относительно спокойная зона.

Робур это знал. Он знал также, что самым благоразумным было бежать от циклона, вырваться из сферы его действия, поднявшись в верхние слои атмосферы. До сих пор ему это всегда удавалось. Но теперь нельзя было терять ни одного часа, пожалуй, даже ни одной минуты!

В самом деле, неистовство ветра возрастало с каждой секундой. Обезглавленные вихрем волны мчались, разбрызгивая белую пену по поверхности океана. Циклон, перемещаясь с невероятной скоростью, неудержимо двигался к полярным областям.

— Вверх! — скомандовал Робур.

— Вверх! — повторил Том Тэрнер.

Подъемные винты воздушного корабля заработали с максимальной быстротой, и он устремился под острым углом вверх, точно двигался по наклонной плоскости, установленной в юго-западном направлении.

В это мгновение барометр вновь опустился: ртутный столбик резко упал — сначала на восемь, затем на двенадцать миллиметров. Внезапно восходящее движение «Альбатроса» приостановилось.

Чем объяснялась эта остановка? По-видимому, она произошла вследствие того, что мощный воздушный поток стремился сверху вниз, и под его

давлением «Альбатрос» не мог найти себе надежной опоры в атмосфере.

Когда пароход поднимается вверх по течению реки, работа винта тем менее успешна, чем быстрее текущая вода уходит из-под его лопастей. При этом судно так сильно относит назад, что его попятное движение может порою стать равным поступательному. То же происходило и с «Альбатросом».

Однако Робур не прекратил борьбы. Все семьдесят четыре винта «Альбатроса», работая ровно и согласованно, вращались с предельной скоростью. Но неумолимо увлекаемый циклоном, летательный аппарат не мог вырваться из его грозных объятий. Пользуясь каждой минутой затишья, «Альбатрос» пытался подняться вверх, но под тяжестью циклона снова и снова падал вниз, подобно тонущему кораблю. Казалось, он судорожно барахтается в волнах воздушного океана, затерянный в ночной мгле, которую его фонари побеждали только на очень небольшом пространстве.

Было очевидно, что, если ярость циклона еще возрастет, «Альбатрос», потеряв управление, превратится в хрупкую соломинку, в жалкую игрушку вихря, способного с корнем вырывать Деревья, сносить кровли и разрушать стены зданий.

Робур и Том Тэрнер могли теперь объясняться лишь жестами. Дядюшка Прудент и Фил Эванс, вцепившись в перила, спрашивали себя, не сыграет ли разбушевавшаяся стихия им на руку, не

уничтожит ли она сама воздушный корабль и его изобретателя, а вместе с ним и секрет изобретения!

Так как «Альбатросу» не удавалось подняться в верхние слои атмосферы и вырваться из цепких лап циклона, ему, по-видимому, оставалось только одно: попытаться достичь относительно спокойной зоны в центре циклона, где он мог бы свободнее маневрировать. Но чтобы достичь этой зоны, надо было преодолеть центробежную силу вращающегося вихря, который удерживал воздушный корабль в своей орбите. Достанет ли на это у «Альбатроса» мощности?

Внезапно тучи на небе разорвались, и сгустившиеся водяные пары хлынули вниз потоками дождя.

Было два часа ночи. Барометр, падавший резкими скачками — по двенадцать миллиметров сразу, — в эту минуту опустился до семисот девяти миллиметров; правда, такое понижение объяснялось отчасти тем, что воздушный корабль находился в то время на значительной высоте над уровнем моря.

Описанный циклон был явлением тем более редким, что возник он за пределами тех областей, в которых, как правило, наблюдаются подобные вихри: области эти расположены между тридцатым градусом северной и двадцать шестым градусом южной широты. Быть может, именно поэтому крутящаяся буря внезапно превратилась в обыкновенный ураган, движущийся по прямой. Но зато в какой ураган! С ним можно было бы сравнить

разве только неистовый шквал, налетевший 22 марта 1882 года на штат Коннектикут, скорость которого достигала ста шестнадцати метров в секунду, то есть свыше ста миль в час.

Стало быть, «Альбатросу» оставалось лишь мчаться по ветру, подобно судну, убегающему от бури, или, вернее, не противиться воздушному течению, вырваться из которого он был не в силах. Но, послушно двигаясь по навязанному ему пути, воздушный корабль неся к югу, приближаясь к полярным областям, которых Робур стремился избежать; теперь он не волен был избирать себе направление и вынужден был лететь туда, куда увлекал его ураган.

Том Тэрнер стал у руля. Требовалось все его умение, чтобы «Альбатрос» не опрокинулся.

На рассвете, если можно так назвать неясный проблеск света, окрасивший горизонт, «Альбатрос» оставил за собой пятнадцать градусов широты, считая от мыса Горн, иначе говоря, он пролетел больше четырехсот миль и проник в пределы Южного полярного круга.

Здесь в июле месяце ночь продолжается девятнадцать с половиной часов. Солнечный диск, не дающий ни тепла, ни света, едва появившись на горизонте, почти тотчас же скрывается вновь. На самом полюсе вечная ночь длится сто семьдесят девять дней. Все указывало на то, что «Альбатросу» вскоре предстояло погрузиться во мрак этой ночи, словно в пучину.

Если бы в тот день можно было произвести обсервацию, то она показала бы, что воздушный корабль достиг 66о40' южной широты. Всего тысяча четыреста миль отделяли его в то время от Южного полюса.

«Альбатрос» неотвратимо приближался к этой недоступной точке земного шара, и скорость полета, можно сказать, «скрадывала» его тяжесть, несмотря на то, что сила притяжения над полюсом несколько увеличивается, ибо Земля здесь приплюснута. Казалось, воздушный корабль мог теперь вполне обойтись без своих подъемных винтов. А вскоре ураган достиг такой силы, что Робур счел нужным довести и число оборотов гребных винтов до минимума; таким способом инженер рассчитывал избежать серьезных поломок и в то же время сохранить управление «Альбатросом», предельно уменьшив собственную скорость воздушного корабля.

В обстановке грозной опасности инженер хладнокровно отдавал распоряжения, а экипаж выполнял их с такой готовностью, словно в груди начальника и его подчиненных билось одно сердце.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс ни на мгновение не покидали палубы. Впрочем, на ней можно было оставаться, не испытывая никаких неудобств. Соппротивление воздуха было настолько незначительно, что почти не ощущалось. Воздушный корабль напоминал теперь аэростат, который движется вместе с несущей его воздушной средой.

Область Южного полюса, по приблизительным подсчетам, занимает площадь в четыре миллиона пятьсот тысяч квадратных километров. Материк ли это? Или архипелаг? Или же древнее море, льды которого не тают даже в летнее время? Этого никто не знает. Твердо известно лишь одно: на Южном полюсе гораздо холоднее, чем на Северном, и это объясняется положением Земли на ее орбите в период антарктической зимы.

Ничто в тот день не указывало, что буря слабеет. «Альбатрос» должен был вступить в область, лежащую у самого Южного полюса, вблизи семьдесят пятого меридиана. Вдоль какого меридиана он ее покинет и удастся ли ему вообще выбраться отсюда?

Мы уже говорили, что, по мере того как воздушный корабль продвигался на юг, продолжительность дня все сокращалась. Вскоре ему предстояло погрузиться во тьму вечной ночи, которую озаряют лишь свет луны да бледные лучи южного полярного сияния. Но месяц тогда едва родился, и спутники Робура рисковали ничего не увидеть в этих областях Антарктики, тайны которых до сих пор еще ускользают от взоров пытливого человечества.

Весьма вероятно, что «Альбатрос» пролетел над несколькими уже известными пунктами, лежащими близ Южного полярного круга; он двигался западнее Земли Грейама, открытой Биско в 1832 году, и Земли Лун-Филиппа, открытой в 1838 году Дюмон д'Юрвилем; обе эти территории — самые удаленные

пункты, когда-либо достигнутые человеком на этом еще не изученном континенте.

Между тем на борту «Альбатроса» люди не слишком страдали от холода, ибо температура держалась значительно выше, чем можно было опасаться. Казалось, ураган, словно своего рода воздушный Гольфстрим, нес с собою изрядный запас тепла.

Какая жалость, что вся эта область оставалась погруженной во мрак! Однако, если бы луна даже освещала окружающее пространство, возможность наблюдений была бы весьма ограничена. Дело в том, что зимой вся поверхность вокруг Южного полюса скована ледяным панцирем и занесена необозримым снежным покровом. В эту пору незаметно даже так называемого «мерцания» льдов, белесый свет которого мог бы слегка окрасить темный горизонт. Как различить в таких условиях очертания суши, как определить площадь морей и расположение островов? Как произвести гидрографическую съемку местности? Как составить орографическое описание территории, когда холмы и горы невозможно отличить от айсбергов и ледовых заторов?

Около полуночи тьму озарило южное полярное сияние. Окруженное серебристой бахромою, оно походило на гигантский раскрытый веер, занимавший половину небосвода. Во все стороны от него расходились яркие электрические лучи; некоторые из них, постепенно угасая, достигали зенита, где сверкали четыре звезды, образующие

созвездие Южного Креста. То было поистине величественное зрелище! Свет южного полярного сияния позволял охватить взглядом общий вид местности, укрытой бесконечной снежной пеленою.

Нечего и говорить, что над этими районами, расположенными у самого магнитного полюса, стрелка буссоли постоянно колебалась и не могла точно указывать направление, которому следовал воздушный корабль. И вот наступил момент, когда, наблюдая за ее склонениями, Робур пришел к выводу, что воздушный корабль находится над южным магнитным полюсом, лежащим приблизительно на семьдесят восьмом градусе южной широты.

А позднее, около часа ночи, вычислив угол, который стрелка буссоли образует с вертикальной плоскостью, инженер воскликнул:

— Под нами Южный полюс!

Внизу показалась огромная белоснежная шапка, но она ревниво скрывала от взоров то, что находилось под ее ледяным покровом.

Вскоре южное полярное сияние погасло, и математическая точка, где сходятся все земные меридианы, осталась такой же неизученной, какой она была и до тех пор.

Надо сказать, что если дядюшка Прудент и Фил Эванс намеревались похоронить в каком-нибудь пустынном месте воздушный корабль вместе с теми, кого он уносил на борту, то случай был самый благоприятный. И если они этого не сделали, то, без

сомнения, лишь потому, что еще не раздобыли взрывчатого вещества.

Между тем ураган продолжал дуть с такой силой, что, если бы на пути «Альбатроса» встретилась какая-нибудь гора, он разбился бы подобно кораблю, наскочившему на прибрежные скалы.

И в самом деле, управлять движением воздушного корабля было тогда невозможно ни в горизонтальной, ни в вертикальной плоскости.

А ведь на землях Антарктиды, как известно, возвышается несколько горных вершин. Вот почему каждую минуту можно было ожидать столкновения и гибели летательного аппарата.

Такой катастрофы приходилось опасаться тем более, что после нулевого меридиана ветер повернул на восток. И тогда в сотне километров от воздушного корабля показались две светящиеся точки.

Это были два вулкана, входящие в мощную систему гор Росса, — Эребус и Террор.

Неужели «Альбатросу» предстояло сгореть в их пламени, словно гигантской бабочке?

Путешественникам пришлось пережить тревожный час. Один из вулканов, Эребус, казалось, готов был спалить воздушный корабль, который не мог вырваться из русла урагана. Столбы пламени росли буквально на глазах. Завеса огня преграждала путь. Огромное зарево полыхало вокруг. Ярко освещенные лица людей, стоявших на борту «Альбатроса», казались зловещими. Недвижимо, без

звука, без жеста, все ждали ужасной минуты, когда их поглотит эта огнедышащая печь.

Однако ураган, уносивший «Альбатрос», сам спас его от страшной катастрофы. Языки пламени Эребуса, опавшие от сильного порыва ветра, дали дорогу воздушному кораблю, и под брызгами расплавленной лавы, которые, по счастью, отбрасывала центробежная сила подъемных винтов, «Альбатрос» пролетел над самым кратером действующего вулкана.

Часом позже два колоссальные факела, озаряющие крайние пределы мира во время долгой полярной ночи, уже скрылись за горизонтом.

В два часа «Альбатрос» прошел над островом Баллени, расположенным у границ побережья Декуверт; но разглядеть этот остров было невозможно, ибо льды прочно спаяли его с антарктическим материком.

Начиная с Южного полярного круга, который «Альбатрос» вновь перелетел вдоль сто семьдесят пятого меридиана, ураган мчал воздушный корабль над ледовыми заторами и айсбергами, которые ежеминутно угрожали ему гибелью. Отныне «Альбатрос» больше не подчинялся своему рулевому, он находился в руках божьих... А бог хороший кормчий.

Воздушный корабль двигался теперь на север вдоль Парижского меридиана, который образует угол в сто пять градусов с тем меридианом, которому он

*«...ураган мчал воздушный корабль
над ледовыми заторами и айсбергами...»*

следовал впервые, пересекая Южный полярный круг.

Наконец за пределами шестидесятой параллели появились признаки, свидетельствовавшие, что ураган слабеет. Скорость его заметно уменьшилась, «Альбатрос» мало-помалу вновь приобретал свободу передвижения. Затем — и это было истинным облегчением — он опять вернулся в освещенные области земного шара, и часов в восемь утра над горизонтом взошло солнце.

Робур и его люди, в свое время ускользнувшие от циклона возле мыса Горн, теперь спаслись и от урагана. Они вновь оказались над Тихим океаном, пролетев семь тысяч километров над полярными землями всего лишь за девятнадцать часов, то есть со скоростью свыше одного лье в минуту; такая быстрота в два раза превосходила ту, которую «Альбатрос» мог развить при помощи своих гребных винтов в обычной обстановке.

Вследствие колебаний стрелки буссоли, вызванных близостью магнитного полюса, Робур не знал, где он находится. Надо было дожидаться появления солнца, чтобы произвести обсервацию. К несчастью, небо в тот день было сплошь затянуто тучами и солнце вовсе не показывалось.

Инженер был тем более раздосадован невозможностью определять местонахождение воздушного корабля, что во время бури оба гребных винта были повреждены.

Сильно раздраженный этой поломкой, Робур вынужден был пока что примириться с весьма умеренной скоростью «Альбатроса», который делал в то время не более шести миль в час. Вдобавок ко всему следовало считаться с опасностью новых поломок. Если бы оба гребных винта вышли из строя, положение воздушного корабля, летевшего над безбрежными просторами Тихого океана, стало бы весьма затруднительным. Поэтому инженер спрашивал себя, не должен ли он немедленно приступить к исправлению винтов, чтобы сделать дальнейшее путешествие более надежным.

На следующий день, 27 июля, часов в семь утра, на севере показалась какая-то земля. Вскоре выяснилось, что это остров. Но какой именно? Ведь таких островов на Тихом океане насчитывают тысячи! Как бы то ни было, Робур решил сделать здесь остановку, не опускаясь, однако, на землю. По его мнению, одного дня должно было хватить для исправления поломок, и вечером воздушный корабль сможет продолжать свой путь.

Ветер совсем прекратился, и это благоприятствовало планам инженера: можно было рассчитывать, что «Альбатрос» останется неподвижным в небе и не будет унесен неведомо куда.

С воздушного корабля спустили канат длиной в сто пятьдесят футов, с якорем на конце. Когда «Альбатрос» приблизился к острову, якорь скользнул по рифам, а затем прочно засел меж двух утесов.

Затем под действием подъемных винтов канат натянулся, и «Альбатрос» застыл в воздухе, подобно судну, ставшему на якорь.

Впервые после того, как воздушный корабль покинул Филадельфию, он вновь коснулся земли.

ГЛАВА НАТНАДЦАТАЯ, в которой происходят события, поистине достойные того, чтобы о них рассказали

ще до того, как «Альбатрос» опустился, можно было определить, что остров, показавшийся внизу, — невелик. Но на какой параллели он находится? Вблизи какого меридиана лежит? Входит ли он в состав Океании, расположен ли на Тихом или Индийском океане? Это могло выясниться лишь после того, как Робур произведет обсервацию. Хотя и нельзя было всецело полагаться на показания компаса, инженер считал наиболее вероятным, что воздушный корабль находится над Тихим океаном. Оставалось ждать появления солнца, чтобы определить точное местоположение «Альбатроса».

С высоты ста пятидесяти футов остров, протяженность береговой линии которого составляла примерно пятнадцать миль, напоминал трехконечную морскую звезду.

У юго-восточной его оконечности виднелся еще один небольшой островок, выступавший среди россыпи мелких скал. У побережья не было никаких следов прилива, что говорило в пользу предположения Робура о местонахождении острова,

ибо в Тихом океане почти не бывает приливов и отливов.

В северо-западной части острова возвышалась конусообразная гора высотой примерно в тысячу двести футов.

Не видно было никаких туземцев, но, быть может, они жили в противоположной части острова. Или же, завидев воздушный корабль, они в страхе поспешили спастись бегством?

«Альбатрос» подошел к острову с юго-восточной стороны. Неподалеку в маленькую бухту впадала бежавшая между скалами небольшая речка. За нею виднелись извилистые долины, поросшие деревьями различных пород и изобиловавшие дичью — куропатками и дрофами. Так что, если остров и не был обитаем, то во всяком случае на нем можно было жить. Без сомнения, Робур мог бы опуститься на остров, и если он этого не сделал, то, очевидно, потому, что сильно пересеченная местность затруднила бы посадку воздушного корабля.

Торопясь продолжить полет, инженер приказал немедленно приступить к ремонтным работам, надеясь закончить их за один день. Подъемные винты, безотказно действовавшие во время урагана, который, как мы уже говорили, в большой мере облегчал их работу, находились в превосходном состоянии. Сейчас вращалась только половина винтов, и этого было достаточно, чтобы канат, удерживавший воздушный корабль над островом, оставался натянутым, как струна. Но оба гребных

винта были повреждены и даже серьезнее, чем полагал Робур. Необходимо было выпрямить погнувшиеся лопасти и привести в порядок зубчатую передачу, сообщавшую им вращательное движение.

Экипаж под руководством самого Робура и Тома Тэрнера занялся сначала передним винтом. Следовало прежде всего исправить этот винт — на тот случай, если бы «Альбатросу» пришлось продолжать путь до завершения ремонтных работ. Лететь можно было смело и с одним передним винтом.

Между тем дядюшка Прудент и его коллега, которые перед тем прогуливались по палубе, устроились на корме.

Что касается Фриколина, то он почти совсем успокоился. Судите сами, какая перемена! Находиться всего лишь в ста пятидесяти футах от земли!

Работы продолжались безостановочно до той минуты, когда солнце вошло над горизонтом, что позволило сначала определить часовой угол, а затем, когда дневное светило достигло своего зенита, вычислить истинный полдень места.

В результате обсервации, произведенной с величайшей точностью, были получены следующие данные: долгота — $176^{\circ}17'$ к востоку от Парижского меридиана, широта — $43^{\circ}37'$ к югу от экватора.

В этом месте на карте нанесены остров Чатам и островок Вифф, входящие в группу, известную под

названием островов Броутона. Группа эта расположена в пятнадцати градусах к востоку от Тауай-Поману, самого южного острова Новой Зеландии, находящегося в южной части Тихого океана.

— Мы приблизительно там, где я и предполагал, — заметил Робур Тому Тэрнеру.

— Стало быть, мы сейчас...

— В сорока шести градусах к югу от острова Икс, другими словами, на расстоянии двух тысяч восьмисот миль от него.

— Еще одна причина, чтобы быстрее починить гребные винты, — отвечал боцман. — По пути мы можем столкнуться со встречными ветрами, и так как наши запасы уже на исходе, нам надо как можно скорее добраться до острова Икс.

— Верно, Том, и я рассчитываю снова пуститься в путь этой же ночью; в крайнем случае мы полетим с одним передним винтом, а другой исправим в дороге.

— Мистер Робур, — осведомился Том Тэрнер, — а как же оба джентльмена и их слуга?..

— Том Тэрнер, — отвечал инженер, — разве плохо для них, если они станут колонистами острова Икс?

Но что же это был за таинственный остров? Затерянный в бесконечных просторах Тихого океана, где-то между экватором и тропиком Рака, остров Икс вполне оправдывал данное ему Робуром алгебраическое обозначение. Он возвышался над

волнами обширного Маркизского моря вдали от всех океанских пароходных линий. Именно здесь и основал Робур свою маленькую колонию, именно сюда прилетал отдыхать «Альбатрос», когда уставал от полетов, именно тут он пополнял запасы всего, в чем нуждался для своих постоянных путешествий. Затратив большие средства, Робур соорудил на острове Икс специальную верфь, где и построил свой воздушный корабль. Здесь он всегда мог его починить и даже переделать. На складах острова хранились материалы, боевые припасы и провизия, которые обеспечивали существование пятидесяти человек, составлявших все его население.

Когда несколько дней назад «Альбатрос» огибал мыс Горн, Робур намеревался вернуться на остров Икс, пролетев наискось над Тихим океаном. Но сначала его вовлек в свой круговорот циклон, а затем ураган помчал его над Антарктидой. Но в конце концов воздушный корабль нашел свое прежнее направление, и если бы не поломка гребных винтов, то непредвиденная задержка не имела бы для него серьезного значения.

Итак, воздушный корабль должен был вскоре возвратиться на остров Икс. Но, как сказал боцман Том Тэрнер, ему предстоял еще немалый путь. В дороге могли встретиться неблагоприятные ветры, и «Альбатросу» потребовалась бы вся мощь его машин, чтобы прибыть к месту назначения в намеченный срок. При удовлетворительной погоде и средней

скорости этот перелет должен был занять всего три-четыре дня.

Вот почему Робур и принял решение сделать остановку у острова Чатам. Здесь он мог в наиболее благоприятных условиях починить по крайней мере передний гребной винт. Бросив якорь, он больше не опасался встречного ветра, который грозил бы отнести воздушный корабль к югу, в то время как ему надо было лететь на север. К наступлению ночи ремонт винта должен быть закончен, и тогда, искусно маневрируя, можно будет освободить из грунта якорь. Но, если он уж слишком крепко застрял между скалами, придется обрубить канат и затем продолжать путь к экватору.

Читатель согласится, что это был самый простой и самый правильный образ действий, и инженер вовремя взялся за дело.

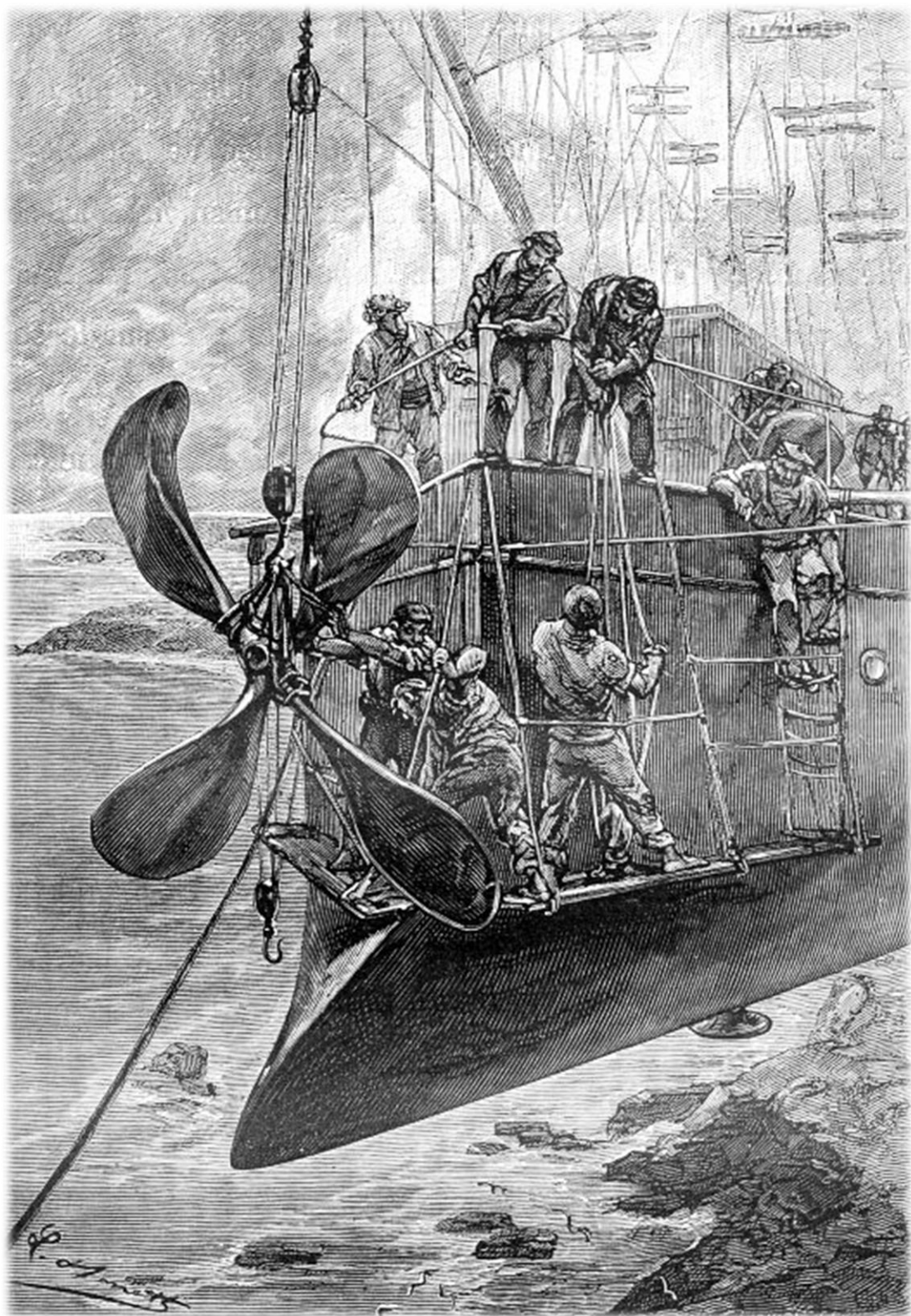
Команда «Альбатроса», понимая, что нельзя терять ни минуты, горячо принялась за работу. В то время как люди трудились на носу воздушного корабля, дядюшка Прудент и Фил Эванс вели между собой разговор, который имел исключительно важные последствия.

— Фил Эванс, — проговорил дядюшка Прудент, — готовы ли вы по-прежнему, как и я, принести в жертву свою жизнь?

— Да, готов!

— Я снова спрашиваю вас: согласны ли вы, что нам нечего ждать добра от этого Робура?

— Согласен.

«...люди трудились на носу воздушного корабля...

— Так вот, Фил Эванс, я окончательно принял решение. «Альбатрос», очевидно, двинется в путь сегодня же вечером, и мы должны еще до наступления утра привести свой план в исполнение. Мы обломаем крылья птице инженера Робура! Этой ночью «Альбатрос» взорвется в воздухе!

— Да, взорвем его! — подтвердил Фил Эванс.

На этот раз коллеги пришли к полному согласию и с одинаковым хладнокровием готовы были встретить ожидавшую их ужасную гибель.

— Есть ли у вас все необходимое?.. — спросил Фил Эванс.

— Да!.. Прошлой ночью, когда Робур и его люди были поглощены спасением воздушного корабля, мне удалось незаметно проскользнуть в пороховой склад и вынести оттуда динамитный патрон!

— Давайте же действовать, дядюшка Прудент...

— Нет,ждемся вечера! С наступлением ночи мы возвратимся в каюту, и вы посторожите, чтобы меня не захватили врасплох!

Часов в шесть вечера узники, как обычно, пообедали. Двумя часами позже они удалились к себе в каюту, сделав вид, что собираются пораньше лечь спать, чтобы отдохнуть после бессонной ночи.

Ни Робур, ни его товарищи и не подозревали, какая опасность грозит «Альбатросу».

Вот как собирался действовать дядюшка Прудент.

Как уже известно с его слов, ему удалось проникнуть в пороховой склад, расположенный в

одном из помещений под палубой воздушного корабля. Там он захватил некоторое количество пороха и динамитный патрон, вроде тех, что инженер применял в Дагомее. Возвратившись в свою каюту, он тщательно припрятал этот патрон, с помощью которого задумал взорвать ночью «Альбатрос», когда тот снова двинется в путь.

Фил Эванс внимательно осмотрел взрывчатый снаряд, похищенный его спутником.

То был цилиндр, металлическая оболочка которого содержала около килограмма взрывчатого вещества; такого количества было вполне достаточно, чтобы серьезно повредить летательный аппарат и вывести из строя его винты. Если бы корпус воздушного корабля и не был полностью разрушен силой взрыва, то стремительное падение «Альбатроса» неизбежно привело бы его к гибели. Казалось, что могло быть проще? Надо только положить патрон в угол каюты с таким расчетом, чтобы он, взорвавшись, разнес на куски палубу и повредил самый корпус воздушного корабля.

Однако, чтобы произвести взрыв, следовало сначала взорвать заряженный гремучей смесью капсюль, который находился в патроне. То была самая тонкая часть операции, ибо капсюль надо было поджечь в определенный, точно рассчитанный час.

Дядюшка Прудент все предусмотрел: как только передний гребной винт будет починен, воздушный корабль снова начнет свой полет на север; после

этого Робур и его люди, без сомнения, перейдут на корму, чтобы исправить задний винт. И тогда присутствие всего экипажа возле каюты может помешать выполнению замысла узников. Поэтому дядюшка Прудент решил произвести взрыв в нужный момент с помощью фитиля.

Он сказал Филу Эвансу:

— Вместе с динамитным патроном я захватил и немного пороху, чтобы изготовить фитиль, который будет гореть определенное время. Этот фитиль, опущенный в гремучую смесь капсюля, я подожгу ровно в полночь с тем, чтобы взрыв произошел между тремя и четырьмя часами утра.

— Великолепно придумано! — ответил Фил Эванс.

Вот до чего дошли председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества! Они самым хладнокровным образом обсуждали ужасный план уничтожения воздушного корабля, хотя эта катастрофа должна была привести и к их собственной гибели. Но в сердцах пленников кипела такая ненависть к Робуру и его товарищам, что они готовы были заплатить жизнью, лишь бы уничтожить и «Альбатрос» и всю его команду. Пусть этот план был безрассудным, даже отвратительным! Но они пришли к нему из-за того унижительного существования, которое вели последние пять недель, когда их все время душили бессильный гнев и не находившая себе выхода ярость!

— А как же Фриколлин? — спохватился Фил Эванс. — Имеем ли мы право распоряжаться его жизнью?

— Но мы ведь приносим в жертву и свою собственную! — ответил дядюшка Прудент.

Вряд ли Фриколлин нашел бы этот довод достаточно убедительным!

Дядюшка Прудент немедленно приступил к делу, в то время как Фил Эванс стоял на страже у входа в рубку.

Впрочем, члены экипажа все время находились на носу «Альбатроса», и узникам нечего было опасаться, что их застигнут врасплох.

Дядюшка Прудент прежде всего растер немного пороха, превратив его в тончайший порошок. Слегка смочив его, он всыпал порошок в узкий парусиновый мешочек, напоминавший по форме фитиль. Затем он поджег его и убедился, что за десять минут сгорает пять сантиметров фитиля, иначе говоря метр фитиля — за три с половиной часа. После этого он потушил фитиль, плотно обмотал его веревкой и прикрепил полученный таким образом шнур к капсулю динамитного патрона.

Он закончил работу к десяти часам вечера, и никто ничего не заметил.

В это время Фил Эванс вошел в каюту к своему коллеге.

Весь день экипаж был занят починкой переднего винта. При этом пришлось вытащить винт на палубу, чтобы исправить погнувшиеся лопасти.

Что касается батарей и аккумуляторов, то ни один из источников энергии на «Альбатросе» не пострадал во время урагана. Они могли бесперебойно питать ток двигателя воздушного корабля еще четыре-пять дней.

Уже наступила ночь, когда Робур и его люди приостановили работу. Передний гребной винт еще не был водружен на место. Чтобы пустить его в ход, требовалось не меньше трех часов. Поэтому, переговорив с Томом Тэрнером, инженер решил дать короткий отдых экипажу, изнемогавшему от усталости. Работу решили закончить рано утром, тем более что фонари давали недостаточно света и при дневном освещении было куда легче завершить самую тонкую часть дела — сборку винта.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс и не подозревали об этом. Из разговора Робура с Томом Тэрнером коллеги заключили, что передний гребной винт будет исправлен до наступления ночи и «Альбатрос» тут же продолжит свой путь на север. Они думали, что воздушный корабль уже пришел в движение, в то время как он все еще прочно держался на якоре; вследствие этого события приняли совсем иной оборот, чем они предполагали.

Была пасмурная безлунная ночь. Сплошные тучи делали мрак еще непрогляднее. Поднимался легкий бриз. Несколько раз с юго-запада налетал

порывистый ветер, но он был не в силах увлечь за собой воздушный корабль, который неподвижно висел над островом, укрепленный на вертикально натянутом канате с якорем на конце.

Дядюшка Прудент и его коллега, сидя у себя в каюте, изредка перебрасывались словами и внимательно прислушивались к вибрирующему звуку подъемных винтов, который покрывал все остальные звуки на борту «Альбатроса». Они ожидали наступления минуты, когда можно будет действовать.

Время близилось к полуночи.

— Пора! — воскликнул дядюшка Прудент.

В каюте под кушеткой был устроен выдвижной ящик. В него дядюшка Прудент и положил динамитный патрон, снабженный фитилем. Здесь фитиль мог незаметно тлеть, и никто бы не услышал ни потрескивания, ни запаха. Дядюшка Прудент поджег конец шнура, задвинул ящик и воскликнул:

— А теперь — на корму, и вооружимся терпением!

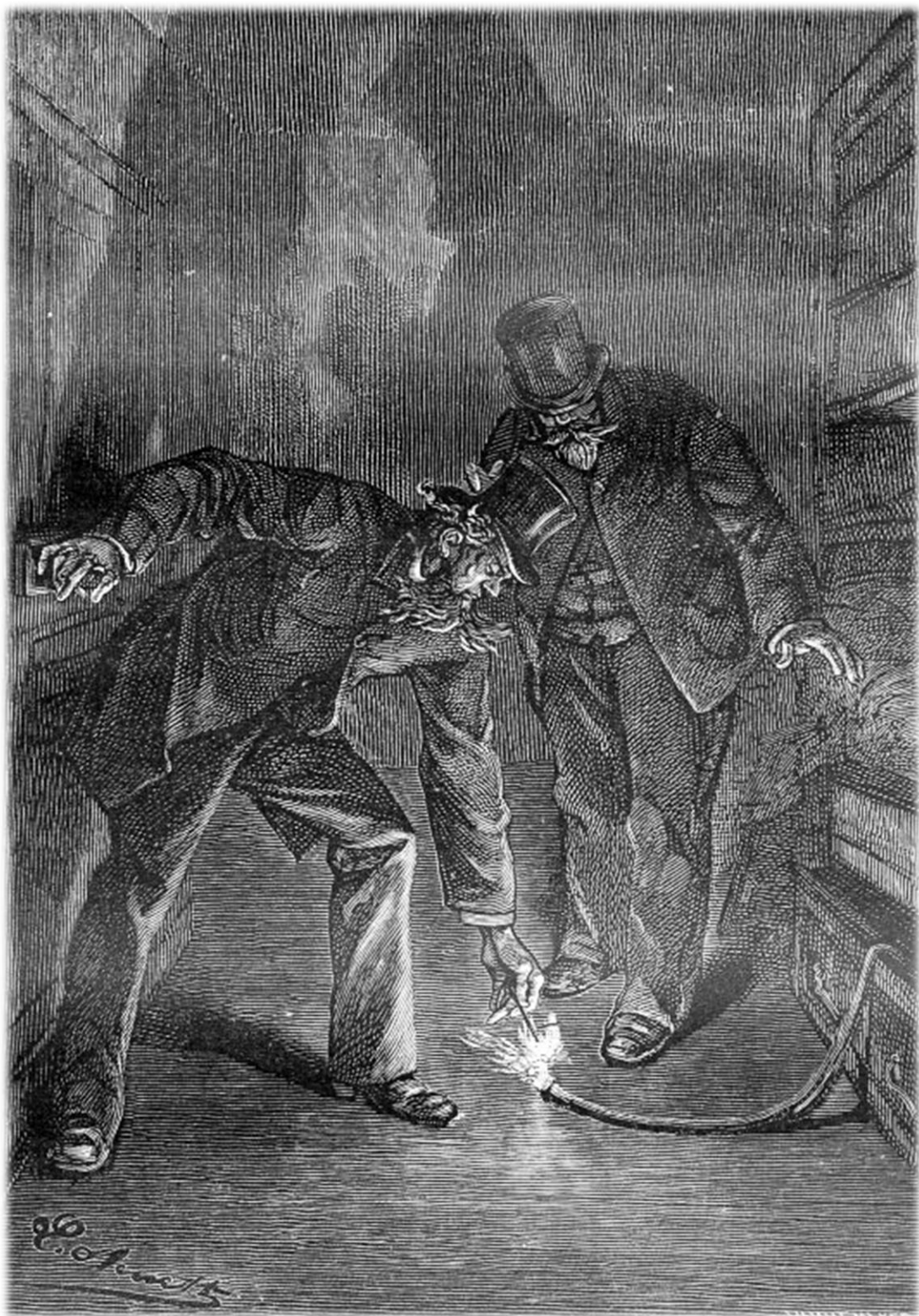
Оба вышли на палубу и с изумлением увидели, что у руля никого нет.

Фил Эванс наклонился над перилами.

— «Альбатрос» все еще на прежнем месте! — прошептал он. — По-видимому, они не закончили починку!.. И не смогли двинуться в путь!

Дядюшка Прудент жестом выразил досаду.

— Придется погасить фитиль, — проговорил он.

«Дядюшка Прудент поджег конец шнура...»

— Нет!.. Надо попытаться спастись, — возразил Фил Эванс.

— Спасти́сь?

— Да!.. По канату; ведь сейчас ночь!.. Спуститься на сто пятьдесят футов ничего не стоит!

— Вы правы. Фил Эванс, и было бы глупо не воспользоваться этой неожиданной возможностью!

Но прежде они возвратились в каюту и захватили с собой все, что могли унести, на случай более или менее продолжительного пребывания на острове Чатам; затем, заперев дверь, бесшумно двинулись к носовой части палубы.

Они собирались разбудить Фриколина и заставить его бежать вместе с ними.

Царила глубокая тьма. Облака на юго-западе начали редеть. Воздушный корабль слегка покачивался на якоре, и державший его канат немного отклонился от вертикальной линии. Стало быть, спускаться будет нелегко! Но разве могло это остановить людей, которые только что не колеблясь поставили свою жизнь на карту!

Дядюшка Прудент и Фил Эванс осторожно пробирались по палубе, прячась за рубками и прислушиваясь к малейшему шуму. Но все было тихо. В иллюминаторах не видно было света. На борту воздушного корабля стояла такая тишина, какая бывает только ночью, когда все погружено в сон.

Пленники уже приближались к каюте Фриколина, как вдруг Фил Эванс остановился.

— Вахтенный! — прошептал он.

В самом деле, какой-то человек растянулся перед рубкой. По-видимому, он только дремал. Если бы он поднял тревогу, попытка к бегству сорвалась бы.

Вокруг валялись веревки, куски парусины и пакля, которыми пользовались при исправления винта.

Мгновение спустя вахтенный был привязан к перилам палубы. Голова его была закутана парусиной, в рот вставлен кляп. Он не мог ни крикнуть, ни пошевелиться.

Все это было сделано почти бесшумно.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс прислушались, В рубках было тихо. Люди на борту спали.

Беглецы — теперь их уже можно так назвать — приблизились к каюте, занимаемой Фриколлином. Из рубки доносился громкий храп Франсуа Тапажа, достойный его фамилии; это их успокоило.

К величайшему удивлению дядюшки Прудента, ему не пришлось даже открывать дверь в каюту Фриколлина: она была распахнута настежь. Заглянув в нее, он повернулся к своему спутнику и тихонько воскликнул:

— Никого!

— Никого?.. Но где же он? — прошептал Фил Эванс.

Крадучись, они пробрались на нос, думая, что негр спит, забившись в какое-нибудь укромное местечко...

Фриколлина не было и там.

— Неужели мошенник опередил нас?! — возмутился дядюшка Прудент.

— Как бы то ни было, — ответил Фил Эванс, — дольше мешкать нельзя! Вперед!

Ни секунды не колеблясь, беглецы один за другим взялись обеими руками за канат, обхватили его ногами и, осторожно соскользнув вниз, благополучно достигли земли.

С какой радостью ощутили они под ногами твердую почву, о которой так тосковали! Какое счастье ступать по земле, не чувствуя себя больше игрушкой воздушной стихии!

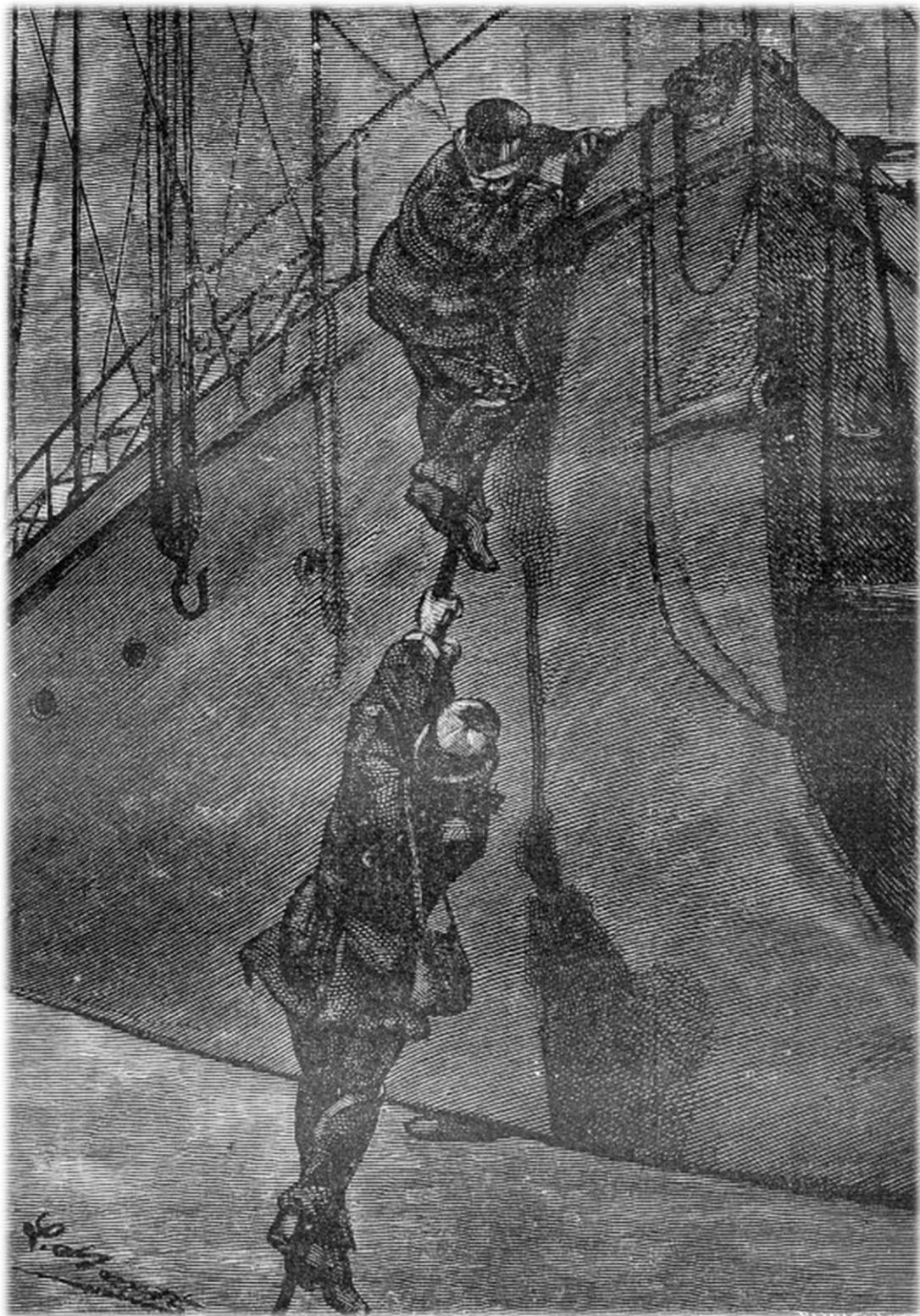
Они уже приготовились двинуться в глубь острова, следуя вверх по течению реки, как вдруг перед ними возникла какая-то тень.

Это был Фриколлин.

Да! Слуге пришла в голову та же мысль, что и его господину, и у Фриколлина хватило дерзости опередить дядюшку Прудента, даже не сказав ему об этом.

Однако теперь было не до препирательств. Дядюшка Прудент уже собирался заняться поисками пристанища в отдаленной части острова, когда Фил Эванс остановил его.

— Выслушайте меня, дядюшка Прудент, — заговорил он. — Мы, наконец, вырвались из рук Робура. Теперь он вместе со всем экипажем «Альбатроса» обречен на страшную смерть. Он ее заслужил, согласен! Но если он поклянется честью, что не станет пытаться вновь захватить нас...

*«...беглецы один за другим взялись
обеими руками за канат..»*

— Честь подобного человека...

Дядюшка Прудент не успел договорить. На борту «Альбатроса» возникло какое-то движение.

По-видимому, началась тревога, и побег должен был вот-вот обнаружиться.

— Ко мне!.. Ко мне!.. — слышался чей-то крик.

То был вахтенный, которому удалось вытолкнуть кляп изо рта. На палубе замечались люди. И почти тотчас же лучи электрических фонарей осветили широкую полосу земли.

— Вот они!.. Вот они!.. — закричал Том Тэрнер.

Беглецов заметили.

В то же мгновение, по приказу Робура, движение подъемных винтов замедлилось, люди на «Альбатросе» начали быстро вытягивать канат, и воздушный корабль стал опускаться к земле.

И тут отчетливо прозвучал голос Фила Эванса:

— Инженер Робур, клянетесь ли вы честью оставить нас в покое на этом острове?..

— Никогда!.. — вскричал Робур.

И вслед за этим раздался ружейный выстрел. Пуля скользнула по плечу Фила Эванса.

— Негодяи! — завопил дядюшка Прудент.

И, сжимая в руке нож, он кинулся к скалам, между которыми засел якорь. Воздушный корабль был всего лишь в пятидесяти футах от земли...

В мгновение ока канат был перерезан, и заметно посвежевший ветер, налетев сбоку на «Альбатрос», подхватил его и понес над океаном в северо-восточном направлении.

*«Воздушный корабль был всего лишь
в пятидесяти футах от земли...»*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, которая, возможно, оставит читателя в прискорбной неизвестности

 было двадцать минут первого ночи. Еще пять-шесть ружейных выстрелов раздались с воздушного корабля. Дядюшка Прудент и Фриколлин, поддерживая Фила Эванса, бросились под защиту скал. Пули их не задели. Пока им больше нечего было опасаться.

Удаляясь от острова Чатам, «Альбатрос» одновременно набирал высоту и вскоре оказался в девятистах метрах над уровнем моря. Ему пришлось увеличить быстроту вращения подъемных винтов, чтобы не упасть в воду.

Едва вахтенный, освободившись от кляпа, испустил первый крик, Робур и Том Тэрнер бросились к нему, сорвали парусину, которой была обмотана его голова, и перерезали стягивавшие его путы. Затем боцман кинулся в каюту дядюшки Прудента и Фила Эванса: она была пуста!

Франсуа Тапаж, со своей стороны, обшарил каюту Фриколина; в ней также никого не было!

Убедившись, что узники ускользнули, Робур пришел в страшную ярость. Ведь бегство дядюшки

Прудента и Фила Эванса означало, что теперь все узнают секрет его изобретения и тайну его личности. Инженера не особенно тревожил документ, сброшенный пленниками во время полета над Европой: можно было надеяться, что он затеряется при падении!.. Но сейчас!..

Немного успокоившись, Робур воскликнул:

— Они удрали, ну что ж! Все равно им не удрать с острова Чатам раньше, чем через несколько дней, а к тому времени я возвращусь!.. Я разыщу их!.. И захвачу вновь!.. А тогда...

В самом деле, беглецы еще далеко не были в безопасности. Робур, исправив повреждения, не замедлит вернуться на остров Чатам, покинуть который им удастся не так-то скоро. Не пройдет и дня, как они снова окажутся в руках инженера.

Не пройдет и дня! Но ведь не пройдет и двух часов, как «Альбатрос» будет уничтожен! Разве спрятанный в его корпусе динамитный патрон не должен, подобно адской машине, взорвать его в воздухе?

Тем временем ветер крепчал, и воздушный корабль относило все дальше на северо-восток. Несмотря на то, что скорость полета была весьма умеренна, «Альбатрос» должен был к утру потерять остров Чатам из виду.

Воздушный корабль мог бы бороться с ветром лишь в том случае, если оба его гребных винта, или хотя бы один, передний, работали бесперебойно.

— Том, — приказал инженер, — дай полный свет в фонари!

— Слушаюсь, мистер Робур.

— И все за дело!

— Есть, все за дело! — повторил боцман.

Теперь не могло быть и речи о том, чтобы отложить работу на утро. Никто не жаловался на усталость! Среди экипажа «Альбатроса» не было ни одного человека, который не разделял бы негодования своего командира! Люди были готовы на все, лишь бы вновь захватить беглецов. Как только передний винт будет водружен на место, воздушный корабль опять возвратится к острову Чатам, опять бросит там якорь, и тогда начнется охота за пленниками. Лишь после этого команда приступит к исправлению заднего винта, а затем летательный аппарат в полной безопасности отправится над просторами Тихого океана в обратный путь к острову Икс.

Но пока было очень важно, чтобы «Альбатрос» не отнесло слишком далеко от острова. Однако, к досаде команды, бриз все усиливался, и воздушный корабль уже не мог не только двигаться против ветра, но даже оставаться на месте. Лишившись на время своих гребных винтов, он был теперь так же беспомощен, как неуправляемый воздушный шар. Беглецы, стоявшие на побережье, поняли, что «Альбатрос» исчезнет из виду раньше, чем взрыв разнесет его на части.

Создавшееся положение сильно тревожило Робура, ибо оно грозило сорвать ему план мести. Не слишком ли замедлится возвращение на остров Чатам? Поэтому, не прекращая ремонтных работ, Робур решил спуститься в нижние слои атмосферы, надеясь, что скорость воздушных течений там меньше. Быть может, в этой зоне «Альбатросу» удастся удержаться на месте, пока он вновь не обретет прежнюю силу, чтобы справиться с напором ветра.

Воздушный корабль начал снижаться. Море в то время было пустынно. Иначе экипаж любого судна, оказавшегося поблизости, при виде маневров залитого электрическим светом «Альбатроса» был бы объят суеверным страхом!

«Альбатрос» остановился всего в нескольких сотнях футов над поверхностью океана. К своему сожалению, Робур убедился, что в нижних слоях атмосферы ветер дул еще сильнее, и воздушный корабль относил с еще большей скоростью. Ему угрожала опасность оказаться далеко на северо-востоке, что задержало бы его возвращение на остров Чатам.

В конце концов, после различных маневров, Робуру стало ясно, что выгоднее всего оставаться в верхних слоях атмосферы, где ветер дул слабее. Поэтому «Альбатрос» вновь поднялся на высоту примерно в три тысячи метров. Правда, и здесь ему не удавалось держаться на месте, но все же его движение замедлилось. Таким образом, инженер мог

рассчитывать, что, оставаясь на этой высоте, он до рассвета не потеряет из виду острова, координаты которого он к тому же определил самым тщательным образом.

Робура совершенно не занимало, какой прием встретят беглецы у туземцев в том случае, если остров обитаем. Его мало тревожило и то, что туземцы могут оказать поддержку его узникам: при помощи оружия, имевшегося на борту «Альбатроса», их нетрудно будет испугать и обратить в бегство. Словом, инженер ни на минуту не сомневался в том, что беглецы будут пойманы и снова окажутся в его власти...

— Ну, а с острова Икс не убегают, — проговорил он вслух.

К часу ночи передний гребной винт был исправлен. Следовало только установить его на место, для чего требовалось не меньше часа. Затем «Альбатрос» возьмет курс на юго-запад, и люди смогут приступить к починке заднего винта.

А между тем в опустевшей каюте по-прежнему тлел фитиль! Он уже почти наполовину сгорел, и искра неотвратимо приближалась к динамитному патрону!

Без сомнения, если бы люди не были так поглощены работой, кто-нибудь из членов экипажа услышал бы слабое потрескивание, которое доносилось из глубины каюты. Быть может, кто-нибудь ощутил бы запах горящего пороха. Он поднял бы тревогу и предупредил инженера или Тома

Тэрнера. Стали бы доискиваться причины и обнаружили бы, что в ящике под кушеткой спрятан взрывной снаряд... И тогда еще можно было бы спасти чудесный «Альбатрос» и тех, кто находился на его борту!

Но все столпились в носовой части палубы, другими словами, метрах в двадцати от каюты беглецов. Ничто не могло отвлечь их от дела, целиком поглощавшего их внимание, ничто не требовало их присутствия на корме.

Робур также был на носу «Альбатроса». Искусный механик, он сам руководил установкой винта. Он торопил работавших, но внимательно следил за каждой мелочью, за тем, чтобы все было сделано самым тщательным образом! Инженер хотел добиться, чтобы летательный аппарат вновь безотказно подчинялся ему. Ведь если он не захватит беглецов, они в конце концов возвратятся на родину. Начнутся розыски — и остров Икс будет, вероятно, обнаружен. А тогда — конец тому существованию, которое создал себе экипаж «Альбатроса», — существованию завидному, недоступному простым смертным!..

Том Тэрнер подошел к инженеру. Часы показывали четверть второго.

— Мистер Робур, — сказал он, — сдается мне, что ветер немного стихает, и теперь он дует прямо на запад.

— А что говорит барометр? — спросил Робур, окидывая взглядом небо.

— Стоит почти на одной точке, — ответил боцман, — однако тучи под «Альбатросом» сгустились.

— Верно, Том, и я думаю, что над поверхностью моря льет дождь. Но ведь мы — над полосой дождя, и это нас не должно тревожить! Он не мешает нам закончить работу.

— Если там и идет дождь, — продолжал Том Тэрнер, — то, наверно, мелкий, судя по форме туч. И, возможно, внизу ветер скоро совсем стихнет.

— Я тоже так думаю. Том! И все же предпочитаю пока не спускаться. Сначала исправим все повреждения, — это самое важное, а тогда полетим куда угодно.

В начале третьего основная часть работы была закончена. Передний винт был водружен на место, питавшие его батареи приведены в действие. Лопasti винта завертелись, и «Альбатрос», повернув на юго-запад, со средней скоростью полетел к острову Чатам.

— Том, — заметил Робур, — примерно два с половиной часа нас относило на северо-восток. Ветер не переменился, в чем я убедился, сверившись с компасом. И я полагаю, что мы доберемся до острова Чатам не больше чем за час.

— И я так думаю, мистер Робур, — ответил боцман, — мы делаем сейчас около двенадцати метров в секунду. Между тремя и четырьмя часами утра «Альбатрос» снова будет над этим островом.

— Вот и прекрасно! — ответил инженер. — Для нас лучше прилететь туда ночью и совершить посадку незаметно. Беглецы будут думать, что мы еще далеко на севере, и не примут мер предосторожности. Когда «Альбатрос» опустится к самой земле, мы постараемся спрятать его за высокими прибрежными скалами. Затем, если даже придется пробыть несколько дней-на острове...

— Мы пробудем сколько понадобится, мистер Робур, и если надо будет сражаться против целого туземного войска...

— Мы будем сражаться. Том, мы будем сражаться во славу нашего «Альбатроса»!

И повернувшись к людям, ожидавшим новых распоряжений, инженер воскликнул:

— Друзья мои, еще не время отдыхать! Придется поработать до рассвета.

Все с готовностью согласились.

Теперь предстояло устранить поломки заднего гребного винта, так же как это было сделано с передним. И здесь причина повреждений была та же: неистовые удары урагана во время перелета над Антарктидой.

Чтобы легче было снять задний винт и вытащить его на палубу, пришлось на несколько минут приостановить полет «Альбатроса» и даже придать ему попятное движение. По приказу Робура помощник механика заставил передний винт вращаться в обратном направлении. Воздушному

кораблю дали «задний ход», если здесь уместно употребить выражение из морского лексикона.

Все уже собрались перейти на корму, как вдруг Том Тэрнер почувствовал какой-то странный запах.

То был запах газов, скопившихся в ящике от горевшего фитиля, и доносился он из каюты беглецов.

— Это еще что? — воскликнул боцман.

— Что такое? — спросил Робур.

— Слышите запах?.. Несет пороховой гарью.

— В самом деле. Том!

— И запах этот идет из задней рубки!

— Да... Из этой самой каюты...

— Неужели эти негодяи подожгли?..

— Хорошо, если только подожгли!.. — перебил Робур. — Выбей дверь, Том, выбей дверь!

Но едва боцман двинулся на корму, как ужасный взрыв потряс до основания воздушный корабль. Рубки разлетелись на куски. Фонари погасли, ибо подача электрического тока сразу прекратилась, и воцарилась полная тьма. Большая часть подъемных винтов, по» гнутых или сломанных, вышла из строя, однако несколько винтов в носовой части палубы еще продолжали вращаться.

Внезапно корпус воздушного корабля раскололся позади носовой рубки, в которой помещались аккумуляторы, приводившие в действие передний гребной винт; и в ту же секунду вся задняя часть «Альбатроса» обрушилась в пространство. Почти тотчас же остановились последние подъемные

винты, и воздушный корабль стремительно понесся в пучину.

Восемь членов экипажа «Альбатроса» полетели вниз с высоты трех тысяч метров, уцепившись, подобно тонущим морякам, за обломок своего корабля!

Падение еще ускорялось потому, что передний гребной винт был сейчас направлен вертикально вниз и продолжал вращаться!

В эту страшную минуту Робур проявил исключительное хладнокровие: он добрался до полуразрушенной рубки, ухватился за рычаг, приводивший в движение винт, и изменил направление его вращения, так что из поступательного оно превратилось в тормозящее.

Теперь падение воздушного корабля немного замедлилось. «Альбатрос» уже не летел вниз с той непрерывно возрастающей скоростью, с какой падают на землю тела под влиянием силы тяжести. И хотя неминуемая гибель по-прежнему угрожала спасшимся от взрыва людям, так как они летели прямо в море, они по крайней мере избавились от опасности задохнуться, а ведь при прежней быстроте падения воздух становился непригодным для дыхания.

Через семьдесят секунд после взрыва волны океана поглотили все, что еще оставалось от «Альбатроса».

«Робур... добрался до полуразрушенной рубки...»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой сначала возвращаются на два месяца назад, а затем переносятся на девять месяцев вперед

есколькими неделями ранее, 13 июня, на следующий день после заседания Уэлдонского ученого общества, на котором происходили столь бурные споры, во всех слоях населения Филадельфии — и цветного и белого — царило неописуемое волнение.

Уже с самого утра все только и говорили о неожиданном скандале, который разыгрался накануне. Какой-то наглец, называвший себя инженером, человек неизвестного происхождения и неведомой национальности, с совершенно неправдоподобным именем Робур — Робур-Завоеватель, — явился без приглашения в зал заседаний, оскорбил всех сторонников воздушных шаров, опозорил воздухоплавателей и восхвалял чудесные свойства «аппаратов тяжелее воздуха»; его поведение вызвало страшную суматоху, крики и угрозы, а он в свою очередь угрожал присутствующим. В конце концов, покинув трибуну

под треск револьверных выстрелов, он бесследно исчез, и с тех пор, несмотря на все поиски, о нем больше ничего не слыхали.

Понятно, что все это давало обильную пищу языкам и подогревало воображение не только в Филадельфии, но и во всех остальных тридцати шести штатах Американской Федерации. И, говоря по правде. Старый Свет не отставал в этом отношении от Нового.

Но трудно передать, насколько возросло волнение, когда вечером 13 июня обнаружилось, что ни председатель, ни секретарь Уэлдонского ученого общества не вернулись домой. А ведь это были люди с положением, почтенные и благоразумные. Накануне они покинули зал заседаний с намерением спокойно возвратиться восвояси, ибо оба были холостяками и дома их не ожидало ничье нахмуренное лицо. Уж не уехали ли они куда-нибудь ненароком? Нет, во всяком случае из их слов никак нельзя было вывести подобное заключение. Напротив, они условились, что на следующий день снова займут свои места за столом президиума: один — в качестве председателя, другой — в качестве секретаря на заседании клуба, где должно было обсуждаться происшествие, случившееся накануне.

Бесследно исчезли не только эти видные жители штата Пенсильвания, но вместе с ними исчез и слуга Фриколин. Он точно в воду канул, как и его хозяин. Нет! Никогда еще ни один негр, после Туссена-Лувертюра, Сулука и Дессалина, не заставлял

столько говорить о себе. Ему предстояло вскоре занять достойное место как среди своих коллег, находившихся в услужении в лучших домах Филадельфии, так и среди тех чудаков, которым достаточно совершить какой-нибудь нелепый поступок, чтобы снискать себе известность в этой чудесной стране — Америке.

На следующий день — ничего нового. Ни коллеги, ни Фриколин не объявились. Серьезная тревога. Всеобщее волнение. Толпы, осаждающие здания почты и телеграфа, жаждут известий...

По-прежнему ничего нового.

И, однако, после заседания Уэлдонского ученого общества многие видели, как пропавшие вышли на улицу, громко разговаривая, как к ним присоединился поджидавший их Фриколин и как все трое двинулись затем по Уолнет-стрит, направляясь к Фэрмонт-парку.

Джем Сип, вегетарианец, даже пожал правую руку председателя, сказав при этом: «До завтра!»

А Уильям Т.Форбс, делавший патоку из тряпья, обменялся сердечным рукопожатием с Филом Эвансом, который дважды повторил: «До свиданья!.. До свиданья!..»

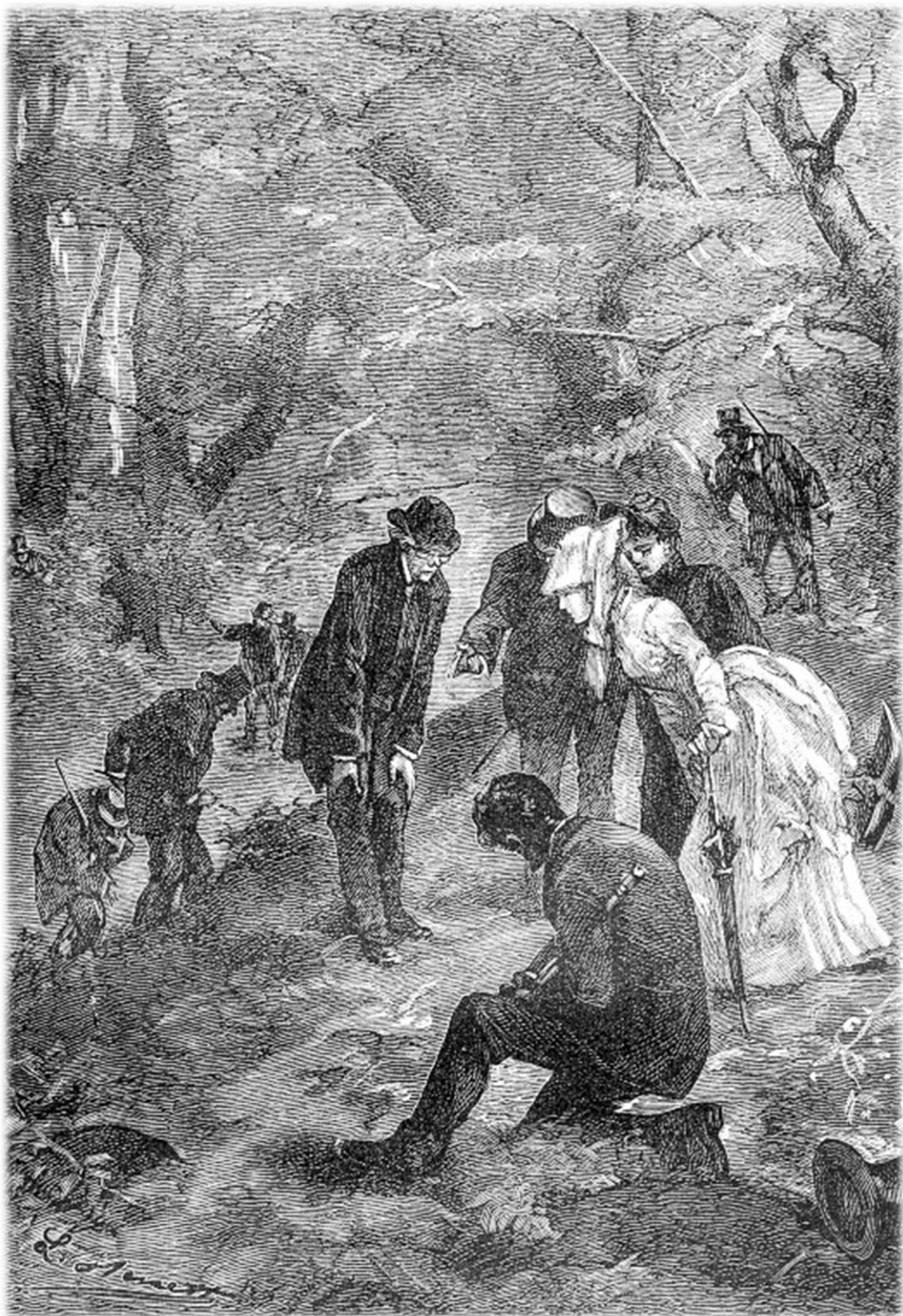
Мисс Долл и мисс Мэт Форбс, связанные с дядюшкой Прудентом узами чистейшей дружбы, не могли прийти в себя после его исчезновения и, стремясь узнать что-нибудь новое, тараторили еще больше обычного.

Так прошли три, четыре, пять, шесть дней, затем неделя... две недели... Никто не возвратился, и не было ни малейшего указания, которое могло бы навести на след исчезнувших.

Тем не менее произвели самые тщательные розыски во всем квартале... Ничего!.. Осмотрели все улицы, ведущие к порту... Ничего! Обшарили весь парк, густые рощи, заросли кустарника... Ничего! По-прежнему ничего!

Правда, заметили, что трава на просторной поляне недавно примята и при этом самым подозрительным образом, ибо нельзя было понять, кто ее примял! На опушке леса, окаймляющего поляну, обнаружили следы борьбы. По-видимому, дядюшка Прудент, Фил Эванс и Фриколин стали жертвами шайки злоумышленников, набросившихся на них поздней ночью посреди безлюдного парка.

Это было вполне возможно. Вот почему полиция приступила к розыскам с соблюдением всех формальностей и со всей приличествующей случаю медлительностью. Обыскали всю Скулкилл-ривер, обшарили ее дно, скосили густую траву, росшую по берегам этой реки. И если это не дало никаких результатов, то все же нельзя сказать, что вовсе не принесло пользы, ибо на берегах Скулкилл-ривер давно уже пора было скосить траву. Воспользовавшись розысками, заодно произвели и покос. Практичные люди «отцы» города Филадельфии!

*«На опушке леса, окаймляющего поляну,
обнаружили следы борьбы»*

Затем прибегли к помощи газет. Объявления, рекламации, чуть ли не рекламы были разосланы во все демократические и республиканские органы печати Соединенных Штатов, без различия направления. «Дейли Нигро» — газета негритянского населения — поместила портрет Фриколина, переснятый с его последней фотографии. Были обещаны награды и премии всякому, кто доставит какие-нибудь известия о пропавших, и даже тому, кто отыщет хоть малейшее указание, по которому можно будет напасть на их следы.

«Пять тысяч долларов! Пять тысяч долларов!.. Всякому, кто сообщит...»

Но все это ни к чему не привело. Пять тысяч долларов так и остались лежать в кассе Уэлдонского ученого общества.

«Пропали без вести! Пропали без вести! Дядюшка Прудент и Фил Эванс из Филадельфии пропали без вести!!!»

Нечего и говорить, что необъяснимое исчезновение председателя и секретаря поставило клуб воздухоплавателей в весьма затруднительное положение. И прежде всего общее собрание его членов постановило временно прекратить работу по созданию воздушного шара «Вперед», которая уже подходила к концу. Да и как было решиться достроить аэростат без главных застрельщиков этого предприятия, тех, кто посвятил ему часть своей жизни — свое время и деньги? Как было решиться

довести без них это дело до конца? Итак, приходилось ждать.

И вот как раз в это время вновь начались толки о загадочном явлении, которое так возбуждало умы несколько недель назад.

В самом деле, таинственный предмет снова не раз наблюдали, вернее, лишь мельком видели в верхних слоях атмосферы. Разумеется, никому и в голову не приходило искать связь между загадочным появлением таинственного тела и не менее загадочным исчезновением двух членов Уэлдонского ученого общества. Действительно, нужно было обладать незаурядной фантазией, чтобы как-то сблизить эти события.

Но так или иначе, астероид, болид или, если угодно, воздушное чудище вновь появилось и при таких обстоятельствах, которые позволили лучше определить его размеры и форму. В первый раз его видели на следующий день после исчезновения обоих воздухоплавателей в Канаде, над территорией, лежащей между Оттавой и Квебеком; затем во второй раз — над равнинами Дальнего Запада, где оно состязалось в скорости с поездом великой Тихоокеанской железной дороги.

С этого Дня сомнениям, царившим в мире ученых, пришел конец. Итак, загадочное тело не было создано природой, это — летательный аппарат, воплотивший на практике принципы теории «аппаратов тяжелее воздуха». И если создатель и владелец воздушного корабля все еще хранил в тайне

свое имя, то он, очевидно, уже не держал в секрете свою машину, раз он решился пролететь так низко над землями Дальнего Запада. Однако источники энергии, которая приводила в действие летательный аппарат, и устройство его механизмов оставались загадкой. Во всяком случае, одно было совершенно очевидно: воздушный корабль мог передвигаться с необыкновенной быстротой. В самом деле, несколько дней спустя его уже видели над Небесной империей, затем над северной частью Индостана и, наконец, над безбрежными степями России.

Кто же был этот дерзкий механик, создавший такой мощный летательный аппарат, что для него не существовало больше ни государственных границ, ни океанских пределов, и превративший земную атмосферу в собственное владение? Неужели тот самый Робур, который резко и смело высказал свои взгляды на заседании Уэлдонского ученого общества, явившись туда, чтобы не оставить камня на камне от теорий сторонников управляемых воздушных шаров?

Быть может, нескольким проницательным людям и приходило в голову такое предположение. Однако, как ни странно, никто и мысли не допускал, что вышеназванный Робур был хоть в какой-нибудь степени причастен к исчезновению председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества.

Словом, все это так и оставалось бы тайной, если бы 6 июля в одиннадцать часов тридцать семь минут

утра по нью-йоркскому телеграфу из Франции в Америку не прибыла некая депеша.

О чем же она извещала? В ней был передан текст документа, обнаруженного в табакерке, подобранной на парижской мостовой; документ этот сообщал о судьбе двух людей, по которым Американская Федерация собиралась уже надеть траур.

Итак, виновником похищения был Робур, инженер, прибывший в Филадельфию со специальной целью — раздавить в зародыше теорию сторонников воздушных шаров! Значит, это он был капитаном воздушного корабля «Альбатрос»! Значит, это он в отместку увез дядюшку Прудента и Фила Эванса, а заодно с ними и Фриколина! Этих людей следовало, очевидно, считать навеки погибшими, разве только друзьям удалось бы возвратить их на землю с помощью какого-нибудь героического средства, например, построив другой воздушный аппарат, способный вступить в поединок с мощной летательной машиной Робура!

Какое смятение! Какое замешательство! Депеша из Парижа была адресована президиуму Уэлдонского ученого общества. Членов клуба воздухоплавателей тотчас же с ней ознакомили. Десять минут спустя вся Филадельфия узнала эту новость благодаря телефону, а затем, меньше чем через час, о ней уже знала вся Америка, ибо известие с быстротой электрического тока разнеслось по бесчисленным телеграфным проводам Нового Света. Сообщению не хотели верить, а между тем оно было совершенно

достоверно. Должно быть, это выдумка какого-нибудь шутника дурного тона, говорили одни; «утка» самого низкого пошиба, утверждали другие. Как могло произойти подобное похищение в Филадельфии, да к тому же еще при таких таинственных обстоятельствах? Как удалось «Альбатросу» совершить посадку в Фэрмонт-парке? Почему никто не заметил, как он пролетел над штатом Пенсильвания?

Спору нет, это были веские доводы. Скептики имели все основания сомневаться. Но неделю спустя они их утратили. 13 июля французский пакетбот «Нормандия», бросивший якорь в водах Гудзона, доставил на борту знаменитую табакерку. Из Нью-Йорка ее спешно отправили в Филадельфию поездом.

Да! То была собственная табакерка председателя Уэлдонского ученого общества. Джему Сипу следовало в тот день поесть более плотно, ибо он едва не лишился чувств, когда ее увидел. Сколько раз он на правах друга брал из нее понюшку табака! Мисс Долл и мисс Мэт также признали эту табакерку, на которую они так часто взирали, в тайне надеясь рано или поздно погрузить в нее свои худые пальцы, пальцы старых дев! Затем табакерку осмотрели их отец Уильям Т.Форбс, Трак Милнор, Бэт Т.Файн и многие другие члены Уэлдонского ученого общества. Сколько раз они видели, как она раскрывалась и захлопывалась в руках их высокочтимого председателя! И, наконец, подлинность ее засвидетельствовали все бесчисленные друзья

дядюшки Прудента в славном городе Филадельфии¹⁷, само название которого означает, — и этого нельзя забывать, — что его обитатели любят друг друга, как братья.

Стало быть, отныне не оставалось и тени сомнений. Не только сама табакерка председателя, но и почерк, которым был написан документ, никому больше не позволяли недоверчиво покачивать головой. И тогда слышались громкие стенания; люди в отчаянии воздевали руки к небесам. Подумать только, дядюшка Прудент и его коллега увезены на летательном аппарате, и нет средства их спасти!

Компания Ниагарских водопадов, одним из крупнейших акционеров которой состоял дядюшка Прудент, чуть было не прекратила своей деятельности и не остановила водопады. «Уолтон Уотч компани» уже подумывала о закрытии часового завода, так как лишилась своего управляющего. Фила Эванса.

Да! Страна погрузилась в траур, можно без преувеличения сказать — во всеобщий траур, ибо за исключением нескольких горячих голов, которые встречаются даже и в Соединенных Штатах, никто больше не надеялся вновь увидеть двух достопочтенных сограждан.

Между тем, после того как «Альбатрос» пролетел над Парижем, о нем больше ничего не слышали.

¹⁷ По-гречески Филадельфия означает — братская любовь.

Несколько часов спустя его видели над Римом — вот и все! В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, с какой скоростью воздушный корабль пролетел над Европой, с севера на юг, и над Средиземным морем, с запада на восток. Поэтому на всем протяжении пути его не удалось увидеть ни в одну подзорную трубу. Напрасно все обсерватории заставляли людей проводить дни и ночи у наблюдательных приборов — летательная машина Робура-Завоевателя умчалась либо так далеко, либо так высоко, — быть может в Икарию, как он сам выражался, — что все потеряли надежду отыскать ее след.

Надо добавить, что, хотя над африканским побережьем воздушный корабль и летел с умеренной скоростью, никто не догадался разыскивать его в алжирском небе, ведь о документе тогда еще никому не было известно. Разумеется, «Альбатрос» был замечен над Тимбукту; но обсерватория этого прославленного города, — если в нем таковая имеется, — еще не успела сообщить в Европу о результатах своих наблюдений. Что же касается короля Дагомеи, то он скорее предпочел бы отрубить головы двадцати тысячам своих подданных, в том числе и министрам, нежели признать, что потерпел поражение в схватке с летательным аппаратом. Тут дело шло о его самолюбии!

Затем начался перелет через Атлантический океан, во время которого Робур достиг сперва Огненной Земли, а потом и мыса Горн. И наконец —

территория Антарктиды и обширная область Южного полюса, над которыми «Альбатрос» пронесся вопреки воле инженера. Ну, а уж из этих полярных земель ждать каких-либо известий не приходилось.

Миновал июль, а ни один человек не мог похвалиться, что он хоть раз своими глазами видел воздушный корабль.

Прошел и август, а мир по-прежнему пребывал в полной неизвестности относительно судьбы узников Робура. И многие спрашивали себя, не стал ли инженер по примеру Икара, самого древнего из упоминаемых в истории завоевателей воздуха, жертвой собственного безрассудства.

В таком же бесплодном ожидании прошли и двадцать семь дней сентября.

Как известно, люди ко всему привыкают. Человеческой натуре свойственно относиться все спокойнее и спокойнее к прошедшим горестям. Постепенно наступает забвение, ибо оно необходимо. Но на сей раз к чести человечества надо сказать, что оно не поддалось этой слабости. Нет! Оно не утратило интереса к судьбе двух белых и одного негра, вознесенных на небо, подобно Илье-пророку, с той только разницей, что библия не обещала им возвращения на землю.

Сочувствие к без вести пропавшим проявлялось в Филадельфии сильнее, чем в любом другом уголке мира. К тому же немалую роль здесь играли опасения личного свойства. Желая наказать своих противников, Робур вырвал дядюшку Прудента и

Фила Эванса из родной страны. Нечего и говорить, он жестоко отомстил за себя, хотя и действовал противозаконно. Но полагал ли он себя теперь удовлетворенным? Не обрушится ли его мщение и на коллег председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества? И кто мог считать себя в безопасности от покушений всесильного владыки воздушных просторов?

Вдруг 28 сентября неожиданная весть облетела весь город: дядюшка Прудент и Фил Эванс вновь появились после полудня в доме председателя Уэлдонского ученого общества.

И самым невероятным было то, что известие подтвердилось, хотя люди благоразумные ни за что не хотели этому поверить.

Однако и им пришлось сдаться перед очевидностью. То были собственной персоной пропавшие без вести воздухоплаватели, а отнюдь не их тени... Вернулся также и Фриколлин.

Члены клуба, затем их друзья и, наконец, просто толпы обывателей направились к дому дядюшки Прудента. Обоих коллег радостно приветствовали, все наперебой обнимали их под крики «гип-гип, ура!»

Среди собравшихся находились Джем Сип, которому пришлось прервать свой завтрак, не доев жаркое из вареного латука, а также Уильям Т.Форбс со своими дочерьми — мисс Долл и мисс Мэт. И если бы дядюшка Прудент был мормоном, он мог бы в тот день взять себе в жены их обеих; но он не был таковым и отнюдь не собирался им стать. Здесь

были, конечно, и Трак Милнор и Бэт Т.Файн — словом, все члены клуба. Многие и теперь еще с удивлением спрашивают себя, каким образом дядюшка Прудент и Фил Эванс остались в живых, совершив триумфальное шествие через весь город и тысячу раз переходя из объятий в объятия.

В тот же вечер в Уэлдонском ученом обществе должно было состояться очередное заседание. Все были уверены, что дядюшка Прудент и Фил Эванс займут свои места за столом президиума. И так как они еще ничего не поведали о своих приключениях, — быть может, им просто не дали этой возможности, — то все рассчитывали, что вечером они расскажут о своем необычайном путешествии со всеми подробностями.

До сих пор, по тем или иным соображениям, оба хранили молчание. Хранил полное молчание и слуга Фриколлин, которого его сородичи от восторга едва не разорвали на части.

Вот о чем не успели или не пожелали рассказать председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества.

Нет нужды возвращаться к событиям, которые, как помнит читатель, произошли в ночь с 27 на 28 июля: к смелому побегу дядюшки Прудента и Фила Эванса, к тому непередаваемому чувству, какое они испытали, ступив ногой на скалистое побережье острова Чатам, к ранению Фила Эванса, к тому, как был перерезан канат и поврежденный «Альбатрос», подхваченный юго-западным ветром, умчался в

просторы над океаном. Его зажженные электрические фонари позволяли еще некоторое время следить за тем, как он набирал высоту, но вскоре и эти огни исчезли из виду.

Беглецам больше нечего было опасаться. Как мог Робур возвратиться на остров, когда гребные винты воздушного корабля не работали и их нельзя было исправить раньше чем через три-четыре часа.

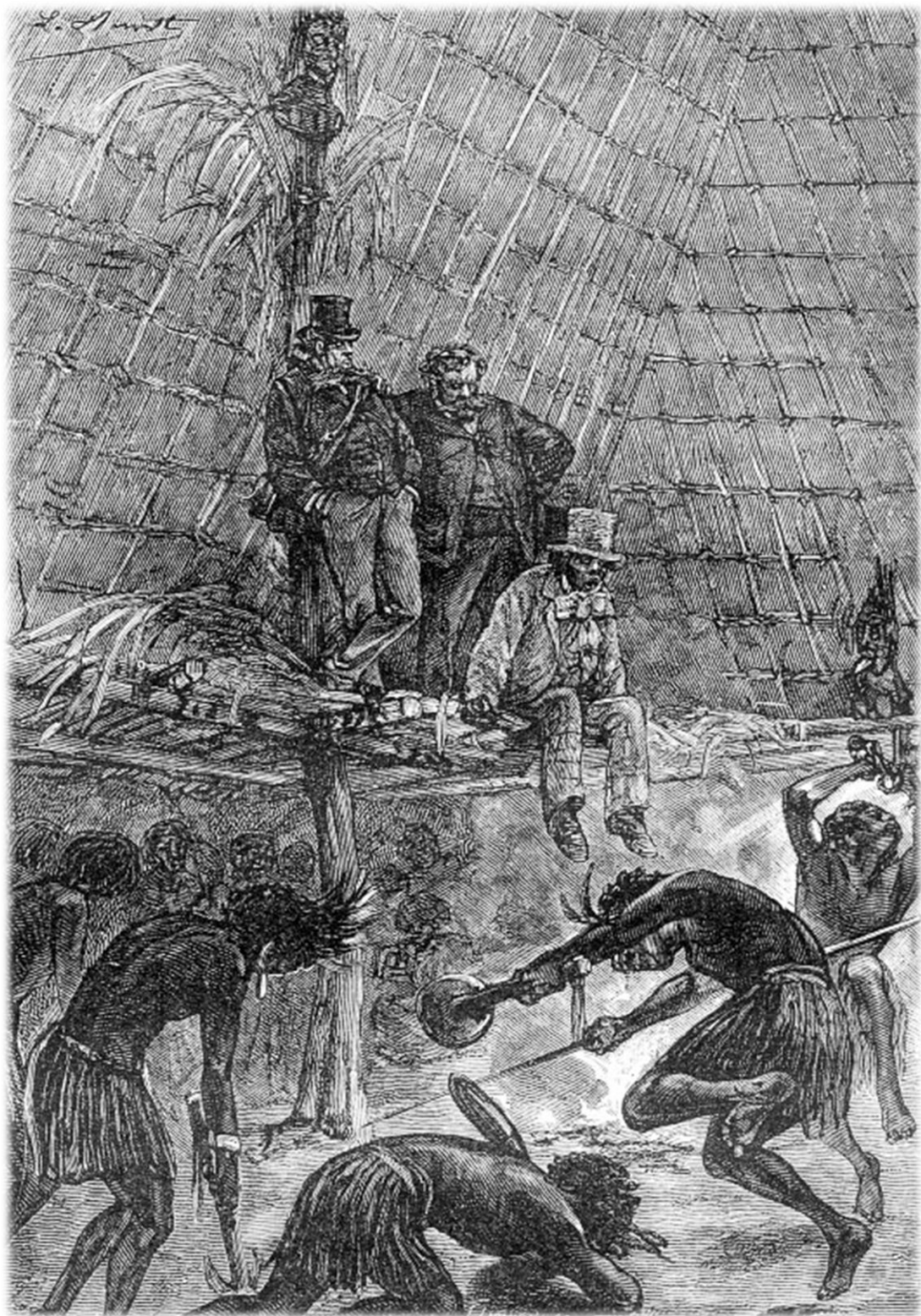
А к этому времени «Альбатрос», разрушенный взрывом, превратится в груды обломков, плавающих по волнам, а те, кто находится на его борту, станут трупами и найдут себе могилу на дне океана.

Никому не предотвратить ужасной мести!

Узники считали, что они действуют в порядке законной самозащиты, и не испытывали ни малейшего угрызения совести.

Пуля, посланная с «Альбатроса», лишь слегка оцарапала плечо Фила Эванса. И все трое поспешили в глубь острова, надеясь встретить каких-либо туземцев.

Их надежда оправдалась. На западном побережье они нашли человек пятьдесят местных жителей, промышлявших рыбной ловлей. Туземцы видели, как воздушный корабль снизился над их островом, и приняли беглецов за сверхъестественные существа: перед ними преклонялись, им почти что поклонялись, и поместили их в самой благоустроенной хижине. Фриколлину представился неповторимый случай сойти за бога чернокожих.

«...беглецов... поместили... в самой
благоустроенной хижине...»

Как и предвидели дядюшка Прудент и Фил Эванс, воздушный корабль не возвратился. Из этого они заключили, что катастрофа, должно быть, произошла в верхних слоях атмосферы. И, очевидно, никто больше не услышит ни об инженере Робуре, ни об удивительной машине, на которой он путешествовал со своими спутниками.

Теперь беглецам оставалось дожидаться okazji, чтобы вернуться в Америку. Надо сказать, что корабли редко заходят на остров Чатам. Так прошел весь август, и они уже спрашивали себя, не променяли ли одну неволю на другую; правда, Фриколлину пребывание на острове Чатам было куда больше по душе, чем жизнь в воздушной тюрьме.

Наконец, 3 сентября какой-то корабль подошел к острову, чтобы пополнить запасы пресной воды. Читатель, вероятно, не забыл, что у дядюшки Прудента в тот вечер, когда его похитили, было при себе несколько тысячедолларовых бумажек. Большого и не требовалось, чтобы добраться до Америки. Поблагодарив туземцев, которые на прощание выразили им свои самые почтительные чувства, дядюшка Прудент, Фил Эванс и Фриколлин взошли на борт судна, взявшего курс на Окленд. В пути они никому ни словом не обмолвились о своих приключениях; два дня спустя путешественники уже прибыли в столицу Новой Зеландии.

Здесь их принял в качестве пассажиров один из пакетботов Тихоокеанской линии, и 20 сентября, после вполне благополучного плавания, трое беглецов

с «Альбатроса» уже высадились в Сан-Франциско. На пакетботе они также никому не сказали, ни кто они, ни куда едут; но так как пассажиры щедро оплатили свой проезд, то ни один американский капитан не стал бы их ни о чем расспрашивать.

В Сан-Франциско дядюшка Прудент, его коллега и слуга Фриколлин сели в первый же поезд Тихоокеанской железной дороги. 27 сентября они уже прибыли в Филадельфию.

Вот краткий рассказ о том, что произошло после того, как беглецы покинули борт «Альбатроса», а затем и остров Чатам. Вот как случилось, что в тот вечер, 27 сентября, председатель и секретарь Уэйдонского ученого общества могли снова занять свои места за столом президиума на заседании, открывшемся при огромном стечении публики.

Никогда еще дядюшка Прудент и Фил Эванс не были так спокойны. При взгляде на них никому бы и в голову не пришло, какие необыкновенные события разыгрались после достопамятного заседания 12 июня! Казалось, они решительно вычеркнули из своей жизни последние три с половиной месяца!

После первых громовых криков «ура», которые оба выслушали без малейшего волнения, дядюшка Прудент надел цилиндр и взял слово.

— Достопочтенные сограждане, — произнес он, — объявляю заседание открытым.

Неистовые рукоплескания и, надо сказать, вполне уместные! Правда, в том, что это заседание открылось, не было ничего особенного, но то, что

председательствовал на нем дядюшка Прудент, а секретарем был Фил Эванс, казалось просто невероятным.

Председатель переждал, пока не затихли восторженные крики и бурные рукоплескания. Затем он продолжал:

— На последнем заседании, господа, возникла весьма бурная дискуссия (Слушайте! Слушайте!) между теми, кто требовал установить гребной винт на носу гондолы нашего воздушного шара «Вперед», и теми, кто считал, что место его на корме! (Удивленные восклицания.) Ныне мы нашли способ примирить противников. Вот этот способ: надо установить два винта, один — на носу, другой — на корме гондолы! (Всеобщее молчание и полная растерянность в зале.) И это было все.

Да, все! О похищении председателя и секретаря Уэлдонского ученого общества — ни слова! Ни слова ни об «Альбатросе», ни об инженере Робуре! Ни слова о воздушном путешествии! Ни слова о том, как узникам удалось бежать! Наконец ни слова о том, что случилось с воздушным кораблем: продолжает ли он летать в воздушном пространстве и не следует ли членам клуба опасаться новых нападений!

Всякий поймет, что присутствовавшим на заседании воздухоплавателям до смерти хотелось порасспросить дядюшку Прудента и Фила Эванса; но оба были так чопорны и замкнуты, что пришлось считаться с их поведением. Когда они соблаговолят

высказаться, они выскажутся, и все почтут за честь их выслушать.

Кроме того, быть может, в этом загадочном деле есть какая-то тайна, раскрыть которую еще не время.

Но вот дядюшка Прудент вновь взял слово и в полной тишине, никогда дотоле не наблюдавшейся на заседаниях Уэлдонского ученого общества, заявил:

— Господа, теперь остается лишь закончить сооружение аэростата «Вперед», которому предназначено покорить воздушную стихию. Объявляю заседание закрытым!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, которая заканчивает, но не завершает правдивую историю об «Альбатросе»

Нвадцать девятого апреля следующего года, через семь месяцев после неожиданного возвращения дядюшки Прудента и Фила Эванса, всю Филадельфию охватило волнение. На этот раз политика была ни при чем. В тот день не было ни выборов, ни митингов. Всех занимало событие иного рода: воздушный шар «Вперед», законченный стараниями Уэлдонского ученого общества, готовился, наконец, отправиться в свою родную стихию.

Воздухоплавателями были прославленный Гарри У.Тиндер, чье имя уже упоминалось в начале нашего повествования, и его помощник.

Пассажирами — председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества. Разве не заслужили они подобной чести? Разве не принадлежало им право самолично участвовать в испытании, имевшем целью посрамить летательные аппараты тяжелее воздуха?

И теперь, по прошествии семи месяцев, они все еще ни словом не обмолвились о своем приключении.

Даже Фрикаллин, как ни трудно ему было хранить молчание, ничего не рассказал ни об инженере Робуре, ни о его чудесной летательной машине. Воинствующие сторонники воздушных шаров, дядюшка Прудент и Фил Эванс, по понятным причинам избегали всяких разговоров о воздушном корабле и вообще о летательных аппаратах. До тех пор, пока воздушный шар «Вперед» не занял первого места среди аппаратов для воздушных сообщений, они и слышать не хотели ни о каких изобретениях, принадлежащих сторонникам авиации. Они все еще верили, и им хотелось верить вечно, что истинным средством передвижения в воздухе остается воздушный шар и что ему одному принадлежит грядущее.

К тому же человек, которому они так жестоко отомстили, — в чем нисколько не раскаивались, — наверняка погиб, и никто из экипажа воздушного корабля не мог, конечно, пережить его. Секрет устройства «Альбатроса» был отныне погребен в глубинах Тихого океана.

Правда, оставалось еще предположение, что у инженера Робура было тайное пристанище, уединенный остров, затерянный в просторах безбрежного океана. Воздухоплаватели помнили об этом и собирались впоследствии предпринять розыски этого острова.

Итак, предстояло, наконец, великое испытание, которое Уэлдонское ученое общество готовило так долго и с таким старанием. Аэростат «Вперед» был

самым совершенным образцом всего, что было достигнуто до сих пор в области воздухоплавания, подобно тому как «Непреклонный» и «Грозный» являлись высшим достижением в области мореплавания.

Он обладал всеми качествами, которыми должен обладать воздушный шар. Его размеры разрешали ему подниматься до самых верхних слоев атмосферы, доступных для аэростата; непроницаемость его оболочки позволяла ему находиться неограниченное время в воздухе, а прочность ее — не опасаться любого расширения газа, так же как и самого сильного дождя и ветра; благодаря большому газоизмещению аэростат без труда поднимал в воздух систему электрических двигателей, которая сообщала его гребным винтам еще невиданную скорость вращения. Воздушный шар Уэлдонского ученого общества имел удлиненную форму, что облегчало его полет в горизонтальном направлении. Его гондола, напоминая ту, какую подвесили к своему воздушному шару капитаны Кребс и Ренар, была оснащена всем необходимым воздухоплавателю оборудованием: в ней имелись физические приборы, канаты, якоря, гайдропы и прочее, не говоря уж об источниках электрической энергии — батареях и аккумуляторах. На носу гондолы был установлен гребной винт; второй винт был укреплен, как и руль, на корме. Однако двигатели аэростата значительно уступали в мощности двигателям «Альбатроса».

После того как оболочку воздушного шара наполнили газом, он был доставлен на поляну в Фэрмонт-парке, на то самое место, куда когда-то на несколько часов опустился воздушный корабль.

Нечего и говорить, что подъемная сила аэростата «Вперед» создавалась с помощью легчайшего из газов. Один кубический метр светильного газа обладает способностью поднимать в воздух около семисот граммов, что создает лишь незначительную подъемную силу в воздушной среде. А каждый кубический метр водорода может поднять груз в тысячу сто граммов. Чистый водород, полученный в специальных аппаратах, по способу знаменитого Анри Жиффара, и наполнял гигантский воздушный шар. Газоизмещение аэростата составляло сорок тысяч кубических метров, и его подъемная сила равнялась сорока тысячам, помноженным на тысячу сто, то есть сорока четырем тысячам килограммов.

В то утро, 29 апреля, все приготовления к полету были закончены. К одиннадцати часам огромный воздушный шар уже покачивался в нескольких футах от земли, готовый подняться ввысь.

Стояла великолепная погода, словно специально предназначенная для предстоявшего важного испытания. Правда, ветру не мешало бы, пожалуй, быть посвежее, так как это сделало бы опыт более убедительным. В самом деле, ведь никто не сомневался, что воздушным шаром можно управлять в тихую погоду; но совсем иное дело, когда в атмосфере происходит сильное движение воздуха, и

именно в таких условиях надлежало бы производить испытания.

Но ветра не было и в помине, и ничто» не указывало на то, что он может подняться. В тот день Северная Америка в виде исключения явно не собиралась послать в Европу ни одной из тех знатных бурь, которых у нее так много в запасе. Трудно было выбрать более подходящую погоду для успешного проведения опыта.

Надо ли говорить, что огромная толпа заполнила Фэрмонт-парк, что бесчисленные поезда доставляли в столицу Пенсильвании любопытных из соседних штатов, что промышленная и деловая жизнь в городе на время замерла? И все без исключения — хозяева, служащие, рабочие, мужчины и женщины, старики и дети, депутаты конгресса, представители армии, правительственные чиновники, репортеры, местные жители, и белые и цветные, — все теснились на просторной поляне. Надо ли описывать бурные чувства этой толпы, ее внезапные порывы, когда по людскому морю, казалось, пробегали волны? Надо ли упоминать, какие оглушительные крики «гип-гип-гип!» слышались со всех сторон, подобно взрывам фейерверка, когда дядюшка Прудент и Фил Эванс появились в гондоле, подвешенной к аэростату, убранному в национальные цвета Америки? Надо ли, наконец, говорить, что большая часть зрителей явилась сюда не столько для того, чтобы взглянуть на исполинский аэростат, сколько для того, чтобы поглазеть на двух необыкновенных людей, из-за

которых Старый Свет преисполнился зависти к Новому?

Но почему речь идет о двух героях дня, а не о трех? Где же Фриколлин? Фриколлин решил, что с него вполне достаточно славы, которую он снискал себе полетом на «Альбатросе», и отклонил честь сопровождать своего господина. Вот почему он лишился своей доли в тех неистовых приветствиях, которыми были встречены председатель и секретарь Уэддонского ученого общества.

Само собой разумеется, что все члены прославленного клуба воздухоплавателей в полном составе присутствовали на торжестве: они заняли отведенные им места в центре поляны, огражденные канатами и полицейскими кордонами. Здесь находились Трак Милнор, Бэт Т.Файн и Уильям Т.Форбс под руку со своими дочерьми — мисс Долл и мисс Мэт. Все они явились засвидетельствовать, что нет такой силы, которая могла бы разъединить сторонников «аппаратов легче воздуха»!

В одиннадцать часов двадцать минут пушечный выстрел возвестил, что последние приготовления окончены.

Аэростат ожидал теперь лишь сигнала к отправлению. В одиннадцать часов двадцать пять минут послышался второй пушечный выстрел.

Гигантский воздушный шар, удерживаемый канатами, поднялся метров на пятнадцать над поляной. Его гондола покачивалась над замершей от волнения толпой. И тогда дядюшка Прудент и Фил

Эванс, стоявшие в передней части гондолы, приложили левую руку к груди — в знак того, что они душою вместе со всеми собравшимися. Затем они простерли правую руку к небесам — в знак того, что самый крупный из дотоле существовавших воздушных шаров готов, наконец, овладеть воздушным пространством.

И в ту же минуту сто тысяч человек приложили свою левую руку к груди, а правую — простерли вверх.

Третий пушечный выстрел прозвучал ровно в одиннадцать часов тридцать минут.

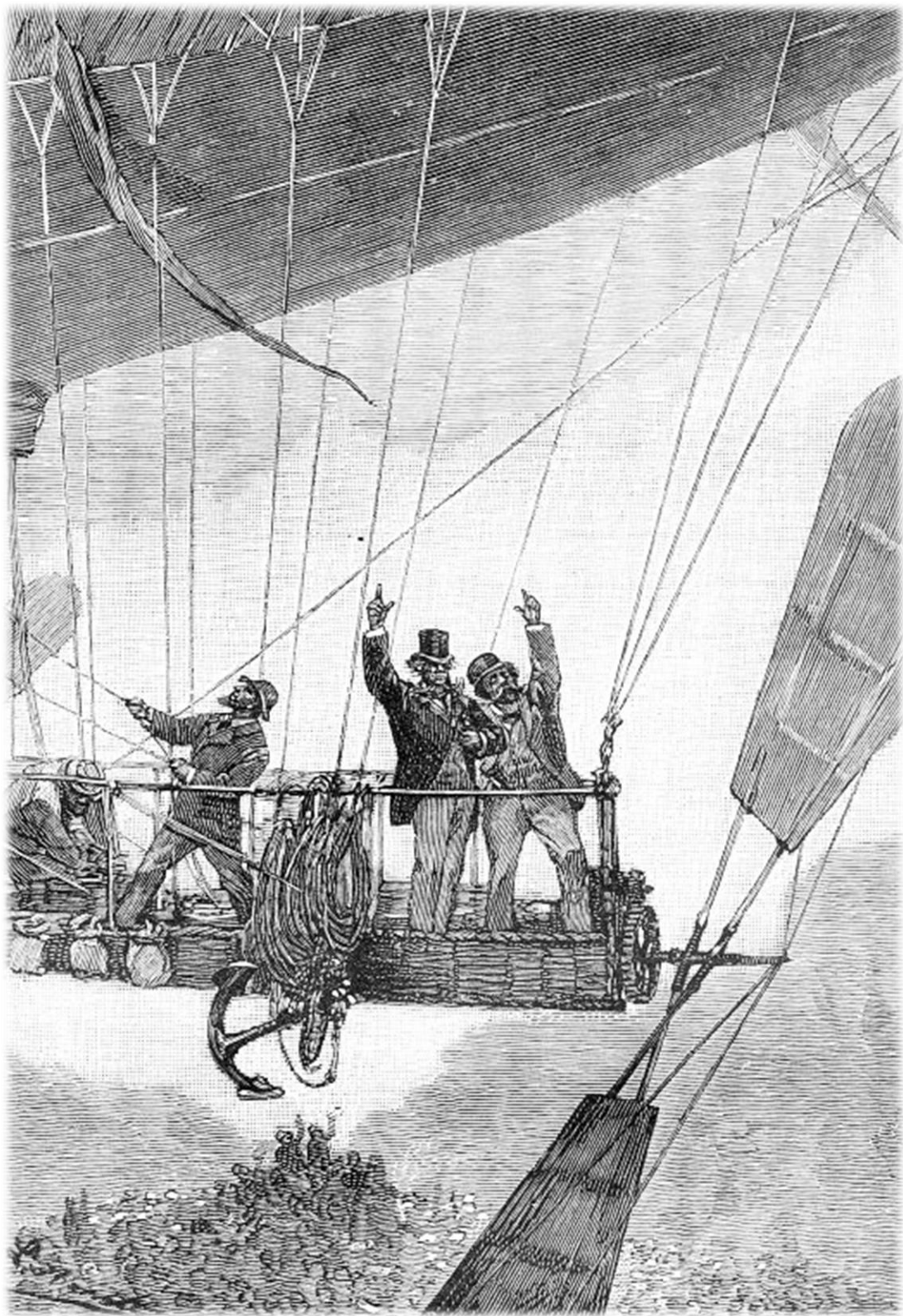
— Отдать концы! — крикнул Дядюшка Прудент, употребляя традиционную морскую формулу.

И аэростат «Вперед» величественно поднялся ввысь, как принято выражаться при описании полетов воздушных шаров.

Это и вправду было величественное зрелище! Казалось, огромный корабль плавно сошел со стапеля судостроительной верфи. И в самом деле, разве аэростат не устремился в просторы воздушного океана?

Воздушный шар поднимался вверх строго по вертикали, что свидетельствовало о полном отсутствии ветра, и остановился на высоте двухсот пятидесяти метров.

Здесь начались различные маневры, которые «Вперед» проделывал в горизонтальной плоскости. Сначала, движимый своими гребными винтами, он поплыл навстречу солнцу со скоростью десяти

«...аэростат „Вперед“ величественно поднялся ввысь»

метров в секунду. Это обычный ход спокойно плывущего по морю кита. Сравнение аэростата с гигантом полярных морей напрашивалось само собой, ибо своей формой он напоминал это огромное млекопитающее.

Новый взрыв восторженных возгласов донесся до слуха воздухоплавателей.

Затем, подчиняясь воле рулевого, аэростат стал послушно кружиться и проделывать различные криволинейные и прямолинейные движения. Он двигался в ограниченном пространстве, уходил вперед, возвращался назад, и все это с такой легкостью, что, казалось, мог бы убедить даже самых ярых противников теории управляемых воздушных шаров, если бы такие присутствовали на поляне!.. Впрочем, если бы они там присутствовали, их, наверно, разорвали бы на куски.

И почему только не было ветра при этом неповторимом испытании? Право, это было весьма досадно. Ведь тогда все увидели бы, что аэростат может без труда проделывать любые маневры: либо двигаясь под углом к ветру, как парусное судно, идущее в бейдевинд, либо преодолевая встречные воздушные течения, подобно пароходу, побеждающему сильную волну.

Тем временем воздушный шар поднялся еще на несколько сот метров.

Толпа разгадала маневр. Дядюшка Прудент и его спутники надеялись найти какое-нибудь воздушное течение в верхних слоях атмосферы, чтобы

продолжить испытание. Надо сказать, что в воздушном шаре была целая система внутренних баллонетов, которые играют ту же роль, что плавательные пузыри у рыб; накачивая в них насосами нужное количество воздуха, можно заставить аэростат перемещаться в вертикальной плоскости. Таким образом, не выбрасывая балласта при подъеме и не выпуская газа при спуске, воздухоплаватель мог по своей воле заставить воздушный шар подниматься или опускаться в воздухе. На случай быстрого спуска аэростат имел особый клапан, расположенный в верхней части оболочки. Словом, воздушный шар Уэлдонского ученого общества был построен на основе уже известных систем, но доведенных до высшей степени совершенства.

Итак, «Вперед» поднимался по вертикали. Огромный шар уменьшался прямо на глазах, как бывает при оптическом обмане. И это любопытное зрелище вознаграждало зрителей, шейные позвонки которых уже сильно ломало от того, что они неотрывно смотрели вверх. Громадный кит постепенно превратился в дельфина, а тот в свою очередь — в обыкновенного пескаря.

Поднимаясь все выше, аэростат достиг четырех тысяч метров. Но в прозрачном небе не было ни облачка, ни дымки, и его ясно видели с земли.

При этом аэростат все время оставался над поляной, как будто его удерживали невидимые нити. Если бы атмосферу накрыли огромным стеклянным

колпаком, и тогда воздух не был бы более неподвижен: ни в верхних, ни в нижних слоях его не ощущалось ни малейшего дуновения. Не встречая никаких препятствий, воздушный шар быстро поднимался ввысь; из-за дальности расстояния он казался таким маленьким, будто на него смотрели в перевернутый бинокль.

Вдруг в толпе послышался крик, подхваченный десятками тысяч людей. Все указывали на одну и ту же точку в северо-западной части горизонта.

Там, в лазурной вышине, показалось движущееся тело; оно все увеличивалось. Что это такое? Птица, рассекающая крыльями верхние слои атмосферы? Или болид, летящий наискось в воздушном пространстве? Так или иначе, движущийся предмет приближался с невероятной быстротой и должен был вскоре пролететь над поляной.

Одно и то же подозрение с быстротой электрического тока пронеслось в голове каждого, находившегося на земле.

Но, как видно, и воздушный шар заметил это загадочное тело. Он несомненно почувствовал, что ему угрожает опасность, ибо его скорость возросла, и он стал удаляться на восток.

Да! Стоявшие внизу все поняли! Слово, вырвавшееся у одного из членов Уэлдонского ученого общества, было немедленно подхвачено стотысячной толпой:

— «Альбатрос»!.. «Альбатрос»!

Это и в самом деле был «Альбатрос»! Робур вновь показался в небесной вышине! Подобно гигантской хищной птице, он готовился накинуться на аэростат!

Но ведь девять месяцев назад разрушенный взрывом воздушный корабль, с поврежденными винтами и переломившейся пополам палубой, рухнул в море. Если бы не удивительное хладнокровие инженера, сумевшего изменить направление, в котором вращался передний гребной винт, и превратить его тем самым в подъемный, экипаж «Альбатроса» задохнулся бы во время стремительного падения. Но если Робуру и его товарищам удалось избежать гибели от удушья, то как спаслись они от смерти в волнах Тихого океана?

Дело в том, что обломки палубы, перегородки рубок, лопасти гребных винтов — все, что сохранилось от «Альбатроса», составило внушительную грудку плавучих материалов. Когда раненая птица падает в воду, крылья еще некоторое время поддерживают ее на волнах. Точно так же Робур и его люди сначала плыли на этих обломках, а затем перебрались в уцелевшую после гибели «Альбатроса» резиновую лодку, которую они нашли на поверхности океана.

Провидение — для тех, кто верит в божественное вмешательство в дела человеческие, или случай — для тех, кто по недостатку веры не признает провидения, пришли на помощь потерпевшим бедствие.

Через несколько часов после восхода солнца их заметили с какого-то корабля. Подошедшая к ним шлюпка взяла на борт не только Робура и его спутников, но и плававшие по морю обломки «Альбатроса». Не вдаваясь в подробности, инженер сообщил, что его судно потерпело кораблекрушение; и таким образом его инкогнито было сохранено.

Корабль, подобравший пострадавших, оказался трехмачтовым английским судном «Two Friends»¹⁸. Оно следовало из Ливерпуля в Мельбурн, куда и прибыло через несколько дней.

Итак, Робур и его товарищи оказались в Австралии; однако отсюда было еще весьма далеко до острова Икс, на который они торопились попасть как можно скорее.

Среди обломков кормовой рубки Робуру удалось разыскать внушительную сумму денег, что позволило ему удовлетворить все неотложные нужды своих спутников, не прибегая к посторонней помощи. Вскоре после прибытия в Мельбурн он купил небольшую шхуну водоизмещением в сто тонн; и для инженера, отлично знавшего морское дело, не составило большого труда добраться до острова Икс.

С тех пор Робуром неотступно владела лишь одна мысль — отомстить! Но отомстить можно было только построив второй «Альбатрос» — задача вполне выполнимая для того, кто создал первый! Было использовано все, что могло пригодиться из

¹⁸ "Два друга" (англ.).

ущевших частей разрушенного воздушного корабля, — гребные винты, различные детали двигателей, которые вместе с остальными обломками были погружены на шхуну. Машинное отделение оборудовали новыми батареями и аккумуляторами. Словом, меньше чем за восемь месяцев все было закончено, и новый «Альбатрос», точная копия того, который был уничтожен взрывом, столь же мощный и быстроходный, уже готов был взмыть в поднебесье.

Само собой разумеется, что экипаж его остался прежним, и экипаж этот был полон ненависти ко всему Уэлдонскому ученому обществу вообще и к дядюшке Пруденту и Филу Эвансу в частности.

«Альбатрос» покинул остров Икс в первых числах апреля. Робур не желал, чтобы воздушный корабль был замечен в каком бы то ни было уголке земли. Поэтому «Альбатрос» почти все время летел над облаками. Достигнув Северной Америки, воздушный корабль совершил посадку в пустынной части Дальнего Запада. Здесь инженер, соблюдая самое строгое инкогнито, с величайшим удовольствием узнал, что Уэлдонское ученое общество намеревается вскоре приступить к испытанию своего аэростата «Вперед»; аэростат этот, взяв в свою гондолу дядюшку Прудента и Фила Эванса, должен подняться в небо над Филадельфией 29 апреля.

Какой великолепный случай привести в исполнение план мести, который вынашивали в душе Робур и его товарищи! Это будет грозное возмездие, и аэростату не избежать его! Это будет

публичное мщение, и оно покажет всем полное превосходство воздушного корабля над воздушными шарами и другими аппаратами легче воздуха.

Вот как случилось, что в тот день «Альбатрос», точно ястреб, камнем падающий с небесной высоты на землю, показался над Фэрмонт-парком.

Да! Это был «Альбатрос», и его без труда узнали даже те, кто его никогда не видел!

«Вперед» по-прежнему пытался спастись бегством. Но вскоре воздухоплаватели поняли, что им ни за что не уйти от погони, если они будут лететь в горизонтальном направлении. Вот почему они решили вести аэростат в вертикальной плоскости; но устремились они не к земле, ибо воздушный корабль мог легко преградить им путь, а в верхние слои атмосферы, где надеялись оказаться вне досягаемости. Это был весьма смелый, но единственно возможный для них маневр.

Однако «Альбатрос» начал подниматься за ними. Значительно уступая в размерах аэростату, он был похож на рыбу-меч, преследующую кита, чтобы проткнуть его своим грозным оружием, или на миноносец, настигающий бронированный корабль, чтобы взорвать его.

На земле с тревогой следили за этой погоней! В несколько мгновений воздушный шар достиг высоты пяти тысяч метров. «Альбатрос» преследовал его по пятам. Он описывал вокруг аэростата круги, которые с каждым разом становились все уже. Он мог бы уничтожить аэростат одним ударом,

проткнув его оболочку. И тогда дядюшка Прудент и его спутники нашли бы себе страшную гибель, разбившись при падении на землю!

Онемев от ужаса и едва переводя дыхание, многотысячная толпа находилась во власти того тягостного чувства, которое охватывает нас при виде человека, падающего с высоты, когда мучительно сжимается грудь и подкашиваются ноги.

В воздухе готов был начаться бой, страшный бой, когда в отличие от сражения на море не остается никаких шансов на спасение, — первый воздушный бой, но, разумеется, не последний, ибо прогресс заложен в самой природе нашего мира. Огромный аэростат летел под американским флагом; над «Альбатросом» реяло черное, украшенное звездами полотнище, с золотым солнцем посередине — флаг Робура-Завоевателя.

Воздушный шар попытался спастись от своего врага, поднявшись еще выше. Полностью освободившись от балласта, он совершил новый прыжок в тысячу метров. Теперь он казался лишь едва заметной точкой в пространстве. «Альбатрос», винты которого вращались с максимальной скоростью, неотступно следовал за ним и вовсе скрылся из виду.

Внезапно вопль ужаса разнесся над поляной.

Аэростат увеличивался буквально на глазах; вскоре показался и воздушный корабль, также спускавшийся к земле. Всем стало ясно, что аэростат падает. Газ, непомерно расширившись в верхних

слоях атмосферы, прорвал оболочку, и наполовину опустошенный воздушный шар стремительно летел вниз.

«Альбатрос», умерив скорость своих подъемных винтов, снижался с такой же быстротой. И когда «Вперед» находился всего лишь в тысяче двухстах метрах от земли, «Альбатрос» подошел к самому борту его гондолы.

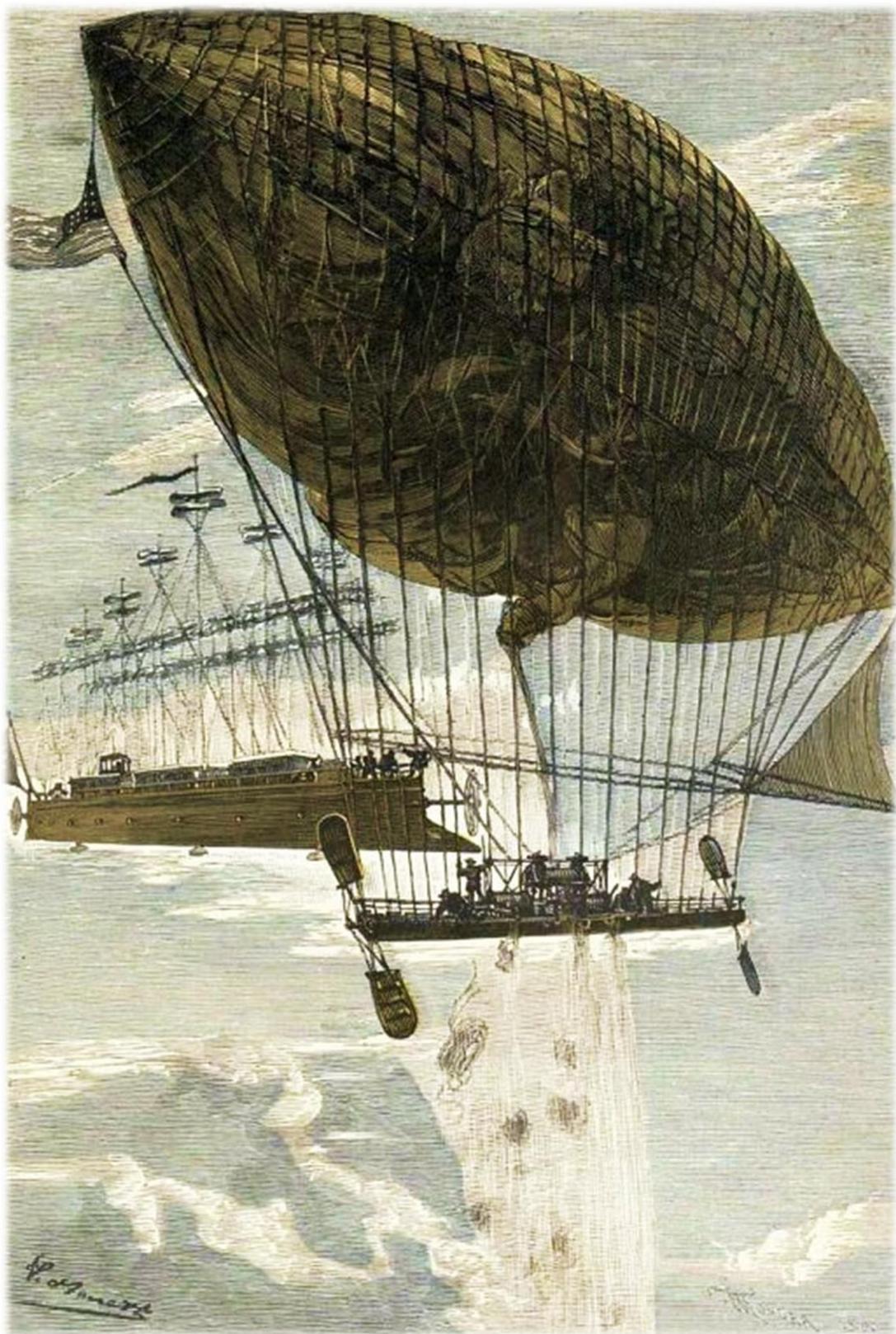
Неужели Робур решил прикончить своего врага?.. Нет!..» Он хотел оказать ему помощь, хотел спасти его экипаж!

И так искусен, был этот маневр, что воздухоплаватель и его помощник смогли перескочить из гондолы аэростата на палубу воздушного корабля.

Уж не собирались ли дядюшка Прудент и Фил Эванс отвергнуть помощь Робура и отказаться от спасения? Они были вполне на это способны! Но команда «Альбатроса» набросилась на них и силой заставила перейти на палубу воздушного корабля.

Затем «Альбатрос» отлетел в сторону и неподвижно застыл в воздухе, в то время как воздушный шар, из оболочки которого вытек весь газ, упал на верхушки деревьев, осенявших поляну, я бессильно повис на ветвях, точно гигантский лоскут.

На земле все замерли от ужаса. В мертвом молчании не слышно было дыхания людей. Многие закрыли глаза, чтобы не видеть страшной развязки.

«...„Альбатрос“ подошел к самому борту его гондолы»

Итак, дядюшка Прудент и Фил Эванс опять стали пленниками инженера Робура. Не собирался ли он вновь умчаться в пространство, куда никто не сможет за ним последовать?

Это было вполне вероятно.

Между тем «Альбатрос» не только не поднялся ввысь, но все приближался к земле. Казалось, он хочет совершить посадку, и толпа раздалась, чтобы очистить ему место в центре поляны.

Волнение собравшихся достигло крайнего предела.

«Альбатрос» остановился в двух метрах от земли. И среди глубокого молчания послышался голос Робура.

— Граждане Соединенных Штатов, — начал он, — председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества снова находятся в моей власти. Задержав их у себя, я лишь воспользовался бы правом возмездия. Но, видя возбуждение, в которое их привели успехи «Альбатроса», я понял, что умы людей еще не подготовлены к тому важнейшему перевороту, который в один прекрасный день должно произвести завоевание воздуха. Дядюшка Прудент и Фил Эванс, вы свободны!

Председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества, а вместе с ними командир аэростата и его помощник спрыгнули на землю.

«Альбатрос» тотчас же поднялся метров на десять над толпой.

Затем Робур продолжал:

— Граждане Соединенных Штатов, мои опыты завершены, но отныне я полагаю, что ничего не следует делать раньше времени. Это относится и к прогрессу: успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов. Надо идти путем постепенного развития, а не путем бурных переворотов. Словом, всему — свой срок! Явись я сегодня, я пришел бы слишком рано, и мне не удалось бы примирить противоречивые и своекорыстные интересы людей. Народы еще не созрели для единения.

Поэтому я покидаю вас. Секрет своего изобретения я уношу с собой, но он не погибнет для человечества. Он будет принадлежать ему в тот день, когда люди станут достаточно образованными, чтобы извлечь пользу из моего открытия, и достаточно благоразумными, чтобы никогда не употреблять его во вред. Прощайте же, граждане Соединенных Штатов, прощайте!

И «Альбатрос», рассекая воздух всеми своими подъемными винтами, движимый вперед обоими гребными винтами, вращавшимися с наивысшей скоростью, скрылся на востоке под бурные крики, на сей раз выражавшие восхищение.

Дядюшка Прудент и Фил Эванс, полностью посрамленные, как и все Уэлдонское ученое общество в их лице, сделали то, что им только и оставалось: поспешили возвратиться к себе домой. А толпа, настроение которой внезапно переменилось,

проводила их жестокими насмешками, впрочем вполне заслуженными!

Теперь все тот же вопрос: кто такой Робур? Узнаем ли мы когда-нибудь?

Мы это знаем уже сегодня. Робур — наука будущего, быть может наука завтрашнего дня. Это — надежный резерв грядущего.

А «Альбатрос»? Путешествует ли он еще в земной атмосфере, среди своих владений, которых никто не в силах его лишить? Нет оснований в этом сомневаться. Однако появится ли Робур-Завоеватель в один прекрасный день, как он сам о том возвестил? Да! Он придет вновь, чтобы раскрыть секрет своего изобретения, которое может изменить социальные и политические условия жизни общества.

Будущее воздушных сообщений принадлежит летательным машинам, а не аэростатам.

Именно «Альбатросам» предстоит окончательно покорить воздух!

1886 г.

Конец

Комментарии

Одним из основных источников при написании романа послужили работы Лаланделя «В воздухе: Элементарная история авиации» и «Авиация, или воздушная навигация без аэростатов»; а также Понтон Д'Амекура «Завоевание воздуха винтами. набросок новой системы авиации». Идею для создания «Альбатроса» писателю возможно и дал прообраз вертолета, придуманный в 1863 году Понтоном д'Амекуром. С шестидесятых годов XIX века Жюль Верн вместе с ними состоял в «Обществе сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха».

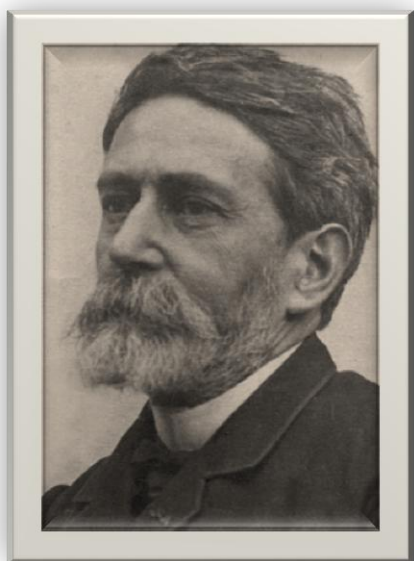
Над романом автор работал в 1885 году. По тексту написанной книги он прошел «со своим инженером» — вероятно, это был Альбер Бадуро.

Первая публикация романа — в журнале «Journal des Débats politiques et littéraires» с 29 июня по 18 августа 1886 года. Книжное издание увидело свет 23 августа 1886 года. Первое иллюстрированное издание романа — 45 иллюстраций Леона Бенетта — вышло 14 октября 1886 года. Также данный роман, вместе с романом «Лотерейный билет», вошел в состав двадцать первого «сдвоенного» тома «Необыкновенных путешествий» — опубликован 11 ноября 1886 года.

Первое российское издание романа носило заглавие «Воздушный корабль» и печаталось в журнале «Вокруг света» с №33 за 1886 год. Другое издание в этом же году вышло под названием «Сила-победитель».

Почти через двадцать лет автор вернулся к главному герою романа — изобретателю Робуру — и описал его дальнейшую судьбу в романе «Властелин мира».

Евгений Борисов

🎨 художники

Леон Бенет (Léon Benett; 2.3.1839, Оранж, деп. Воклюз — 7.12.1916, Тулон; имя при рождении Ипполит Леон Бене (Hippolyte Léon Benet) – французский художник и иллюстратор. Родился в Оранже (деп. Воклюз). Изменил фамилию на Benett, вероятно, чтобы

выстроить собственную карьеру в администрации в качестве рисовальщика. Будучи куратором ипотеки в правительстве, Л. Бенет много путешествовал. Во время посещения Алжира, Кохинины, Мартиники и Новой Каледонии он сделал множество зарисовок сцен жизни этих экзотических народов, которые впоследствии послужили источником его книжных иллюстраций.

Л. Бенет (наряду с Ж. Фера, А. де Монто, Э. Риу и Ж. Ру) является самым известным иллюстратором произведений Жюль Верна. Им проиллюстрировано 25 книг писателя, в том числе «Вокруг света за 80 дней», «Тревожнения китайца в Китае», «Пятьсот миллионов Бегумы», «Паровой дом», «Открытие земли», «Жаганда», «Зеленый луч», «Упрямец Керабан», «Архипелаг в огне», «Матиас Шандор», «Робур-Завоеватель», «Север против Юга», «Два года каникул», «Клодиус Бомбарнак», «Драма в Лифляндии», «Агентство Томпсон и Со» и др.

Кроме того, Л. Бенет проиллюстрировал несколько произведений Томаса Майн Рида («На суше и на море», «Вождь с золотым браслетом», «Водяная пустыня в лесу», «Морской волчонок»), книги Мишеля Антара, Адольфа Бадена, Камилля Фламариона, Андре Лори и других писателей. Вместе с Ж. Ру он также создал 23 иллюстрации к повестям «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого для парижского издания 1886 года.